

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

СВАРОГ

ВРЕМЕНА
ЗВЕЗДОЧЕТОВ

НАШ ГРУСТНЫЙ МАССАРАКШ

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чертова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиянт
Чудовища в янтаре. Дыхание мороза
Чудовища в янтаре. Улица моя тесна
Нежный взгляд волчицы. Замок без ключа
Нежный взгляд волчицы. Мир без теней
Времена звездочетов. Наш грустный массаракш

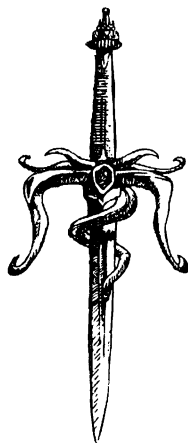
Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ВРЕМЕНА
ЗВЕЗДОЧЕТОВ
Наш грустный
массаракш

Москва

ОЛМА
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Печатается с сохранением особенностей
авторского стиля, орфографии и пунктуации.

Бушков, Александр Александрович
Б90 Времена звездочетов. Наш грустный массаракиш:
Роман / Александр Бушков. — Москва : Просвещение-
Союз, 2024. — 288 с. — (Сварог — фантастический боевик).
ISBN 978-5-00185-374-9

Новый роман о приключениях Сварога — новое преображение любимого героя! Сварог превращается в воспитателя и астронома (и это последнее — вопиюще неприлично)!

В новой, весьма рискованной игре он вынужден действовать наугад, чтобы установить истину. Но он даже не ожидал, что кто-то выкинет перед ним «пестрый флаг капитуляции», формально означающий победу. Кто бы мог знать, что все это обернется потерями!

Александр Бушков, как всегда, дарит нам уникальную смесь дворцовых интриг и ярких приключений в мире давно опустевших городов и новых Диких Времен. В мире, где все живут под девизом «Не смотри вверх»...

Роман написан в лучших традициях русского фэнтези, а море загадок и вопросов не даст заскучать ни герою, ни читателям.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00185-374-9

© Бушков А. А., текст, 2023
© ООО «Просвещение-Союз», 2023
© Художественное оформление.
ООО «Просвещение-Союз», 2023
Все права защищены.

В действительности все не так, как на самом деле.

Станислав Ежи Лец

СЛЫШЕН ЗВОН КАНДАЛЬНЫЙ...

Как-никак «Золотая гостиница» располагалась в королевском дворце, притом в главном, а потому при обустройстве дизайн был (на взгляд обычных «долгих ночлежников»*, попади они сюда каким-то чудом), роскошнее обычных таларских тюрем. Стены выложены коричневым фулайтанским мрамором, пол из дубовых досок, потолок светло-желтый с белой лепниной по углам — вполне в стиле дворцовых коридоров в отведенном для прислуги крыле. Ну, а режим содержания, подумал Сварог с неудовольствием, и вовсе выглядит курортным. Долго не доходили руки, но коли уж подвернулся удобный случай навести порядок...

А в остальном — тюрьма как тюрьма из категории образцовых. В недлинном коридоре — с дюжину дверей с начищенными медными циферками, снабженных внушительными засовами, «кормушками» и «волчками». Единственное отличие — здесь не было по причине малых размеров деления на мужское и женское крыло, а потому в коридоре бдительно несли вахту и коридорный, и коридорная, габаритный мужик и здоровенная бабища.

* Долгие ночлежники — тюремные сидельцы (здесь и далее примечания автора).

Все здешние кадры попали сюда из обычных тюрем, получали жалованье втрое больше обычных вертухаев, крайне пыжились перед собратями по ремеслу: у них, кроме обычных скрещенных ключей на воротниках мундиров и форменных платьев, имелась еще в знак особого положения и королевская корона — хелльстадская, часто использовавшаяся Сварогом в виде символа всех его владений. Своим местом дорожили крайне, даже не из-за денег, а по причине короны, а потому, вопреки потаенным обычаям заурядных тюрем, не оказывали узникам ни малейших поблажек, ничего не передавали ни на волю, ни с воли, какие бы деньги ни сулили. Оказалось, и эти цепные псы делают крупные промашки — но вины на них нет ни малейшей: в очередной раз проявили себя хитроумие и изобретательность Каниллы Дегро...

Смотритель (прежде начальник одной из латеранских тюрем, посевший на этой службе) шел на полшага впереди Сварога с Интагаром, почтительно повернувшись к ним вполоборота. Его лицо не выражало ничего, кроме обычного служебного рвения — ну конечно, ни о чем не подозревал. Никто не знал, кроме Сварога, Интагара и двух надежных людей из тайной полиции, выступавших в роли простых дворцовых стражников...

Процессия остановилась перед дверью с медной циферкой «три», коридорная привычно нагнулась к волчку и доложила, выпрямившись:

— Лежит. Читает.

Сварог указал подбородком на дверь из темных досок. Отстранив коридорную властным взглядом, смотритель самолично отодвинул хорошо смазанный засов, почтительно распахнул перед Сварогом дверь и вошел третьим, вслед за Интагаром.

Несчастливая узница успела отложить какой-то земной роман в аляповатой многоцветной обложке и принять самую что ни на есть соблазнительную позу. Из чистой вредности, разумеется, знала прекрасно, что никого из троицы не проймешь ни обнаженными до крайнего предела приличий великолепными ножками, ни плать-

ицем в обтяжку происхождением с Той Стороны — ну, разве что лишний раз подразнить Интагара, на коего эти платья действовали, как красная тряпка на быка, хотя он никогда не подавал виду.

Не обременяя себя приветствием, Сварог взял книгу, присмотрелся, хмыкнул. Очередное творение укрывшегося за красивым женским псевдонимом студента Реми-денума именовалось «Жемчужина в пыли». На обложке изображена очаровательная девица с безукоризненной затейливой прической, в пышном платье и кандалах, сидевшая на охапке соломы и с тоской в глазах взиравшая на зарешеченное окно — высокое, арковидное, каких в тюрьме отродясь не бывало. Солома выглядела чистойшей и красивой, а приличных размеров кандалы — пластмассовыми, незаметно было, чтобы они доставляли красавице хоть малейшее неудобство. И стена камеры — из красиво уложенных камней. Одним словом, романтическое фуфло, несбыточная мечта любой взаправдашней тюремной сиделицы. Однако успех имеет, даже Яна и Канилла с Томи признавались как-то, что порой эти книжки читают — ради коротания времени, чтобы отвлечься от серьезных сложностей реальной жизни. Да что там, даже Потрошило, великий знаток теневых сторон жизни, «Жемчужину» проглотил и признался, что ждет продолжения. Что уж говорить о юных девицах и сентиментальных дамах, каковые в некоторых отношениях одинаковы, что на земле, что за облаками?

Глядя на пеструю обложку очередного шедевра дамской прозы, Сварог подумал, что следует ввести кое-какие коррективы в начерно набросанный план, вреда не будет, кроме пользы...

Молчание затягивалось — и на лице Каниллы наконец появилось легонькое удивление — еще не знала, что запоролась, но удивлена неожиданным визитом столь представительной делегации. Сварог спросил нейтральным тоном:

— Как самочувствие, заключница* номер три?

* Заключник — официальное именование заключенных.

— Стенаю в узилище, — столь же нейтральным тоном, но, конечно же, с затаенной насмешкой ответила Канилла.

— Жалобы и просьбы есть? — голосом заправского тюремщика поинтересовался Сварог.

— Ни малейших, — заверила Канилла.

— Ну конечно, откуда им взяться... — проворчал Сварог.

Решив не затягивать, подошел к большому, чуть ли не в луард* окну, как и полагается в приличной тюрьме, забранному основательной решеткой из прутьев толщиной с палец. Руку еще можно просунуть (и то узкую девичью), а вот голову — шалишь. Присмотрелся к решетке, новенькой, еще не тронутой ржавчиной. Точно знал, что ищет, а потому сразу же усмотрел полосочки толщиной с ячменное зернышко, образовавшие правильный квадрат. Не знал бы, не обратил внимания.

— Итак, господа мои, несложный фокус, — сказал он, не оборачиваясь.

Крепко сжав обеими руками прутья внутри вырезанного квадрата, примерился и с силой рванул на себя. Удалось со второй попытки. Противно скрежетнуло железо, и в руках у Сварога остался квадрат решетки примерно в четверть окна, оставив проем, в который легко мог пролезть человек, особенно молодой, сильный и ловкий. Прислонив решетку к стене, Сварог обернулся и окинул взглядом всех троих. На очаровательном личике Каниллы отразилась досада. Интагар (чьи люди обо всем и донесли) остался невозмутимым. А вот на зрителя жалко было смотреть: неопишущее изумление, переходящее прямо-таки в ужас.

— В-ваше величество... — буквально пролепетал он, то краснея, то бледнея. — Это что же такое? Побег? Но ведь не похоже...

— Конечно, не похоже, — сказал Сварог. — Это не побег, наоборот, это проникновение в тюрьму снаружи. О таком вы, конечно же, и не слыхивали?

* Луард — квадратный уард.

— В жизни не слыхивал, в-ваше... — закивал смотритель, в очередной раз из красного став бледным. — За сорок два года беспорочной службы. И никто не слышал. П-попытками побега никого не удивишь, дело, можно сказать, житейское, но чтобы в тюрьму взяли п р о н и к а т ь... Как же это, зачем...

— Сейчас объясню, — менторским тоном сказал Сварог. — У этой молодой особы есть сердечный друг, ухарь, каких поискать. Отношения самые пылкие, и почти две недели разлуки им показались вечностью — как высокопарно изъясняются авторы таких вот бессмертных творений, — он показал на книгу. — Не знаю, кто из них это придумал, и не собираюсь выяснять, как они наладили связь и обо всем договорились — в конце концов, это неинтересно и неважно. Способов немало, вы-то уж о них все знаете. Прошлой ночью, ближе к полуночи наша заключница номер три аккуратно вырезала решетку...

— Но позвольте! — смотритель кинулся к окну, осмотрел вырез, потом вырезанный кусок. Его голос обрел некую профессиональную уверенность. — Такой аккуратный разрез... Чтобы его сделать, нужен какой-то сказочный напильник, вроде «зачарованной палочки» из воровских баек. Ну да, ни малейшего следа железной стружки, в точности как в байках. Но это байки и есть, никто не слышал, чтобы в жизни... Были случаи, когда простакам за баснословные деньги впаривали якобы доподлинную палочку, вот господин Интагар не даст соврать... (Интагар кивнул), но это ж все чистейшего стекла мошенство... Или что, в самом деле... — он уставился на Каниллу словно бы со страхом и уважением одновременно. — Выходит, не байки? Тогда надо учинить скрупулезнейший обыск...

— Не поможет, — сказал Сварог. — Это не палочка, вообще не предмет, это такое заклинание. Человек проводит ладонью над железом и режет самое крепкое... Моментально и беззвучно.

— Выходит, она колдунья? Тогда нужно немедленно осведомить Багряную Палату согласно пятому параграфу циркуляра...

— Нет нужды, — сказал Сварог.

В отличие от придворных, смотритель в дворцовой жизни не участвовал и знакомых не завел, как и следовало ожидать. С тюремщиками любого ранга так и обстоит: «приличное общество» ими изволит брезговать. А посему смотритель представления не имел, кто такая Канилла на самом деле, искренне полагая ее «попавшей в случай» земной дворянкой. Впрочем, и в Империи о заклинании «нож и масло» мало кто знал, оно числилось в секретном разделе и выдавалось, если можно так выразиться, исключительно сотрудникам спецслужб, причем далеко не каждому, доверенным и проверенным оперативникам. К каковым, как ни крути, Канилла давно относилась, и по заслугам...

— Нет нужды, — повторил Сварог. — Никакой черной магии. Заклинание из раздела «непознанные стихийные силы природы». Наподобие тех, которыми садоводы сшибают яблоки с деревьев, рыбаки приманивают крупную рыбу... Таких немало, вы наверняка знаете. Другое дело, что это попадаете не чаще, чем бриллиант размером с кулак...

По лицу смотрителя Сварог видел, что тот полностью удовлетворен таким объяснением. И спокойно продолжал:

— Как эта парочка связывалась между собой, вам нет нужды знать — это уже проходит по другому ведомству. Ну, а как все произошло, рассказать можно. Ближе к полуночи, когда наша заключница разделалась с решеткой и подала нехитрый сигнал — я так полагаю, с помощью этого вот белого платочка — прыткий молодой человек забросил на решетку крюк с веревкой и без всякого труда взобрался по воронке с узлами. Высота здесь — примерно два с небольшим человеческих роста. А перед рассветом ушел тем же путем. И голубки остались в уверенности, что их не видела ни одна живая душа. Однако они не приняли в расчет господина Интагара (помянутый позволил себе легонько ослабиться)...

Сварог ухмыльнулся не без злорадства, увидев на лице Каниллы нешуточное удивление, которое она

тищенто пыталась скрыть. Да, голубки крупно просчитались...

Каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать. Гаржак и Канилла, не новички в тайной службе, понятия не имели, как организована охрана Латеранского дворца. Во всех деталях этого не знают и те, кто такую службу несет — а целое доступно считанным людям (и, разумеется, королю)...

Зарешеченные окна «Золотой гостиницы» выходят на задворки дворца, на полосу аккуратно подстриженной травы меж зданием и ухоженным лесом, уардов на триста протянувшимся вдоль дворцовой стены. Вот вдоль нее с внутренней стороны и в самом деле день и ночь бдительно прохаживаются до зубов вооруженные часовые в форме дворцовой стражи. А здесь никаких часовых не бывает — то есть это случайные прохожие полагают, что их тут нет. На самом деле каждый луард здесь под бдительным присмотром людей Интагара, в большинстве своем каталаунцев, умеющих затаиться в лесу так, что их не заметишь, даже пройдя в двух шагах. Случалось порой, что ищущие ночного уединения вездесущие влюбленные парочки надолго устраивались буквально у ног такого караульного — цинично усмехнувшись, надо признать, что в этом случае служба ему никак не казалась медом, как всякому нормальному мужику на его месте.

Ну вот, эти «невидимки» и засекли белым днем Гаржака, талантливо изображавшего обуянного скукой придворного щеголя, бесцельно бродившего по глухим закоулкам дворца, — попадают и такие, а доступ в окрестности «Золотой гостиницы» вовсе не запрещен. Вот только тихари прекрасно видели, как из окна камеры Каниллы вылетел небольшой комочек, более всего похожий на записку, завернутую во что-то крохотное, но тяжелое — и граф, убедившись, как ему казалось, в полном отсутствии посторонних глаз, записку молниеносно подобрал. А ночная смена прекрасно рассмотрела, как Гаржак появился с мотком веревки под плащом, как Канилла вынула часть решетки, как Гаржак с первой

попытки забросил крюк и проворно вскарабкался по веревке в гости — а перед рассветом ушел тем же путем, и решетка встала на место. Еще одна иллюстрация старого тезиса — «Ближе всех к населению тайная полиция»...

Все было ясно, как божий день, и не было смысла торчать здесь далее. Подхватив вырезанный кусок решетки, Сварог без особых усилий водворил его на место, отрянул ладони и повернулся к спутникам, попутно подхватив лежавший рядом с локтем Каниллы слезоточивый роман:

— Пойдемте, господа?

— Но... — воскликнул зритель, уставясь на решетку — ну да, профессиональные рефлексы сработали.

— Не беспокойтесь, зритель, — усмехнулся Сварог. — Вскорости придут мастера и починят. Чего не следует опасаться, так это побега — совершенно не тот случай, — глянул на Каниллу, уже лежавшую с прежним невинно-вызывающим видом. — Стенайте далее, заключница номер три, насколько я помню, в вашем распоряжении еще целые сутки...

И вышел первым, а за ним остальные. Коридорная отработанными до автоматизма движениями захлопнула дверь и задвинула засов. Сварог присмотрелся к ней внимательнее: на лице многоопытной тюремщицы вместо профессионального безразличия читалось явно нечто, вполне достойное наименования творческого вдохновения. А это неспроста: дверь все время оставалась распахнутой, никто не понижал голос до шепота, так что коридорная должна была все слышать. Не колеблясь, он сказал:

— Полное впечатление, гран-тетушка*, что вас посетила некая идея, связанная с вашими служебными обязанностями... Не поделитесь ли?

Нисколько не промедлив, тюремщица ответила:

— Точно так, ваше величество. В здешнем уставе и тюремном уложении прописано подробно. Отходить

* Гран-тетушка — обычное обращение к низшим канцелярским служительницам, не имеющим чина.

бы эту паршивку розгами, чтобы долго сидеть не могла. Это ж неслыханное дело такое вот устроить...

Сварог покосился на Интагара. Он давно уже обнаружил, что всегдашняя невозмутимость Интагара таит в себе массу оттенков — и научился их безошибочно определять. Сейчас физиономия верного бульдога выражала горячее одобрение только что услышанному. Что ж, глас народа — глас божий, подумал Сварог. А если учесть, что глас народа полностью совпадает с кое-какими его собственными мыслями...

— Пойдемте в ваш кабинет, смотритель, — сказал он. — Нужно кое-что обговорить...

Они прошагали по недлинному коридору, свернули направо и вошли в небольшой кабинет смотрителя, довольно аскетичный, как все ему подобные. Сварог моментально просек попытку смотрителя уступить собственное кресло и вежливости ради уселся на один из стульев для посетителей, сделал незамысловатый жест, означавший: «Король разрешает сидеть в его присутствии».

Разумеется, и здесь присутствовал над столом портрет короля Сварога утвержденной разновидности, всего их было восемь, поровну военных и гражданских. К примеру, в генеральских кабинетах висели портреты короля на боевом коне, в рокантоне и золотого цвета плаще поверх кирасы с отчеканенным золотом королевским гербом. В кабинетах чинов поменьше — король пеший, но в полный рост, опирается на меч. Еще ниже — поясной портрет и просто портрет. Примерно та же система и для гражданских контор. То же примерно касается и бюстов. Ничего не пришлось придумывать: эта система завелась за пару сотен лет до Сварога.

Здесьшний портрет был третьей категории — поясной, относительно скромный камзол вишневого бархата, одна орденская цепь на шее. Но на портретах любой категории королевская морда была исполнена такого величия, значительности и ума, каких, говоря самокритично, Сварогу в реальной жизни не доставало.

Первое время он при взгляде на эти парсуны в золоченых рамах чувствовал себя неловко, но потом незаметно привык...

Интагар со зрителем молчали — ну конечно, на любых совещаниях, пусть даже в столь узком кругу, первым всегда начинал король.

— Итак... — сказал Сварог. — Какого вы мнения, зритель, о нынешнем случае?

У зрителя был вид человека, набравшегося смелости. Наконец он решился:

— Ваше величество... Я слышал от заслуживающих доверия людей, что вы всегда разрешаете говорить с вами откровенно, когда речь идет о делах, даже требуете откровенности, разрешаете высказывать свои соображения и мысли...

— Все так и обстоит, — кивнул Сварог. — Выскажитесь откровенно. Временем я вас не ограничиваю.

— Благодарю, государь. Так вот... Если уж мне позволено быть откровенным, скажу прямо: мне поперек души все происходящее с тюрьмой, а не только ночной случай...

— И Ассамблея Кандальников, я так думаю? — спросил Сварог.

— Вот это как раз — дело привычное. У битых бров и бобрих, прошу прощения, у старых тюремных сидельцев такое существует с давних времен. Разве что называется не «ассамблеями», а «благородными общинами». Строгая иерархия по тяжести статей Карного кодекса, числу сроков, проведенных за решеткой лет, количеству полученных розог, отсидках в ледяных хатах... простите, карцерах. Свои уставы, ритуалы, наколки. Это-то как раз знакомо... Я о другом. Сначала мне новое назначение крайне польстило: единственная на Таларе личная королевская тюрьма, королевские короны на воротнике, жалованье вдвое выше, чем на последнем месте службы... А потом я присмотрелся... Сорок два года служу, начинал младшим коридорным, и всегда тюрьма была крайне серьезным делом. А ваша... Простите на вольном слове, но это больше всего похоже на театр,

причем детский. Мизерные срока — это еще ничего, иному пары недель за решеткой хватит, чтобы взяться за ум. Но вот все остальное... Все в вольной одежде, лежаки на день не поднимаются и не прикрепляются к стене, кормежка лучше тюремной, хоть деликатесов с разносолами и нет, ни карцера, ни розог за нарушения, сортиры благоустроены, окна по сравнению с тюремными огромные... Несерьезно все это. Я, конечно, понимаю, это сплошь придворные, но все равно несерьезно. В настоящих тюрьмах и герцогам, если липнут, поблажек не делают, условия для всех одинаковые. У меня создалось впечатление, что для вашего величества это просто развлечение. Что же, король вправе развлекаться, как ему угодно, тем более так безобидно. Но вот для меня заведовать т а к и м в о т, простите великодушно, балаганчиком — поперек души. Я привык получать деньги за серьезную службу — и нести ее исправно. Я, ваше величество, собираюсь подать в отставку. А там как уж вам будет угодно — либо на прежнее место, либо на пенсион. Выслуги у меня для хорошего пенсионера хоть отбавляй...

— А вы хотите на пенсион? — напрямик спросил Сварог.

— Никоим образом! — на лице смотрятеля появился даже некоторый испуг. — Мне до дряблости далеко, я бы еще послужил. Самое малое до знака «50 лет безупречной службы» — все мы люди, все человеки, я два предшествующих знака не интригами добился, как некоторые, а именно что безупречной службой. Ну, есть у меня пригородное имение, только я там с тоски помру без службы. И все равно, не лежит у меня душа к этому балаганчику, уж не гневайтесь...

— Не за что гневаться, — не раздумывая, сказал Сварог. — Вы правы, получилось как-то... корявенько. Я не собирался развлекаться, я искренне хотел устроить хоть какое-то наказание для придворных повес, шалопаев и своевольников на серьезной службе. Но как-то за делами выпустил вожжи, и получился, действительно, балаганчик.

А сегодняшний, вернее, ночной случай и вовсе из ряда вон. Ошибся, что скрывать. Хорошо еще, ошибка получилась мелкая и несерьезная, и я твердо намерен ее исправить — ничуть не поздно... У вас, конечно, есть «Тюремное уложение»?

— Как не быть, ваше величество! — живо воскликнул приободрившийся смотритель. — Вот оно, на столе держу, наизусть знаю!

Он придвинул к Сварогу книгу в лиловом, под цвет мундиров тюремного ведомства, переплете с медными скрещенными ключами на обложке. Габаритами книга напоминала энциклопедии из земного прошлого Сварога или ученые труды здешних университетов — и Сварог покосился на нее с откровенной опаской. Решительно сказал:

— Откровенно говоря, объем этой премудрости меня пугает. Не вижу смысла читать от корки до корки, сделаем по-другому... Я твердо решил сделать тюрьму как можно больше похожей на настоящую. Ну, не полное подобие настоящей, здесь все же сидят не эти... битые бобы и бобрихи. Однако все должно быть гораздо строже, чем обстоит сейчас. Поэтому я выскажу свои соображения, а вы, если потребуется, будете их поправлять и дополнять. Потом составите уложение для вашей тюрьмы, с учетом этого, — он кивнул на фолиант, которым можно было не то, что волка убить — даже утихомирить пьяного Вольного Топора, если метко угодить по темечку. — Я думаю, он получится гораздо меньше размером?

— Конечно, ваше величество, н а ш а тюрьма не требует столь обширной и развернутой проработки уложения. Все получится гораздо короче! — воскликнул смотритель, сразу видно, охваченный нешуточным энтузиазмом.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Сколько вам потребуется времени, чтобы поработать и без излишней спешки, и без проволочек?

— Сейчас, ваше величество... Часа четыре мне хватит. Я ведь уложение знаю наизусть, а ваши соображения нетрудно будет в п л е с т и...

— Прекрасно, — повторил Сварог. — Итак... С утра не было серьезных дел, и когда мне доложили о ночном происшествии, я кое-что обдумал и принял меры... Начнем с самой тюрьмы, в самом деле, что это такое — одно из дворцовых помещений, окна такие, что человек пролезет... Я вызвал одного из мажордомов, того, что ведаёт всем, что устроено под полом, и он мне показал полуподвал, который нетрудно быстро переделать под тюрьму. Маленькие каморки, под потолком окна в две ладони — просто прелесть выйдет, а не тюрьма. После того, как закончите с новым уложением, отправляйтесь к Главному архитектору, он в курсе. Выделит вам мастеров и материалов, сколько потребуется, окажет всяческое содействие. — Вы что-то хотите добавить?

Смотритель деловито сказал:

— Приличная тюрьма не обходится без ледяной хаты... простите, карцера...

— Это потом, — сказал Сварог. — Сначала о камерах. Если нужно будет чем-то дополнить, дополняйте по ходу беседы. Итак... Сроки заключения мы не меняем — учитывая, что сидельцы своеобразные. Постель — куча драных тряпок на полу. Тюремная одежда установленного образца. Совершенно никакой мебели. Присутствие посторонних предметов, он опустил глаза на лежащую на коленях книгу, фыркнул, — запрещается... Любых. Кормежка — по существующим тюремным рационам. Вот, наверное, и все. Или вы что-то добавите?

— Пожалуй, ничего, государь. Вот теперь и впрямь настоящая тюрьма, все прекрасно продумано.

— А что там у вас насчет карцера?

— В с е у обычных тюрем перенимать, думаю, не следует, — моментально отозвался смотритель. — Учитывая именно что... своеобразие сидельцев. Срок — от суток до трех. Постель — охапка соломы на полу. Я бы предложил и приковывать к стене цепью длиной уярда в три, чтобы могли дойти до параша... Вот, кстати, ваше величество! Вы не уточнили, как с этим должно обстоять в камерах...

— Точно так же, — чуть подумав, — сказал Сварог. — Никаких благоустроенных сортиров, обычные параши. Что еще по карцерам?

— Хлеб и вода, и обычная одежда для карцеров: мужчинам — только панталоны до колен, женщинам — короткие рубашки, все из ткани даже грубее, чем обычная тюремная одежда. Вот и все. Или ваше величество что-нибудь добавит?

— Да нет, пожалуй, — сказал Сварог.

— А как насчет «бессмысленных» работ?

Во время своего недолгого плавания на каторжанском корабле Сварог всякого наслушался от скуки о тюремном быте — но о такой штуке никогда не слышал. А потому сказал:

— Растолкните, что это такое.

— Тюремные работы делятся на два вида — обычные мастерские и «бессмысленные», усугубляющие наказание. Что бы предложить с учетом своеобразия сидельцев... Ага! «Сучья мельничка»! Это такое колесо со счетчиком, — он показал габариты ладонями. — Заключник за рукоятку крутит колесо, пока счетчик не покажет определенное количество оборотов.

— А вот это подходит, — кивнул Сварог.

— И розги, как с ними быть? В любой тюрьме полагаются розги — за нарушения, невыполнение работ в мастерских или числа оборотов «мельнички»... А уж за выходку вроде этой, что устроила заключница номер три... Правда, т а к о г о нарушения в уложении нет, так что я в некоторой растерянности...

— Розги — это неплохо, — одобрительно кивнул Сварог. — А новое уложение немного подправим. В конце концов, каждый параграф в официальных бумагах по-является не сам по себе, а оттого, что его кто-то вносит... Что там полагается за простое нарушение?

— Десять розог.

— Вот и позаботьтесь, чтобы перед освобождением заключница номер три их и получила. Если уложение войдет в силу сегодня вечером, завтра по закону будет время до полудня. Кто должен утвердить уложение?

— Для обычной тюрьмы — Министерство справедливости. Но поскольку наша тюрьма не обычная... Думаю, вы, ваше величество, тюрьма ведь в вашем исключительном ведении.

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Меньше бюрократии. К вечеру справитесь?

— Гораздо раньше, ваше величество!

— Отлично, — кивнул Сварог. — Нам ведь потребуется «гладильная доска» (он со времен каторжанского плавания помнил, что так на «воровской музыке» именуется скамья для телесных наказаний). Ее можно быстро достать?

— Нет ничего проще, ваше величество. После того, как мелкосрочников стали вместо тюрем отправлять в Три Королевства, только в Латеране закрылись две тюрьмы. Они остаются на балансе Министерства справедливости, и весь инвентарь не списан, пока не истечет срок пригодности. Пошлю повозку в тюрьму Арбентей, она ближе всего ко дворцу...

— Нам ведь понадобится и парочка «гладильщиц» — у нас пока что единственная заключница, как раз женского пола. А там и пара «гладильщиков». Долго понадобится их искать?

— Несколько часов, ваше величество. После того, как закрыли тюрьмы, вам было угодно подписать проект, представленный министерством справедливости. Все тюремные служители, прослужившие не менее десяти лет, отправлены не «в никуда», а на пенсион. Очень благородно было с вашей стороны...

Совершенно не помню, чтобы подписывал такой проект, подумал Сварог. Ничего удивительного: если держать в памяти все официальные бумаги, которые по долгу службы пришлось подмахнуть, голова лопнет...

— Одним словом, инвентарь и людей можно раздобыть за пару часов.

— Реформа тюрьмы у нас прошла как по маслу... — хмыкнул Сварог. — У вас нечего добавить, советник? А у вас, Интагар? Судя по вашему одухотворенному лицу, что-то есть...

— Мало, государь, — решительно сказал Интагар. — А, по моему глубокому убеждению, маловато будет этой проказнице десяток розог. Ей бы дюжины две не помещали, за все хорошее, прошлое и будущее...

— Ну, не будем слишком жестоки, — после некоторого раздумья сказал Сварог. — В конце концов, речь идет о девушке, которую никогда в жизни не пороли... Больше добавить нечего, господа мои? Ну, тогда совещание закончено. Пойдемте, Интагар, а вы, смотритель, немедленно принимайтесь за работу...

В коридоре Сварог присмотрелся к верному бульдогу — на сей раз за невозмутимостью крылась грусть. И спросил:

— Все еще печалитесь, что графине Дегро достанется мало розог?

— Что розги, — задумчиво сказал Интагар. — Я и своих вертихвосток с удовольствием бы выпорол за известные шалости, да смысла нет — обе остепенились, замужем, дети намечаются... Тут другое. Графиня Дегро умеет каким-то образом залечивать раны, это, как я понял, какое-то заклинание...

Об этой способности ларов Сварог ему никогда не рассказывал — каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать... И Сварог спросил как мог небрежнее:

— Почему вы так решили?

— А я сам видел, — сказал Интагар. — Еще три года назад, во время последнего, четвертого покушения на вас.

Сварог глянул на верного бульдога с некоторым удивлением. Он прекрасно помнил все покушения на него — они не из тех событий, что забываются, — в том числе и четвертое, устроенное неутомонной Лавинией Лоранской. Вроде бы проверенный-перепроверенный придворный, все же польстившийся по причине бедности на лоранское золото и достаточно надежный, чтобы подойти близко с кинжалом под полой. Его и в самом деле скрутила и обезоружила Канилла Дегро, мастер боевой рукопашки, опередив на несколько секунд телохранителей. Но не было ничего, выдавшего бы кое-какие умения Кани...

— Что-то я ничего такого не помню, — пожал плечами Сварог.

— А вы и не заметили, государь, — сказал Интагар. — Никто не заметил, кроме меня, — тогда возникла короткая сумятица, все очень быстро произошло... Графиня порезалась острием кинжала, вот здесь, — он провел указательным пальцем правой руки по мякоти большого пальца левой. — Рана не длинная и не глубокая, но кровь пошла обильно. Раньше, чем я успел позвать лекаря, графиня очень проворно наложила на рану ладонь, беззвучно прошептала что-то — моментально исчезли и рана, и кровь. Возможно, я поступил неправильно, но по размышлению решил вам ничего не рассказывать. Подумал: графиня Дегро — близкий к вам человек, наверняка вы сами знаете многое о ее способностях, чего не знаю я. Возможно, я допустил промах...

— Да нет, все правильно, — успокоил его Сварог. — У нее и в самом деле есть некоторые умения. Не имеющие никакого отношения к черной магии. На Таларе такие умельцы тоже есть, хотя и редки.

— Я знаю, государь. Давненько уже пригред двух таких, иногда от них бывает польза. Но вот что я сейчас подумал... Коли уж у графини есть такое умение, вся затея с наказанием пойдет насмарку. Вернувшись в камеру, она враз себя вылечит, и все впустую... Может, раз уж так обстоит, не пороть?

— Пороть, — усмехнулся Сварог. — Видите ли, Интагар, у нее есть такое умение, а у меня — умение временно аннулировать иные умения. Так что все пройдет прекрасно, и сидеть она долго не сможет...

Невозможность Интагара на сей раз таила нешуточную радость.

— Великолепно, государь! — выдохнул он. — Значит, наша тюрьма будет настоящей тюрьмой...

— Уж это точно, — сказал Сварог. — Думается мне, наши шалопаи скоро перестанут ее называть «золотой гостиницей». Мелкая реформа, согласен, но успешная и полезная... Что же, отправляемся бездельничать, Интагар? Рутинных дел у нас с вами хватает, но ничего важ-

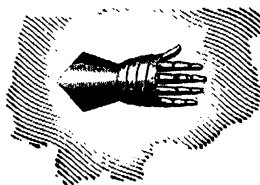

ного, никакой серьезной угрозы, ничего, требовавшего бы кидаться в очередную опасную драку, игру с высочайшими ставками... Меня это только радует, а вас?

— Меня тоже, государь. Чутьочку скучновато, но лучше уж такая скука, чем очередные нештучные хлопоты.

— Безусловно, — сказал Сварог. — Если что, я буду в малом кабинете.

Кивнул министру, ближе всех стоявшему к населению, свернул налево и, помахивая шедевром изящной словесности, направился к себе, милостивым наклоном головы отвечая на поклоны и книксены придворных бездельников, как обычно, спозаранку ошивавшихся во дворце.

КОРОЛЬ ОТДЫХАЕТ

Если можно употребить слово «блаженствовал», оно как нельзя лучше подходило к ситуации. Никто не ломился в кабинет с призывом в очередной раз незамедлительно спасти мир, никаких срочных, важных и серьезных дел не объявлялось, а вся обычная королевская мелочевка до поры до времени оседала на обширном столе статс-секретаря, разделявавшегося с изрядной частью ее согласно прежним указаниям.

Развалиясь в мягком кресле в углу малого кабинета, Сварог добывал «Жемчужину в пыли». Поначалу он бегло читал по диагонали, но потом незаметно для себя увлекся и понял, что грех упрекать в увлечении подобным чтивом умниц Яну и Каниллу. В самом деле, хорошее средство для коротания скуки, перечитывать, конечно, никогда не будешь, но и не оторвешься, не узнав, чем же все кончилось...

Жила-была и до поры до времени горя не знала в сельском замке вдового отца очаровательная графиня, младшая сестра старшего брата, с которым они жили душа в душу (это графинечка по юной неопытности и романтическом взгляде на мир так полагала). Деревенские праздники (изображенные гораздо красочнее реальных), прогулки по лесу, грибы-ягоды, дружба с семейством бо-

бров, первый в жизни роман с юным красавцем, сыном мельника, ограничившийся поцелуями в самых живописных уголках окружающего пленэра, ожидающаяся поездка с отцом в столицу, где девушке предстояло стать, благодаря древности рода и заслугам предков, фрейлиной наследной принцессы...

И вдруг все рухнуло. Отец, еще совсем не старый, никогда не жаловавшийся на хвори, внезапно умер — по мнению лекаря, от «сердечного удара». И не успели его похоронить, как с королевскими сержантами прискакал главный судья провинциария, и начался какой-то кошмар, вот только никак проснуться не удавалось, так что все происходило наяву.

Судья заявил в лицо героине, что отец умер не своей смертью, а был отравлен, и все улики против нее. Есть показания нескольких слуг и служанок о том, как она украдкой проскользнула в спальню отца и пролила что-то в его вечернее питье. В ее комнате нашли пузырек с неразведенным крысиным ядом — и уже схватили деревенского знахаря, признавшегося, что именно он накануне продал этот яд графине. Словом, улики были железные, и судья (понятно, изображенный исчадием ада), «со зловещей улыбкой на никогда не улыбавшемся уродливом лице», объявил: уже вечер, и не стоит отправляться в дальнюю дорогу на ночь глядя, а утром он отвезет преступницу в цепях в провинциарий, где ее вскорости ждет плаха.

Однако в подобных рассказах всегда присутствует старый верный слуга, баюкавший героиню на коленях в ее раннем детстве и преданный ей до гроба (правда, и в жизни такие попадаются, достаточно вспомнить историю Вердианы). Отыскался такой и в замке графини, и по его совету она с ним бежала верхом в грозовую ночь, в точности как Вердиана — разве что, в отличие от Вердианы, в своем охотничьем мужском костюме по росту, с тугим кошельком золота и горстью драгоценностей. Слуга уверял, что его родной брат служит в столице дворецким у крайне ловкого стряпчего, и тот, если ему хорошо заплатить, в два счета разберется, кто воз-

вел на графиню напраслину, добьется наказания истинного злодея и, соответственно, полной реабилитации графини.

До столицы они не доехали — на лесной дороге напали разбойники, слуга погиб, защищая госпожу, а ей удалось ускакать. И начались приключения: сначала графиня попала на кораблик речных контрабандистов, потом в воровские кварталы провинциария и, наконец, в логово шайки лесных разбойников. Поскольку представители всех трех мало почтенных профессий благонаравия лишены напрочь, всякий раз на добродетель юной красавицы покушались самым бесцеремонным образом, но каждый раз ей везло. От контрабандистов ее спас боцман, у которого за грубой внешностью таилась золотая душа. У воров ее взял под покровительство местный «крестный отец» с благородными сединами — оказалось, что графиня как две капли воды похожа на его любимую дочку, умершую от голода в таком же юном возрасте, пока отец мыкался по тюрьмам да по каторгам. И, наконец, от поползновений разбойников ее избавил проезжавший мимо лачуги-хазы молодой человек, этакий Майлс Гендон в потертом дворянском платье, но с великолепным мечом, сверкая которым, он и разогнал разбойников по деревьям, а одного из их коней отдал графине, и они пустились в путь вдвоем. Как водится, поведали друг другу свою историю. Сей Благородный Незнакомец (в дальнейшем ради экономии места просто БН) оказался сыном герцога, из-за интриг родного дядюшки, возжелавшего стать единственным наследником серьезно хворавшего брата, облыжно обвиненным во всех смертных грехах, сколько их ни есть на свете. Не в силах доказать свою невиновность, БН в последнюю минуту бежал от ареста в чем был, успев лишь прихватить дедовский меч работы знаменитого оружейника — и его понесло по жизни, как графиню (разве что без покушений уголовного элемента на его добродетель). Понятно, красавец и острослов БН не терял надежды на то, что ему удастся восстановить справедливость и законным образом покарать злодея-дядюшку.

Вот и встретились два одиночества... Как Сварог и предполагал, за время пути меж молодыми людьми вспыхнуло самое горячее и чистое чувство, и в конце концов ночью на постоялом дворе графиня не без трепета подарила возлюбленному главную девичью драгоценность (учитывая вкусы читателей, а особенно читательниц, прыткий автор описывал эротические сцены обстоятельно и подробно, но без тени пошлости и уж тем более порнографии).

Увы, через пару дней влюбленные потеряли друг друга во время жуткого наводнения в грозе и буре (иначе зачем на свете существуют наводнения, грозы и бури?). Героиня вновь осталась в одиночестве, в незнакомых местах, да вдобавок и конь утоп. Но получайте очередной рояль в кустах, любезные читатели, вы же платите! Вообще-то мир не без добрых людей, но в душещипательных романах их количество на квадратный метр (ну, или югер) должно зашкаливать. Вот и здесь быстро обозначилась милейшая и добрейшая пожилая супружеская пара (прямо-таки заимствованная из романов Диккенса, о которых автор «Жемчужины», конечно же, в жизни не слыхивал). И графиня оказалась в столичном доме, где ее очередной покровитель держал галантерейную лавку, в которой графиня, чтобы не быть нахлебницей, стала работать одной из продавщиц, что увеличило приток клиентов. Милые старички совсем было решили девушку удочерить за отсутствием других наследников...

Как писал детский классик, все хорошо, да что-то не хорошо... В лавку неожиданно вломились стражники и повлекли графиню в тюрьму — какой-то гад ее опознал и настучал, куда следует. В тюрьме ей тоже жилось уютно — растроганные ее горестями битые бобрихи отвели ей лучшее место в общей камере и кормили вкусностями, какие только имелись. А попутно (горячий привет аббату Фариа!), выслушав ее печальную историю во всех подробностях и обсудив, пришли к выводу: во всем виноват старший братец графини, возжелавший стать единственным наследником. Не потерявшая веру

в людей графиня никак не хотела в это поверить, как ни старались битые бобрихи.

Поскольку графиня категорически отказывалась признать себя виновной в отравлении любимого отца, ее отправили в пыточную. Где обнаружился очередной роуль в кустах: когда от пыточного станка героиню в буквальном смысле отделяли два шага, в камеру ворвался запыхавшийся мелкий чиновник тюремной канцелярии. Оказывается, графиня обвинялась еще и в заговоре с целью убийства короля, а потому ее следует немедленно перевести в тюрьму гораздо посерьезней, где ей самое место, для следствия, по сравнению с которым дело об убийстве отца — скомороший смех. Через квадранс с тюремного двора выехала злобная лиловая карета со скрещенными ключами на дверцах единственной запертой двери и зарешеченным окошечком, где графиня была единственной пассажиркой.

Ошеломленная новым, вовсе уж чудовищным обвинением, графиня себя не помнила от горя. Однако все как рукой сняло, едва стало ясно, что снаружи происходит нечто неожиданное: карета вдруг встала, лошади отчаянно ржали, звенела сталь... Висячий замок на двери вылетел вместе со скобами, и закутанный в плащ незнакомец в черной маске бесцеремонно вытащил графиню наружу. Карета стояла на безлюдной улице, несколько таких же замаскированных держали под уздцы храпящих лошадей, а другие деловито обшаривали карманы лежавших мертвее мертвого кучера и стражника. Нежданный спаситель повлек графиню в переулок, где ждала неприметная карета без гербов, втокнул внутрь, и кони понеслись во весь опор. Незнакомец снял маску...

Иной читатель, возможно, и ахнет от удивления, но Сварог моментально догадался и оказался прав — это, конечно же, был БН. Мало того, что он не утонул в наводнение, он еще ухитрился сберечь все деньги и драгоценности графини. Да вдобавок в корчме пересекся и познакомился с Верным Старым Слугой (в дальнейшем ради экономии места — ВСС). Поведав друг другу свои истории, они бросились друг другу на шею и поклялись

горы свернуть, но отыскать бесценную потерю. И узнав, что она в тюрьме, приличной суммой подкупили вышеупомянутого тюремного чиновника и наняли десяток головорезов из столичных притонов...

Дальше было совсем просто. ВСС и БН в два счета нашли искусного театрального гримера, мастерски превратившего графиню в морщинистую старушку, укрыли ее в уютной гостинице, ВСС нашел брата, а тот свел БН со стряпчим-прохвостом. После чего вчетвером вся компания отправилась в городок, лежащий лигах в сорока от родового замка графини. Влюбленная пара, замаскировавшись под молодоженов-бакалейщиков, купила маленькую лавочку — графиня в том городишке никогда не бывала, никто ее там не знал и опознать не мог. ВСС пребывал при них — благо ему-то маскировки не требовалось вовсе. А стряпчий, воодушевленный обещанным гонораром, отправился на охоту за двуногим зверем — каковой всегда опаснее любого четвероногого.

Очень похоже, наметилась новая сюжетная линия, сулившая героине очередные житейские хлопоты и серьезные невзгоды. На очаровательную юную бакалейщицу положил глаз барон, чьи поместья располагались близ городка. Как просветили графиню новые знакомые, соседки, не просто дамский угодник — беззастенчивый в средствах повеса. Не раз случалось, что красивые девушки и молодые жены из семей, не способных похвастать богатством и связями, вдруг исчезали на неделю, а то и две, и возвращались понурыми. Отцы и мужья скрипели зубами в бессильной ярости — барон был таким маркизом Карабасом здешних мест, все у него схвачено, за все заплачено, так что простолюдинам приходилось сидеть тихонечко. Барон зачастил в лавку, честно каждый раз что-нибудь покупая, расплачиваясь вдесятеро и говоря, что прийдет за покупками слугу (но ни разу не прислал). Визиты становились все чаще, комплименты все более вульгарными, а намеки вовсе уж откровенными. Что придумать против такой напасти, ни графиня, ни БН, ни ВСС не могли сообразить. В одно далеко не прекрасное утро барон открытым текстом предложил

графине перебраться к нему в замок экономкой, заверяя, что жалованье будет заоблачным, а работой никто не станет особенно утруждать. Когда графиня отказалась, не сводя глаз с выреза ее платья, сообщил: иногда экономками становятся и против своей воли...

А во второй половине дня мимо лавочки два раза проехали, притворяясь, что не обращают на нее ни малейшего внимания, егеря барона. Троица собралась на совет. Ясно было, что из города надо уезжать, обсуждали только, как это незаметно сделать. Тут и появился на расхлябанной таратайке выступавший в роли купеческого приказчика стряпчий. Он, оказавшись среди своих, сбросил личину и объявил с ликующим видом: поганый братец у него в руках, подкупленные им слуги-лжесвидетели и деревенский лекарь охотно перекупились, едва им предложили больше, рассказали немало интересного, а за соответствующую доплату готовы это повторить перед коронным прокурором — при условии, что молодой граф не останется на свободе, а значит, не сможет отомстить...

На этой оптимистической ноте книга и кончалась. Ясно было, что грядет продолжение — ни графиня, ни ее сердечный друг еще не реабилитированы и не восстановлены в правах, да и линия сластолюбца-барона не завершена. Сварог поймал себя на желании непременно узнать, что было дальше, — хорошо еще, не настолько жгучем, чтобы вызвать одного из младших секретарей, человека Интагара, выполнявшего второстепенные поручения Сварога, не требовавшие вмешательства самого министра. Конечно, тайная полиция в два счета дозналась бы, что это за мастер пера и как у него там обстоит с продолжением, но как-то несолидно для короля королей использовать высококлассных специалистов своего дела для решения столь мелкотравчатых задач.

Так что он, развалившись в кресле, пускал дым к потолку, наслаждаясь восхитительным бездельем и полнейшим отсутствием мало-мальски серьезных забот. Куда ни посмотри, что вверх, что по сторонам, дела обстояли так великолепно, что тянуло постучать по дереву...

Веральфов в Империи больше не было. Ни единого. Совещание по этому поводу (Яна, Канцлер, Сварог и профессор Марлок) было недолгим, без дискуссий, и все быстро пришли к единому мнению... После чего круг посвященных стал понемногу расширяться, но особенно многолюдным он так и не стал. Два дня работали планировщики Кабинетов императрицы и Канцлера и девятого стола, еще два дня ушло на отработку деталей. А на шестой день рассредоточенные на высоких орбитах боевые спутники ударили по планете «излучением номер пять». Для Талара это не имело ровным счетом никаких последствий, а вот в Империи все веральфы моментально обернулись волками. И тут же на их замки обрушились группы военных и спецназовцев, вооруженные смертельными для ларов излучателями. Часть веральфов, конечно же, оказалась в Келл Инире, военных и гражданских учреждениях — удар был нанесен в полдень. Где с ними быстро покончили такие же спецгруппы. Единственного веральфа, сумевшего устроиться в девятый стол, вызвал по рутинному делу комендант — и когда собеседник вдруг обернулся волком, хладнокровно прикончил его из бластера. Как и предвидели, несколько десятков оборотней скрылись на земле, воспользовавшись тем, что они и в волчьем облике не потеряли способность плавно опускаться с большой высоты без парашюта. Ну, орбиталы дали второй залп, уже убойный для беглецов, но безопасный для «чистых» обитателей земли...

Естественно, в Империи среди тех, кто своими глазами видел превращение людей (иногда старых знакомых) в волков, возник легонький переполох. Но уже через пять минут заработал чрезвычайный телеканал и выступил Канцлер. Подробно и обстоятельно изложил суть дела.

На том же совещании решено было не доводить гласность до абсурда, а потому Канцлер ни словечком не упомянул о роли, которую веральфы отводили Яне, ни тем более о «черном паучке». С честнейшими глазами, не изменившись в лице, преподнес полуправду: заговорщики-оборотни захватили Яну и собирались увезти ее на землю, но этому в последний момент помешали лорд

Сварог и Канилла Дегро, «а также двое их сотрудников». Особо драматизировать ситуацию не пришлось, она и так была довольно драматической, все решали минуты, как Канцлер в полном соответствии с истиной и возвестил потрясенной Империи, узнавшей, что от гибели ее отделяли минуты (ну, предположим, месяцы, но так было эффектнее).

Единственное, что пришлось Сварогу не по нутру, — очередная приземлившаяся на груди высшая имперская регалия. Увы... На том же совещании обсуждалось и это — и в ответ на робкое неудовольствие Сварога Канцлер не без резона заявил: никуда от этого не деться, если столь грандиозная победа не будет сопровождаться ливнем наград, получится как-то даже противоестественно и вызовет ненужные пересуды. Так что Сварог смирился с тем, что стал кавалером ордена Золотых Пчел, — а вот Канилла и Брагерт этим же регалиям по молодости лет только радовались, как и Гаржак. Поневоле Сварог позавидовал профессору Марлоку — тот с самого начала заявил, что его роль в событиях была потаенной, никто о ней не знает, так что и награждать его не следует. Каталаунский знахарь от награды тоже отказался, но по другим причинам: он честно признался, что «не понимает» орденов, как и все, с кем он у себя в глухомани общается. А вот увесистый кошель с золотом принял от Сварога без возражений — золото он распрекрасно понимал...

А потом очень быстро Канцлер нанес парочку бескровных, но чертовски эффективных ударов по оппозиции, группировавшейся в Агоре.

Воспользовался психологическим шоком, обрушившимся на оппозицию, когда там узнали, кем были ее иные активные участники. И пройдет немало времени, прежде чем горлопаны из Агоры вновь обретут способность рассудочно мыслить и серьезно обсудят указ Яны, по которому «в связи с открывшимися обстоятельствами» деятельность Агоры приостанавливается «до особого распоряжения», а в уставы о ней будут с учетом последних событий внесены серьезные изменения — что потребует времени и неизвестно заранее, сколь долгого...

Последовало еще несколько ударов — о которых никто и не понял, что это удары, полагая восстановлением прежних вольностей. Яна восстановила Палату Пэров и Тайный Совет, где добрых три четверти мест было отведено именно что видным оппозиционерам. Вот только прежней роли они уже не играли, были лишены возможности хоть в малейшей степени влиять на государственные дела — а их право представлять новые законы, эдикты и уложения было обставлено таким количеством бюрократических рогадок, что перед ними отступил бы и бюрократ номер один нашего времени принц Диаммер-Сонирил.

Другим указом Яна возродила полсотни придворных чинов трех наименований, ввиду архаичности не отмеченных, но давненько вышедших из употребления — и вновь ввела пышные мундиры установленного еще до Вьюги образца. Все до одного они достались опять-таки оппозиционерам, теперь вынужденным посвящать немало времени новым обязанностям. Что они приняли с восторгом — обязанности эти мало чем отличались от обязанностей тех двух дворян, что некогда, раззолоченные и со шпагами на боку, каждое утро выносили ночной горшок кого-то из французских королей. Сварог в одиночестве от души посмеялся, первым читая пространный указ: прежнее звание Хранителя драгоценностей императрицы разделяется на пять — Хранитель ожерелий, Хранитель перстней и так далее. Смотритель дверей в тронный зал, Смотритель люстр Алмазного коридора, Хранитель трона... Однако к этому следовало отнестись серьезно. Человеку стороннему звания, вроде «носитель королевского ночного горшка» или «хранитель королевского исподнего», показались бы уморительными — но не Сварогу, практикующему королю и поневоле знатоку придворных нравов. За эти звания многие грызлись насмерть, интриговали наперебой, звания служили предметом черной зависти и вожаденной мечтой...

Вдобавок жизнь Келл Инира, по сравнению с последними годами, оживилась невероятно, была ключом. Из

забвения были извлечены и многие архаичные церемониалы, требовавшие пышных одежд, долгих и сложных ритуалов, часто с участием всех имевших допуск во дворец, часто проводившихся с императрицей во главе. Соответственно новые звания всевозможных Распорядителей и Церемониймейстеров.

Оппозиция была этим ублажена и покорена — это полностью отвечало ее заветным чаяниям. Так уж вышло, что стремившимися отсечь Сварога от рычагов управления оказались как раз веральфы, преследовавшие ясные, конкретные и практические цели. А подавляющее большинство «простых» ларов-оппозиционеров стремилось в первую очередь к возрождениям «славных старинных традиций», прадедовских укладов. Вот им и предоставили такую возможность — именно они большей частью участвовали в долгих церемониях (люди посерьезнее их игнорировали, предпочитая балы), увлеченно просиживали часами на заседаниях Палаты Пэров и Тайного Совета, переливая из пустого в порожнее, интриговали из-за повышения в придворных званиях и более почетного места на церемонии. Они были не на шутку счастливы «возвращением к истокам и традициям». И не на шутку умилялись тому, что и императрица, взявшись, наконец, за ум, повзрослев, уже не проводит время на земле, а каждый день появляется в Келл Инире, участвует во всех церемониях, даже тех, что затягиваются на весь день.

Они и не подозревали, корявые, что с некоторых пор императриц стало двое. Что Яна преспокойно ведет прежний образ жизни, а на занудных церемониях присутствует другая, которую не так уж и давно на Той Стороне звали Велорена Тагарош...

Поначалу над неизбежными сложностями, протекающими из ее появления, здесь как-то не задумывались, но уже через пару дней, когда Велорена пребывала в самом засекреченном сильванском санатории, спохватились: а какое место, собственно, отвести в жизни Империи девушке, как две капли воды похожей на императрицу? Чересчур опрометчиво было бы явить ее в Келл Инире — каких-то конкретных страхов или подозрений

не было, но ситуация получалась из ряда вон выходящая — с чем и Яна согласилась в конце концов.

Разумеется, и речи не было о том, чтобы упрятать девушку под замок и превратить в подобие здешней Железной Маски — хотя история таларских королевств знала несколько подобных случаев. Яна категорически заявила, что не допустит ничего подобного, речь идет как-никак о ее прапрабабушке, которая в поразительном сходстве нисколько не виновата и не просила, чтобы ее сюда забирали.

Пока Канцлер и профессор Марлок (да и сама Яна) ломали головы, Сварог поступил проще: полетел в Латерану, уединился с Интагаром и Анрахом, рассказал им все и попросил из кожи вон вывернуться, но изобрести дельный совет. Этим двоим он доверял на земле, как никому другому, в их умении хранить тайну не сомневался.

Интагар и сказал после недолгого раздумья: по его скудному разумению лучше всего и полезнее всего сделать девушку двойником императрицы, в данном конкретном случае заменяющим оригинал на занудных придворных церемониях и всевозможных протокольных мероприятиях. Мэтр Анрах в два счета подготовил научное обоснование — то есть изложил одиннадцать исторически достоверных примеров из прошлого, когда девять королей и две королевы как раз и использовали двойников. От чего получалась нешуточная польза — дважды двойники были убиты заговорщиками, не подозревавшими, что убивают двойников...

У всякой медали и монеты есть оборотная сторона... Из доклада Интагара Сварог узнал о печальном прецеденте: однажды чересчур возмнивший о себе двойник одного из ронерских королей возмечтал убить «оригинал» и стать полноправным властителем. Успел даже предпринять кое-какие шаги по плетению заговора. Однако король и его министр тайной полиции не страдали излишней верой в человечество и уж идеалистами безусловно не были. Обложили двойника соглядатаями так надежно, что быстро обо всем узнали, после чего на одной из королевских охот л и ш н и й король без ма-

лейшей огласки был отправлен к праотцам и с обезображенным лицом прикопан в чащобе. После чего к придворным и егерям вернулся настоящий король на том же коне и в том же костюме, так что никто ничего не заподозрил, и правду узнали лишь лет через полсотни, обнаружив дневник министра, — но и тогда ничего, понятно, обнародовать не стали...

Мимо этого обстоятельства никак нельзя было пройти. Никто и не подозревал Велорену в коварных замыслах, но в таких делах излишней подозрительности не бывает. А потому Велорена с самого начала была под присмотром дюжины опекунов, снабженных, к тому же, надлежащими техническими средствами — причем они все до единого были мастерски имитировавшими людей киборгами (пылившиеся в архивах имперские технологии, дополненные хелльстадскими). Киборгов была чертова дюжина — тринадцатого все искренне принимали за вице-канцлера лорда Сварога.

Игре благоприятствовало еще и то, что строгий придворный этикет строго ограничивал общение императрицы с подданными, в том числе и на балах. В последние годы Яна частенько его нарушала, но теперь к нему вернулись, что опять-таки умиляло ревнителей старины из числа оппозиционеров.

Так что Яна, как сама призналась Сварогу, прямо-таки наслаждалась неожиданно свалившейся свободой, пропадая на земле, и в Келл Инире появлялась пару раз в месяц (не считая, разумеется, тех случаев, когда бывала на деловых совещаниях). Оба дядюшки Яны были в курсе, но вели себя по-разному. Диамер-Сонирил играл свою роль безукоризненно, и только три дня назад поинтересовался у Сварога, нельзя ли подыскать и для него двойника, чтобы избавиться от некоторых особо занудных придворных церемоний, отрывавших его от упоительной возни с деловыми бумагами. Поскольку с той же просьбой обратился и Канцлер, мастерские занялись двумя новыми киборгами. Что до принца Элвара, он всякий раз хохотал, оказавшись наедине со Сварогом и в киборге не нуждался — он и до того не одну сотню лет

появлялся в Келл Инире не чаще пары раз в год, пренебрегая этикетом так ретиво, что с этим и самые упертые ревнители старины давно смирились.

Словом, все обстояло прекрасно, и Сварог всерьез подумывал дать Золотым Гномам заказ на еще одного «своего» киборга — на сей раз для Латеранского дворца, чтобы полностью избавиться от докучливых придворных церемоний...

Некоторые слаженности возникли лишь пару дней назад. Между Велореной и Яной установились самые дружеские отношения, и как-то во время очередных посиделок прабабушки и правнучки Велорена поделилась своей единственной проблемой. Она на Той Стороне жила не монашкой (хотя держалась в определенных рамках, никак не позволявших применить к ней вульгарные эпитеты — обычная личная жизнь молодой и красивой незамужней женщины), но в роли императрицы оказалась обречена на самое пошлое воздержание, что ее угнетало. К тому же ей очень нравился один из камер-юнкеров. Словом, нельзя ли что-нибудь придумать?

Яна в тот же вечер передала этот разговор Сварогу, сказав, что, по ее глубокому убеждению, вопрос отнюдь не пустяковый и требующий немедленного решения. Просто необходимо чтобы Велорена всегда чувствовала себя превосходно и ничто ее не беспокоило.

Очень быстро совместными усилиями нашли выход. Помянутый камер-юнкер, на которого положила глаз Велорена, был ярким образчиком светского бездельника, но человеком достаточно умным. С ним вдумчиво побеседовал один из старых приятелей (давний и толковый агент одного из отделов Кабинета Канцлера, о чем, конечно, никто не подозревал). Узнав об интересе к нему императрицы, камер-юнкер, как и следовало ожидать, воодушевился. И проявил себя довольно здравомыслящим: охотно согласился, что ему совершенно не с руки оттеснять лорда Сварога и лезть в официальные фавориты — весовые категории не те, и вице-канцлер, чья гуманность и душевное благородство всем известны, быстренько оторвет ему голову и еще что-нибудь. Роль тайного

любовника императрицы его вполне устраивает — тем более что, как заверил старый приятель, проистекающие из такого положения блага будут отмерены щедрой пригоршней. В тот же вечер болван оказался в малой спальне «императрицы», каковую перед рассветом покинул гофмейстером и кавалером ордена Императорского Скипетра. На малом утреннем приеме Сварог присутствовал самолично и с радостью констатировал, что Велорена выглядит веселой и полностью довольной жизнью, а новоявленный гофмейстер, все же весьма неглупый малый, не пыжится и не ходит гоголем (правда, один раз Сварог все же засек обращенный к нему насмешливый взгляд молодого обормота, но отнесся к этому спокойно). Ну, а поскольку Сварог никогда не страдал излишней верой в человечество, установил за гофмейстером достаточно плотное и неусыпное наблюдение, чтобы вовремя принять жесткие меры, если тот все же распустит язык...

Одним словом, с некоторых пор в Империи царила тишь да гладь да Божья благодать, ни малейших хлопот на горизонте, об Агоре никто больше не вспоминал, самые ярые в прошлом диссиденты вертелись перед зеркалами в новехоньких придворных мундирах и щеголяли свежепожалованными орденами.

И на Таларе царило сущее благолепие. Ничего, что хоть отдаленно напоминало бы серьезную угрозу.

В Харлане все обстояло просто прекрасно, он никак не годился теперь на роль внешнего супостата Сварога. Не до того было Харлану, там давненько уж увлеченно резавшиеся, обросшие сторонниками целых три претендента на трон великих герцогов, благородные бароны — двое и в самом деле были дальними родственниками Мораг, третий сам себя произвел в таковые. Одного поддерживал золотом и оружием Горрот, второго Лоран, третьего сам Сварог. Того самого самозванца — большую политику не делают в белых перчатках. Именно люди Сварога и раздобыли этому персонажу убедительные на вид ветхие документы о его родстве с Мораг (о чем он и понятия не имел, самонадеянно приписывая все проворству своих агентов). Корабли пиратов (тех, что потаенно

работали на Сварога) захватывали примерно половину лоранских и горротских кораблей с оружием, порохом и золотом, а половину прилежно пропускали — в планы Сварога входила не быстрая победа своего ставленника, а долгая вялотекущая грызня троицы баронов. Откровенно говоря, Харлан ему в хозяйстве был совершенно не нужен. Полезных ископаемых там мало, пахотные земли скудные, животноводство квелое, мастерские почти ничего не поставляют на экспорт, да вдобавок количество адептов чернокнижия зашкаливает, по сравнению с другими странами (Великому Мастеру давно закрыт путь на Талар, но всевозможной мелкой нечисти еще немало прячется по углам). Некоторый интерес незадачливое великое герцогство могло бы представлять как плацдарм для большой войны с Лораном, но таковой Сварог не планировал. Так что пусть себе режутся, по уши в собственных хлопотах...

Святая Земля тоже не судила жизненных сложностей. Армия Сварога, занявшая Заречье, там и оставалась. Никто не планировал переправу через Ител и крупномасштабное вторжение с броском на столицу — кроме неугомонного Гарайлы и пары-тройки молодых генералов, жаждавших лавров на бранном поле. Но Сварог для них подготовил убедительные отговорки, каковыми и отделялся при очередном приступе активности сторонников блицкрига.

В Горроте партию сторонников отвоевания назад Дике давно победили те, кто желал прямо противоположного — захватить богатые золотые и медные рудники Дике, а заодно лучшие пахотные земли, город с большими мануфактурами и вообще все, что пригодится в хозяйстве (успеху они в изрядной степени были обязаны потаенным трудам барона Скалитау, о чем и не подозревали). В осуществление этого плана в Святой Земле давненько уж высадилась немаленькая горротская армия, но блицкрига не получилось (опять-таки трудами заграничной разведки Сварога, горротцы увязли в затяжной войне). Черный юмор в том, что почти сразу же Сварог стал снабжать святоземельцев оружием, порохом и боепри-

пасами — чтобы не проиграли слишком быстро. Выгода получалась двойная: с одной стороны, Горрот все глубже увязал в большой войне, конца и краю которой не предвиделось, и ни на что другое сил не хватало. С другой — из Святой Земли Сварог методично выкачивал золото — тамошние стратеги до сих пор полагали, что платят за все поставки контрабандистам. Ну, а попутно агентура Сварога погасила в зародыше два мятежа и три заговора, оплаченных горротским золотом.

И наконец, сам Горрот... Барон Скалиту без особого труда вернул к жизни немаленькую сеть своей тайной агентуры, заброшенную на страну еще в бытность его всемогущим начальником тайной полиции. К ней добавилось изрядное число агентов заграничных разведок Сварога — после того, как с к о в ы р н у л и Брашперо, открылись прямо-таки необозримые возможности для шпионажа — который вели как таларские агенты-люди, так и все технические средства, какими располагали девятый стол, восьмой департамент и Велордеран. Был собран грандиозный объем информации, неопровержимо доказавший: если не считать появления из ниоткуда принца Эгмонта и его воинства да и по-прежнему остававшихся в королевском дворце навьев, в Горроте не произошло ровным счетом ничегошеньки необычного, странного. Самая обычная прежняя жизнь, разве что монарх на троне поменялся.

Сначала Сварога и его ближайших соратников это удивляло, они ждали новых неприятных сюрпризов, связанных с чем-то необычайным, — но потом привыкли и успокоились. Был, конечно, самый простой способ кое-что узнать — снова сцапать Орка и вдумчиво допросить касаясь навьев и переворота Эгмонта, — но после пары долгих совещаний решили это отложить на потом. Чем больше времени пройдет, тем больше расслабится Орк, ведущий сейчас размеренно-скучную жизнь царедворца-потаскуна и фаворита юного короля. А когда окончательно исполнится благодущия, сгрести за шиворот и вывернуть наизнанку, заодно выяснить, где он прячет остальных навьев (их у него должно остаться

несколько тысяч, но они никак себя не проявляют, а потому не опасны). В данном конкретном случае Сварог брал пример с каталаунской рыси, которую на Таларе считали символом величайшего терпения и умения выжидать...

Не охваченным теплой дружеской заботой Сварога оставался только Лоран — но не было нужды это положение менять, прозябавший в гордом одиночестве остров ни малейшей опасности не представлял. Единственная заноза осталась — неведомо куда исчезнувшая Дали. Но без веральфов она была даже менее опасна, чем прозаическая бешеная собака, потому что в нынешних исторических условиях не способна никого укусить...

Конечно, Сварог посреди всей этой благодати вовсе не погряз в пошлом безделье. Он зорко следил, как идет работа над двумя, без ложной скромности, грандиозными проектами, способными принести немалую пользу его королевствам (Сварогом даже и придуманным), а также следил за работой групп на Той Стороне, наблюдавших наступивший после Шторма неопиcуемый хаос. И, коли уж судьба определила в приемные отцы Бетты (компьютерного гения, но во всех других отношениях обычной девчонки), не на шутку задумывался, как справиться с кое-какими сложностями, проистекавшими из естественного хода вещей — проще говоря, оттого, что Бетта выросла, и за ней требовался глаз да глаз, не то что в прежние годы...

Но все это были заботы мирные, можно сказать, повседневные, житейские. А потому можно было спокойно обдумать детали исторического, без преувеличений, события, которому завтра предстояло свершиться в воспитательных целях — первому в жизни Каниллы Дегро телесному наказанию. И с приятностью вспоминать, что завтра после полудня из Каталауна прилетит отец Грук — с баклагами доброго черного нэльга, мешком вяленой желтоперки и новым деликатесом — связками копченых бобрятчих хвостов. И пусть весь мир подождет...

ТЯЖКАЯ ДОЛЯ ВОСПИТАТЕЛЯ

Коридорная докладывала толково и прилежно, стоя перед столом, — Сварог и не предлагал ей сесть, персонам столь малозначительным сидеть в присутствии короля не полагалось даже в виде особой милости, и четко знавшая жизнь тюремщица это прекрасно понимала.

Все прошло распрекрасным образом. Особенно оборудовать «гладильню»* не пришлось, попросту подобрали подходящую комнату, куда быстренько доставили скамью установленного образца и двух «гладильщиц» из действующей тюрьмы — как предупредил Сварог, из тех, что посмысленнее.

Привели Каниллу, велели раздеться догола и пока что сесть на корявый табурет у скамьи, настрого предупредив: если встанет, получит десять горячих дополнительно, как предписывает регламент. Очень быстро Канилла поняла, что за штуку с ней сыграли: сиденье размером не больше чайного блюдца, к тому же половина приподнята на два пальца выше относительно другой (персонально для нее ничего не придумывали, такие табуреты давно используют в полиции

* «Гладильня» — жаргонное название помещения для телесных наказаний в тюрьме или на каторге.

при душевных беседах с неразговорчивыми собеседниками). Вставать она не вставала, чтобы не получить двойную порцию, — ерзала, стараясь из гордости делать это незаметно для присутствующих, что получалось плохо.

А присутствующие минут на двадцать словно совершенно о ней забыли. Коридорная сидела у двери и старательно вязала чулок, якобы глухая ко всему окружающему. «Гладильщицы», не обращая на Каниллу ни малейшего внимания, судачили о своем: сначала обсуждали нерадивость отправленного за розгами посыльного — ему давно пора бы появиться, но он где-то запропал, наверняка опять по дороге из мастерской засел в кабачке выдуть кружечку другую, так что самая пора писать на него бумагу смотрителю. Потом перемывали косточки сослуживице, беспутный муженек которой повадился бегать по бабам, как только супружница уходит на службу, откуда не имеет права отлучаться, так что выследить и уличить изменщика крайне затруднительно, и наконец кляли на все лады свою службу — вместо того, чтобы сидеть в «отдыхалке» и гонять чай с коврижками, приходится убивать время на эту «белобрысую выдру с гладкой задницей».

По наблюдениям коридорной, «белобрысая выдра» помаленьку наливалась злостью, но благоразумно не протестовала. Наконец появился посыльный с пучком розог в казенной холстинке (понятное дело, никуда не ходивший, розги привезли вместе с прочим инвентарем). Томительное ожидание на этом не кончилось: «гладильщицы» обсуждали теперь уже некондиционные розги, оказавшиеся какими-то корявыми да вдобавок разного диаметра и разной длины, что регламенту решительно противоречило, так что следует, пожалуй, накатать смотрителю бумагу и на мастера, начавшего откровенно халтурить.

Одним словом, прошло не менее получаса, прежде чем одна из «гладильщиц» скучающим тоном заявила Канилле:

— Ложись, что ли, чего расселась, не в театре...

По мнению коридорной, Канилла вскочила даже обрадованно, желая, чтобы все быстрее кончилось. «Гладильщицы» пристегнули кожаными ремнями ее запястья, лодыжки и шею, но тягомотина на этом не кончилась: бабищи неторопливо бились об заклад на шесть медяков, будет ли «гладкожопая» орать под розгами.

Первый удар последовал неожиданно для Каниллы, как и остальные падавшие с нерегулярными промежутками. Канилла отчаянно гримасничала от боли, но не издала ни звука — конечно же, не желая доставляться лишнего удовольствия «гладильщицам». Когда экзекуция кончилась, одна из «гладильщиц», не торопясь расстегивать большие медные пряжки ремней, прокомментировала с деланой заботливостью:

— Ну, вот и все, а ты боялась, неделю не придется лежать с мужиком на спинке, да и в других позициях будет больновато. А так от этого никто не умер, не переживай...

Канилла стгоряча огрызнулась — оказалось, что ее подловили. Сообщили ехидно: согласно регламентам, которые утром дали на прочтение, наказуемому не возбраняется орать во всю глотку, но категорически запрещено издавать членораздельные звуки, за что в случае нарушения полагается еще пять розог. Каковые тут же и отвесили. Били не сплеча, как это обычно делается, но все же не гладили...

Как и ожидалось, когда Каниллу освободили от ремней и позволили одеться, платье она накинула, но трусики унесла в руке — больновато было бы их натягивать. По отзыву коридорной, обратно в камеру заключница прямо-таки летела на крыльях — ну, Сварог прекрасно понимал, в чем тут дело и что Канилла намерена сделать, едва за ней захлопнется дверь.

Она и не подозревала, какой неприятный сюрприз ее ждет... Коридорная прекрасно все видела — глазка в дверях камер не было, но в нее заделали кусок стекла с односторонней прозрачностью, доставленный из Империи (на Таларе такого делать еще не умели). Едва оказавшись в одиночестве, Канилла с нескрываемой ра-

достью и даже торжеством на лице подняла руку ладонью вверх и пошевелила губами — конечно же, пустила в ход лечебные заклинания, — о чем коридорная знать не могла, ей попросту было приказано смотреть в оба.

И тут же торжество сменилось величайшим изумлением — вполне естественным, когда Канилла вдруг обнаружила, что заклинание не действует, хотя должно было исправно работать даже в Хелльстаде. Судя по рассказу коридорной, Канилла еще несколько раз попробовала повторить нехитрую процедуру — но убедилась в конце концов, что это бесполезно...

В этом месте рассказа тюремщицы Сварог мысленно усмехнулся. Канилла не подозревала о кое-каких тонкостях, а вот он не поленился слетать в Мистериор к мэтру Тигернаху и расспросить подробно, как обстоит дело с заклинаниями...

Изрядные пробелы в знаниях удалось восполнить — точнее говоря, познакомиться с кое-какими государственными тайнами, которые ему в силу занимаемого положения давненько полагалось знать, — правда, раньше ему иные были совершенно ни к чему.

Способности ларов — не врожденные. Дети их получают, если можно так выразиться, порциями, и когда подрастают. Пятилетнему мальцу, безусловно, нужно умение без всяких последствий падать с большой высоты, равно как и то, что от него, словно отброшенные невидимо рукой, отлетают любые летящие в него предметы — мало ли какие бывают случайности, особенно в детских играх. Но вот такому ребенку совершенно ни к чему умение двигать предметы на расстоянии, не прикасаясь к ним, — детское озорство непредсказуемо, можно ожидать чего угодно. Ну, а в третий раз, достигнув совершеннолетия, мальчики и девочки знакомятся с Большой книгой заклинаний: в том числе и фамильных (Сварог прекрасно помнил эту процедуру, которой, в отличие от всех остальных, по понятным причинам пришлось подвергнуться в зрелом возрасте). Обставлено это крайне торжественно, понятно (в случае Сварога обошлись без всякой помпезности, чему он

теперь был только рад). Это знают все — но строжайше охраняемой государственной тайной как раз и является знание о том, что большую часть способностей можно о т к л ю ч а т ь — причем, сколько это будет продолжаться, зависит исключительно от того, кто, если можно так выразиться, держит руку на кнопке. Тигернах говорил: в первую очередь это еще порой и незамеченное оружие против заговорщиков, а уж государственных преступников, надолго, а то и навсегда угодивших в тюрьму Лорс и замок Клай, почти всех способностей лишают прямо-таки автоматически (и при допросах это служит отличным способом воздействия на упрямцев и несговорчивых — получше всякой пытки).

Вот Сварог, с согласия Канцлера, и приобрел умение о т к л ю ч а т ь — нехитрая процедура, как оказалось. И применил это вчера, временно лишив Каниллу умения лечить себя. Чего она, разумеется, не заметила — все происходило без малейших световых и звуковых эффектов — попросту, отослав коридорную как ненужного свидетеля, остановился у двери камеры и, подняв ладонь к лицу, произнес про себя должное заклинание...

Закончив доклад, коридорная по жесту Сварога тихонько вышла — отправилась освобождать отсидевшую свое Каниллу. Сварог мельком подумал, что нужно распорядиться: пусть казначей выдаст всем троим по пять золотых. Свои роли они сыграли очень убедительно, заслужили премию, лиловые гримзы...

Изрядная часть происшедшего в «гладильне» была чистейшей воды спектаклем по сценарию Сварога. Тюремщицы и весь р е к в и з и т — самые что ни на есть настоящие, но в жизни наказанных порют быстро и деловито, никто не позволит работницам точить лясы, болтать о постороннем, а за розгами никого не посылают, их всегда имеется изрядный запас — но откуда Канилле знать такие тонкости? Вот и пришлось в воспитательных целях устроить спектакль, и премьера прошла на отлично, разве что за полным отсутствием зрителей и без аплодисментов...

Минут через двадцать в кабинете появилась Канилла Дегро — конечно, в другом, свежем платье, но наверняка все еще без трусиков — добросовестно поротая задница побаливает долго. Выглядела она как обычно, прекрасно умела владеть собой, и на очаровательном личике не отражалось ничего из тех эмоций, что просто обязаны были кипеть в душе благородной лариссы, которую в жизни не пороли

Сварог помнил неопишемое выражение лица Яны после известной экзекуции в Заводе...

Сохраняя на лице полнейшее хладнокровие, он показал на кресло.

— Садись, Кани, разговор будет долгий...

— Спасибо, я постою, — не моргнув глазом, отрезала она столь же невозмутимо.

Не сдержав усмешки, Сварог поднял к лицу сложенную ладонь и произнес про себя несколько слов. На ладони вспыхнул неизвестный ботанике красивый цветок, сотканный из неяркого бирюзового света, ажурный, похожий на сложившую лепестки лилию, продержался секунд пять и исчез. Канилла уставилась с неприкрытым любопытством — ну да, она такое видела впервые в жизни, а большинство ларов не видели никогда, да и не увидят.

— Вот теперь можешь лечиться, — сказал Сварог, жестом хозяина, словно приглашающего гостей к столу.

Нисколько не промедлив, Канилла подняла ладонь, пошевелила губами, потрогала покритикованную розгами деталь организма — сначала осторожно, потом покрепче, с нескрываемой радостью на лице. Облегченно вздохнув, уселась, выпалила, не сдержавшись:

— Командир, как такое возможно? В жизни о подобном не слышала.

— У тебя еще слишком мало звездочек на погонах, — хмыкнул Сварог. — Впрочем, к иным государственным секретам и генералов допускают с большим разбором, а то и не допускают вовсе... Твои впечатления от нового жизненного опыта?

— Омерзительные! — сверкнула глазами Канилла. Добавила рассудительно: — Я не о самой порке говорю, в конце концов, невелико переживание, было даже интересно, словно в историческом романе. Я о другом. Эти бабищи относились ко мне... слов не подберешь. Словно и не видели во мне человека. Будто я для них — сотый башмак для сапожника, или сотая курица для кухарки. Извините на грубом слове, неподобающем в королевских покоях, но я дерьмом себя чувствовала.

— Что и требовалось по ходу пьесы, — сказал Сварог без улыбки.

— Командир, зачем вы все это затеяли? Явно не только для того, чтобы я получила розгами по заднице...

— Умница, — одобрительно сказал Сварог. — Кани, ты давно уже взрослая. Отлично работаешь в серьезной конторе, посвящена в иные тайны, доступные лишь малому числу людей. Однако должен с нешуточным сожалением отметить: кое в чем ты еще придерживаешься романтического взгляда на жизнь — из-за дурацких книг и фильмов, ничего общего не имеющих с суровой, а подчас и грязной реальностью. А это в твоей службе недопустимо. Вот, пожалуйста, не будем далеко ходить... — он взял со стола «Жемчужину в пыли», нашел нужную страницу и стал читать вслух с дурными интонациями дешевого провинциального актера: «Омерзительные рожи палачей светились злобной радостью, выдавая самые мерзкие из обуревавших их чувств. Глядя на Альвену налитыми кровью глазами, одноглазый протянул злорадно:

— Сейчас твои нежные косточки захрустят на дыбе, красоточка...»

С треском захлопнул книгу и небрежно швырнул ее на стол.

— Кани, тебе эта сцена кажется вполне жизненной?

— Ну, да, — чуточку настороженно отозвалась Канилла. — Палачи ведь...

— Вздор, — решительно сказал Сварог. — Реальные палачи ведут себя совершенно иначе. Они свою работу обязаны делать как лишенные всяких эмоций

инструменты. Очередной клиент для них — именно что сотый башмак для сапожника или сотая курица для кухарки. За этим тщательно следят. Если в палаче усмотрят тягу к мучительству, к причинению боли, его прогоняют. Потому что палач-садист, того и гляди, увлечется, выйдет за рамки, напортачит во вред делу. Нужен напроочь лишенный эмоций инструмент. Бывает, конечно, что палачи ведут себя именно так, как описано в романе, но исключительно в тех случаях, когда получают от начальства указание именно так себя и вести — психологическое воздействие на допрашиваемого, как ты понимаешь. Но в книге о таких указаниях начальства ни словечка. И наконец, никто не будет держать в палачах одноглазого. Палач не должен иметь никаких физических недостатков и обладать крепкой уравновешенной психикой. Монстров, которые в книге изображены, в жизни давно выкинули бы за ворота без выходной платы. Чувствительной девице простительно принимать это чтиво за отражение жизни — но не офицеру спецслужбы. То же касается и наказаний, я хотел, чтобы ты поняла, что такое настоящее наказание. И здесь — никаких романтических страстей, к попавшим в «гладильню» опять-таки относятся, как кухарка к сотой курице. Я хотел, чтобы ты прониклась суровой реальностью. Получилось?

— Прониклась, кажется, — проворчала Канилла. — Проникнешься тут... Значит, в жизни так это и выглядит...

— И никак иначе... — без улыбки сказал Сварог. — Одним словом, выбрось из головы романтическое чтиво. Будет только мешать службе.

— Я и не увлекалась особенно. Просто в тюрьме было скучно...

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Ну, и чтобы окончательно закрыть тему... Те главы, где описана жизнь Альвены в тюрьме, у тебя не вызвали мыслей, что ты снова имеешь дело с красивыми побасенками?

— Да нет... — настороженно сказала Канилла — умница, чувствовала очередной подвох.

— А зря, — сказал Сварог. — В жизни битые бобрихи грубые, жестокие и полностью лишены душевного благородства. Я, конечно, отроду не сидел в женской тюрьме, но так жизнь повернулась, что однажды на несколько дней оказался на каторжанском корабле, на положении обычного заключника, так что некоторое представление о тюрьме и нравах ее обитателей имею...

— А вы об этом никогда не рассказывали, командир! Это в вашем прошлом или уже здесь?

— Здесь, — неохотно признался Сварог. — Старая история, быльем поросло, так что не стоит к этому возвращаться. Давай-ка не будем отвлекаться. Так вот, в романе битые бобрихи ведут себя с Альвеной как добрые и любящие тетушки. В жизни они бы с ней обращались гораздо грубее и прозаичнее... Что ты морщишься...

— Сколько же в жизни грязи... — промолвила Канилла с неподдельным отвращением.

— Привыкай, — безжалостно сказал Сварог. — Как офицеру спецслужбы тебе еще не раз придется иметь дело с теневыми сторонами, а там частенько — сплошная грязь. Конечно, если служба тебе не по плечу и ты чувствуешь душевный дискомфорт, неволить не буду, подыщу тебе местечко почище и поспокойнее...

— Вот уж нет! — Канилла гордо выпрямилась. — Я сама эту службу выбрала и бросать ее не собираюсь. Не считайте это лестью, командир, но вы в свое время хорошо нас воспитали...

— Боюсь, не так хорошо, как мне хотелось бы, — сухо сказал Сварог. — А теперь перейдем к главному. К тому, за что ты заслужила не просто полтора десятка розог, а что-то похуже... Я имею в виду твое последнее своеволие, недавнюю операцию на Той Стороне. Вы отлично выполнили задание, ничего не скажешь, ты прекрасно сработала в качестве старшего группы. Вот только в тебе опять взыграло своеволие. Вместо того чтобы вернуться, ты уже самовольно предприняла еще кое-что... ну, лучше меня знаешь, как все обстояло. Нарушила строгий приказ...

— Но ведь кончилось все успехом, — сказала Канилла, избегая, однако, встречаться с ним взглядом. — Мы все-таки нашли книгохранилище и все забрали. Уникальные книги, они бы погибли в том хаосе...

— Все правильно, — кивнул Сварог. — Вот только Брашери едва не погиб. Шансы были — пятьдесят на пятьдесят. Хорошо еще, что вы оба везучие... Вот так, Кани. Брагерт чудом уцелел. А как бы ты себя чувствовала, если бы он погиб — исключительно из-за твоего своеволия?

Он уперся в нее тяжелым взглядом и молча смотрел так до сих пор, пока Канилла все же опустила глаза, проговорила виновато:

— Да, неловко получилось...

— Очень мягко сказано, — жестко произнес Сварог. — Тут не помешали бы слова гораздо более неприглядные... Вот так оно и бывает: лавина берет начало с маленького камешка, одно цепляется за другое, мелкие нарушения приказов и своеволие иногда приводят к самым тяжелым последствиям. Столько примеров... Знаешь, у меня руки чешутся отправить тебя в отставку. Я тебя люблю, ценю, уважаю, у тебя уже много нештучных заслуг, но твое самовольство вышло за опасные пределы, недопустимые на войне, — то, чем мы занимаемся, сплошь и рядом неотличимо от войны...

Канилла вскинула на него глаза, лицо стало растерянным, ошеломленным — и, Сварог с радостью отметил, виноватым:

— Что угодно, командир, только не в отставку! Не знаю, как я тогда буду жить, хоть стреляйся... Я клянусь, клянусь никогда больше...

— Вот этого не надо, Кани, — сказал он мягче. — Данные второпях клятвы — вещь легковесная. Никаких страшных клятв мне от тебя не нужно. Я просто хочу, чтобы ты всерьез кое-над чем задумалась и постаралась побыстрее кое-какие серьезные недостатки исправить. Пример перед глазами: Брагерт тоже был в свое время изрядным шалопаем и своевольником, за что и вылетел со службы, когда у Гаудина лопнуло терпение, и он

всерьез опасался, как я сейчас, что однажды это кончится скверно. Там, правда, была другая мотивация: как-то Брагерт мне признался, что его служба при Гауди не порой казалась чем-то опереточным, несерьезным, съемками приключенческого сериала. Я не стал ему говорить, что, в общем, с ним согласен. Но с тобой-то обстоит совершенно иначе. Наша служба не похожа ни на оперетту, ни на приключенческий телесериал. И поэтому говорю откровенно: ты у опасной черты. И я хочу одного: чтобы ты над этим всерьез задумалась и сделала выводы, ты же умница... Могу я на это рассчитывать?

После короткого напряженного молчания Канилла твердо сказала, глядя ему в глаза:

— Можете. Я задумаюсь и изо всех сил постараюсь сделать выводы...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог искренне. — На этом и закончим воспитательную часть. Хотя... Ты на меня часом не сердишься? Не злишься?

— Да что вы, командир! — выпалила Канилла, не раздумывая. — После всего, что вы для меня сделали? Без вас я бы осталась пустой куклой в этом музыкальном ящике с марионетками, что именуется придворными императорскими балами... Как я могу на вас злиться или хотя бы сердиться? Я была бы неблагодарная свинья...

— Вот и прекрасно, — повторил Сварог и наконец позволил себе улыбнуться. — Если уж так обстоит, тебе гораздо легче будет перенести некоторые новости дворцовой жизни. Я, да будет тебе известно, решил превратить «золотую гостиницу» в полноценную тюрьму, с предельно жесткими условиями квартирования и розгами за малейшее нарушение. В том виде, как она была до сих пор, тюрьма была не тюрьмой, а форменным курортом, вот и пришлось срочно все исправлять. А ты, чуешь мое сердце, туда еще попадешь за всякие мелочи, которые так быстро не изживаются, — он улыбнулся шире. — И в следующий раз отнимать умение самолечения буду надолго, пока естественным образом не пройдет...

— А наплевать, — сказала Канилла с прежней бесшабашностью. — Ладно, порите за мелочи. Насчет того, что всерьез задумаюсь над г л а в н ы м, обещаю твердо...

— Ну, тогда поговорим о деле, — сказал Сварог, про себя облегченно вздохнув. — Вечером полетишь в Харлан, к нашему дорогому — иногда в прямом смысле — барону Крельгу. Эскадрилья пойдет из пяти самолетов. Золото, оружие и порох — все, как обычно. У тебя с ним по-прежнему нормальные рабочие отношения?

— Ну конечно, — сказала Канилла, оживившись. — По-прежнему принимает меня за небогатую ронерскую дворянку, из-за полного отсутствия жизненных перспектив подавшаюся в шпионки — таких хватает. Затащить в постель больше не пробует — после того, как однажды распустил руки и получил по организму. Но вздыхает и тоскливыми взглядами поливает. Даже предлагал руку, сердце и трон великих герцогов, стишки подсунул корявые, судя по тому, какие они убогие, не из какой-нибудь поэтической книжки списал, а сам накропал. Да, вот что, командир, коли уж мне опять в Харлан... К нему стала липнуть шустрая дворяночка из одного из занятых им городишек. По моим наблюдениям, дамочка всерьез нацелилась в фаворитки, а это непорядок — барон уже стал тратить на нее золото, понятное дело, наше, откуда у него свое? Это уже получается бесхозяйственность. Мы его снабжаем золотом не для того, чтобы он его на фавориток тратил.

— Бесхозяйственность, тут ты кругом права, — кивнул Сварог. — Есть идеи на этот счет?

— Нужно ее от барона быстро и тихо оттереть. Я, конечно, не говорю про крайние меры — эта дура ни в чем не виновата. Но оттереть нужно, вообще следить, чтобы он не заводил фавориток и не швырял на них ваше казенное золото. Пусть и дальше обходится девицами простого звания, они гораздо дешевле.

— Тоже верно, — сказал Сварог. — Ну, порасспрашивай наших людей, посоветуйся с ними, придумайте что-нибудь, что тебя учить...

— Есть! — браво ответила Канилла. И, поколебавшись, продолжала: — А вот интересно... Вы всерьез его собираетесь сажать на трон, или хотите подольше затянуть смуту?

— Пожалуй что, всерьез, — не раздумывая, ответил Сварог. — На роль марионетки вполне подходит. А если, как порой с марионетками случается, окажется неблагодарной скотиной, на него есть хороший крючок: всегда могут объявиться свидетели, которые ему мастерили поддельную генеалогию. Всегда найдутся соперники, которых это разозлит, Харлан — тот еще гадюшник... И смута завертится по новой.

— Грязное дело все же — большая политика... — с некоторой грустью сказала Канилла.

— Увы, — сказал Сварог. — Ты счастливица, тебе большой политикой не приходится заниматься, а вот мне тяжело приходится... Да, с тобой полетит капитан конногвардейцев, будет у барона военным советником. Мне его Гарайла подобрал, говорит, толковый парень. У Крельга нет толковых штабистов — а к одному из его соперников Лавиния отправила сразу трех офицеров, и у второго есть парочка дельных вояк, начали серьезно обижать нашего подопечного, надо это срочно исправлять. В этой связи...

К его несказанной радости, воспитательная часть кончилась, и разговор пошел исключительно о насущных делах.

Когда Канилла покинула кабинет — энергичная, собранная: деловитая, как всегда перед очередным заданием, — Сварог шумно, облегченно вздохнул уже открыто. Все складывалось прекрасно. Конечно, она не изживет волшебным образом в одночасье все свои вредные привычки, но говорила чистую правду — кое над чем задумается всерьез, как в схожей ситуации поступили Брагерт.

С воспитанием Каниллы все прошло гладко. Однако в самом скором времени предстояло гораздо более важное воспитательное мероприятие — вот-вот во дворце должна появиться Бетта, прилететь на браганте-неви-

димке в «Медвежью берлогу» и, не вызывая ни малейшего ажиотажа, приехать в карете Вердианы (к верховой езде она не проявляла ни малейшего интереса, что естественно для деревенской девочки, это мальчишки ведут себя в точности так, как неизвестные здесь юные герои «Бежиного луга»).

Кому-то покажется смешным, но Сварог волновался не на шутку и добросовестно попытался взять себя в руки. Ничего удивительного: ему впервые в жизни предстояло заняться т а к и м воспитанием подопечной. Которой неделю назад стукнуло определенное число лет — отсюда и некоторые сложности, непонятные тем, кому посчастливилось быть отцом или опекуном подрастающей девочки. Ну да, Бетта была компьютерным гением и пару раз выполняла серьезную работу для девятого стола — но она отнюдь не «синий чулок» и во всем остальном ничуть не отличалась от ровесниц. А психология и поведение подрастающих девочек — отдельная песня...

Означенные девочки в эти годы начинают проявлять нешуточный интерес к иным областям взрослой жизни, и никуда от этого не деться, всем приходится этим переболеть, как некогда на Земле — корью.

По точной информации, в шаловливые ручонки Бетты и ее подружек не так давно попал «Фонтан наслаждений» — самая запретная для подросткового чтения книга Империи и Талара — тем не менее неисповедимыми путями проникающая в замки ларов и земных дворян, равно как в особняки Сословий и дома членов трех высших Гильдий, у которых принято учить грамоте и девочек.

В свое время, когда Бетта вплотную приблизилась к к р и т и ч е с к о м у возрасту, Сварогу пришлось вдумчиво проштудировать не одну книгу по детской психологии, долго беседовать с педагогами и воспитателями. Те и другие разводили руками: бороться с этим злом нереально. Разве что организовать тотальную слежку с применением технических средств, внезапными обысками детских и тому подобными крайностями...

Для этого дела пришлось бы создавать новую спецслужбу с многочисленным персоналом — что при кадровом голоде в Империи опять-таки нереально. Педагоги и воспитатели добросовестно утешали Сварога: по большому счету, ничего страшного, все девчонки через это проходят (включая Яну и ее подруг), и процент э к с ц е с о в на этой почве столь ничтожно мал, что на сухом языке математики именуется «исчезающе малой величиной». Сварог им верил, но все равно испытывал нешуточное беспокойство — усугублявшееся еще и деревенским происхождением Бетты. Половину своей коротенькой жизни она провела в деревне — а это, как явствовало из тех же книг, несет свою специфику.

Деревенские дети не просто созревают раньше городских — кое в чем их образ жизни резко отличается от городского, как и психология. Дело не только в том, что деревенские сызмальства становятся не только очевидцами родов у животных, но и тех процессов, что к родам привели, — оградить детей от этого зрелища в деревне просто невозможно.

Отсюда и различие в иных нравах, странных для горожан, но в деревне столь же обыденных, как косяба, собирание спелых яблок или драки по большим праздникам...

...Спустя малое время обнаружилась новая напасть: Бетта украдкой прочитала все три тома «Долгих странствий под знаком Любви» — книги гораздо более безобидной, чем «Фонтан», но тоже числившейся среди запретных. Прямо-таки местный аналог незабвенной «Анжелики», ох как прогремевшей в свое время по великому и необъятному Советскому Союзу, от Москвы до самых до окраин...

Героиня, юная красотка-фригольдерша, как непременно полагается в таких вот романах, имя носила красивое — Мионелла. Девица эта приобрела богатый опыт «амбарных развлекашек» и приятное приключение с сынком местного барона (не вышедшее за рамки тех же «развлекашек»). Достигнув известного возраста, она категорически отказалась выйти замуж за сына ста-

росты — паренек был скверного характера, сулившего в будущем молодой жене рукоприкладство, да вдобавок распускал сопли до пупа и украдкой мучил кошек. Родители настаивали, прельщенные выгодной партией, — они были бедные-бедные, а староста был деревенским кулаком высокого полета. Тогда Мионелла без колебаний сбежала из родительского дома с молодым бродячим точильщиком (полное впечатление, списанным с Гаржака, хотя книга впервые вышла лет тридцать назад, когда Гаржака еще наверное не было). Идиллия продлилась недолго — амбициозной, несмотря на юные годы, красотке быстро наскучило быть невенчанной женой странствующего ремесленника, чье бытие подвержено разным невзгодам. Тем более что в городке, куда они забрели, как нельзя более кстати подвернулся молодой и красивый повар из богатого дома, хозяин небольшого, но уютного домика...

Через месяц странницу перестал устраивать и этот, деликатно говоря, друг — неглупая девушка решила, что достойна чего-то большего. И понеслось... Волею автора предприимчивая селяночка, ухитрившись каким-то чудом не испытать мало-мальски серьезных житейских неприятностей, поднималась некоторым образом по общественной лестнице — перебралась с проезжим садовником (разумеется, молодым и красивым) в городок побольше. А там пошло по накатанной — гуртовщик из Серебряной Гильдии, стеклодув из Золотой, ювелир из Сословия Мер и Весов, художник из Сословия Свободных Искусств... И города, куда ее забрасывала жизнь, оказывались все больше и больше, пока путешественница не оказалась в Равене — уже с кое-какими деньгами, пригоршней украшений, в роли небогатой провинциальной дворянки — посчастливилось раздобыть благодаря счастливому стечению обстоятельств (таковые стечения прямо-таки градом сыпались на героиню) подлинную дворянскую грамоту.

Нужно отметить, что автор, ловкач этакий, ухитрился описывать все так, что Мионелла вовсе не выглядела вульгарной потаскушкой, и к ней никак нельзя было

применить грубый эпитет «пошла по рукам». Скорее уж пошла по любовям. Всякий раз у нее случался натуральный пылкий роман, правда, скоро кончавшийся в силу, извольте ли видеть, необоримых жизненных обстоятельств...

Трехтомник оказался не только любовным, но и авантюрным. Периодически героиня все же оказывалась в нешуточных хлопотах — то респектабельный фанарщик из Золотой Гильдии окажется главарем шайки городских разбойников, то ее вздумает похитить сластолюбивый дворянин, этакий очередной маркиз Карабас тех мест, то друг-художник впутается в заговор против всемогущего первого министра и лишится головы. Однако героиня благополучно выскальзывала из любых передряг, и очередной роман поднимал ее все выше. В конце концов, шустрая красотка стала законной супругой пожилого графа и была принята при дворе. Ежу понятно, у нее состоялось несколько натуральных пылких романов с придворными кавалерами, осыпавшими ее самоцветами и дравшимися из-за нее на мечах. Так что, в конце концов, граф не выдержал и скоропостижно умер от разбитого сердца — но не успел переписать составленное в пользу ветреной супруги завещание, что с его стороны было не очень благородно. Неутешная вдова горевала недолго и вскоре после вереницы очередных придворных приключений стала фавориткой короля — который поначалу внушал ей отвращение тиранством и любвеобилием, но потом оказалось, что душа у него золотая, тиранствует и шляется по бабам исключительно оттого, что был лишен отцовской и материнской ласки, так что графиня Мионелла пожалела его всем сердцем, усмотрев за маской сатрапа и развратника тонкую и ранимую душу...

Тут и сказке конец — к разочарованию Сварога, усмотревшего широкие возможности для парочки продолжений. Запросто можно было ввести линию прежней, отвергнутой королем любовницы, прелестницы с черным сердцем. Яды и придворные интриги, новый роман... Дело в том, что, узнав о романе, Сварог обнару-

жил все три тома в библиотеке Яны и одолел от корки до корки, получив изрядное удовольствие, — книги были написаны хорошим и богатым литературным языком, что их выгодно отличало от мутного потока бульварного чтива, а литературные вкусы Сварога, увы, всегда были далеки от высокодуховных творений, сеявших разумное, доброе и вечное...

Вот только для чтения в возрасте Бетты роман категорически не годился — больше половины его занимали описания эротических приключений Мионеллы, подробные и красочные. Увы, в спальне Бетты воспитательница обнаружила лишь третий том, судя по закладке, уже прочитанный до конца — значит, проказница и первые два одолела, а потом наверняка отдала кому-то из подруг, эти юные книголюбки так и поступают, обмениваются под секретом запретным чтением. Так что поздно пресекать и читать нотации, сделанного не воротишь...

А впрочем, Сварог как-то подумал самокритично: «Мы в их возрасте были не лучше». Вспомнил, как у них в последний школьный год среди пацанов потаенно ходили по рукам короткие рукописные опусы вроде «Барина в бане», неизвестно кем из длинной вереницы читателей-переписчиков приписанного классiku советской литературы А. Н. Толстому. То, что это вранье, Сварог понимал тогда же — классик был писателем талантливым, и если бы даже писал подобное, то не столь убого. Однако тогда это чтиво его не на шутку впечатляло, как и остальных. Что характерно, строгие учителя об этом «самиздате» так никогда и не узнали — иногда школяры умеют быть конспираторами почище героических большевистских подпольщиков или хитромуद्रого Штирлица.

Можно еще вспомнить, как, когда он учился классе в девятом, на экранах появилась пленительная Анжелика, маркиза ангелов. Весь класс тогда еще попадал под суровый запрет «дети до шестнадцати лет не допускаются». Ни одному из мальчишек так и не удалось на запретные сеансы попасть, а вот некоторые девочки, вы-

глядевшие старше своих лет, ухитрились проникнуть. И потом взахлеб пересказывали фильм, правда, с некоторым разочарованием: не обнаружилось в увлекательном кинозрелище «ничего такого»...

Одним словом, бороться с «подпольной» литературой было делом безнадежным. Оказалось, что гораздо проще справиться с легонькими неудобствами, возникшими после появления Бетты в Латеранском дворце. Легендировать ее там, пользуясь терминологией шпионов, оказалось элементарно: «бубенчики» Интагара моментально распустили слух, что это незаконная дочь Сварога, по какой-то прихоти обитающая в деревенской глуши и во дворец приезжавшая пару раз в неделю. Дворцовое «общественное мнение» это проглотило, не поморщившись: незаконные дети королей — дело житейское, привычное с незапамятных времен. Правда, один маркиз, любитель распускать грязненькие сплетни, принялся было болтать, будто это не внебрачная дочка, а юная любовница — чему как раз поверили плохо, потому что среди мелких житейских прегрешений Сварога такого никогда не числилось. Да и сплетня не успела распространиться далеко — как только Сварог об этом узнал, сплетник вылетел из дворца, как пробка из бутылки, и очутился в Трех Королевствах — правда, не на каторге (Сварог был гуманным и просвещенным тираном), а в кресле бургомистра захолустного городишки, откуда ему предстояло выйти исключительно ногами вперед...

Несовершеннолетних, как и повсюду, ко двору не допускали (делали исключение лишь для пажей и пажесс). Однако с недавних пор для подростков обоего пола, детей придворных и всех, имеющих доступ во дворец, два раза в неделю устраивались танцевальные вечера в Сапфировом зале. Любившая танцевать Бетта почти ни одного не пропускала. Там-то вокруг нее и стали вертеться королевские пажи. Своеобразная была публика. Попав во дворец, юные красавчики быстро становились игрушками иных не обремененных высоким моральным обликом придворных дам — и скоро привыкали

относиться к девушкам насквозь утилитарно, так что порой возникали неприятные коллизии с самыми юными фрейлинами.

Как-то вечером Сварогу донесли, что тихари Интагара и люди из дворцовой охраны (маскировавшиеся под ливрейных лакеев) дважды засекали Бетту флиртовавшей с пажами — не в дворцовых закоулках, но в местах все же не достаточно уединенных, и разговоры, прилежно доложили шпики, были фривольными, хоть и в рамках приличий.

Зная привычки пажей, Сварог отреагировал моментально. В тот же вечер один из гофмаршалов, как раз и начальствовавший над пажами, собрал подопечных и объявил: всякий, кто не только распустит руки, но и будет вязаться к герцогине Роуш с какими бы то ни было вольностями, окажется на Стагаре, где проторчит до седых волос. Зная голубиный нрав короля Сварога, пажи ужаснулись и обязались строжайше блюсти инструкции.

И вот теперь, извольте видеть, донесение из Колемаха...

Колемах — один из четырех лагерей отдыха для детей ларов разного возраста в Антлане. Кое в чем он напоминает пионерские — дети живут не в домах, а в больших шатрах на манер ратагайских или гиперборейских (конечно, не войлочных, а бархатных, снабженных всеми удобствами), мальчики отдельно, девочки отдельно, утренние и вечерние построения с подъемом и спуском штандарта лагеря, рожки вместо горнов, барабанов, всевозможные соревнования меж отрядами, купание в озере, огромные костры, танцы, походы по окружающим лесам и горам, игры, занятия спортом. Есть кое-что и от скаутов: разноцветные шейные платки и наплечные жгуты, почетные звания, значки...

Разумеется, меры безопасности приняты строжайшие: огромные территории ограждены силовыми полями и патрулируются беспилотниками, экскурсии сопровождает охрана. Однако легонькая головная боль педагогов и воспитателей та же самая, что и у вожатых

пионерских лагерей. Мальчишки и девчонки обитают не в отдельных лагерях, а в отдельных палатках, изрядную часть времени предоставлены самим себе, а территория лагеря — не меньше югера живописного густого леса. Так что, как во времена советских пионерских лагерей, старшие частенько вечерней порой уединяются парочками в чащобе — в общем, невинные подростковые романчики с поцелуйчиками — но иные проказницы и проказники практикуют «амбарные веселушки» (к чему воспитатели, в общем, относятся с тем же крестьянским практицизмом, ибо единственный способ это пресечь — перевести подростков на тюремный режим, чего никто делать не будет, да и воспитатели, положив руку на сердце, сами в детстве и ранней юности прошли те же лагеря с теми же традициями).

Вот и получаешь в итоге такие донесения — трудами трех агентов Сварога, внедренных под видом мирных воспитательниц...

Наконец вошла Бетта — веселая, загорелая, в палевом платье заимствованного с Той Стороны фасона — вырез гораздо скромнее, чем у взрослых придворных модниц, но все же заставляет упертого моралиста Янтагара вздыхать украдкой, как морж. Томильтон* бархатный, в тон платью — и там, конечно же, лежит маленький пульт, позволяющий вмиг развернуть квантовый компьютер с большим экраном и световой клавиатурой.

— Доброе утро, дядюшка Гэйр, — поздоровалась она звонко. — Я так понимаю, государственными делами вы не заняты?

— Повезло, выпала долгая передышка, — сказал Сварог не без радости. — Располагайся, а почему «доброе утро»? Уже на вторую половину дня перевалило...

— Ой, я не подумала... — Бетта уселась в мягкое кресло, полагавшееся ей по статусу, и положила ногу на ногу, что для ее возраста было еще рановато, но Сварог воздержался от замечания, чтобы не быть въедливым педантом и чрезмерным моралистом, хватит с нас и од-

* Томильтон — дамская сумочка в виде мешочка, носится на левом запястье.

ного Интагара. — На Сильване, когда я улетаю, еще стояло раннее утро, вот я и не перестроилась...

— Ну, как впечатления?

— Великолепные! Я летала к водопадам Тимьялоче, как всегда. Столько раз бывала на Сильване, а туда выбираюсь обязательно. До чего красивое и величественное зрелище...

— Согласен, — кивнул Сварог. — Бывали я там с Яной...

Действительно, зрелище впечатляющее. Это Африка — она здесь, правда, называется иначе и имеет другие очертания, но и там есть те самые водопады, что так красочно описаны Буссенаром в «Похитителях бриллиантов», любимом чтении Сварога в пионерском детстве. Моси-оа-Тунья, Место Гремящего Дыма. Он в свое время и летал к Тимьялоче оттого, что помнил роман — и действительность несколько не разочарован, наоборот...

Разговор предстоит тягостный — он никогда прежде не беседовал с Беттой, да и ни с кем другим на т а к и е темы. Но и оттягивать не годится, нужно очертя голову прыгать в холодную воду... Окинул Бетту оценивающим мужским взглядом, ничего общего не имеющим с противоестественным влечением. Вздыхнул про себя. Что ж, шестнадцать лет, первая половина которых прошла на деревенском приволье. Вот вам и результат — ни малейшей подростковой неуклюжести, вполне созревшая девушка, все при ней. В родной деревне к ней уже засылали бы сватов, ее старшая сестра четыре года назад вышла замуж, что полностью соответствует старинным деревенским традициям, и у Бетты есть годовалый племянник, из-за которого она стала чаще летать на историческую родину — роль тети ей страшно нравится. Что ж, приходится с нешуточной душевной скорбью признать: воспитание Бетты переходит на качественно новый этап, чего в жизни Сварога еще не случалось. Остается печально покориться судьбе (никто его не тащил за шиворот в опекуны, сам напросился) и повторить цитату из классика

(кажется, Грибоедова, хотя Сварог точно не был уверен): «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!..»

— Дядюшка Гэйр... — сказала Бетта с определенным лукавством, склонив светловолосую головку с алевшими в волосах крупными рубинами диадемы к правому плечу. — Как-то странно вы на меня поглядываете, честное слово, странно, не так, как обычно. Я ведь научилась вас хорошо узнавать...

Ну да, женское чутье уже в этом возрасте работает в полную силу. Вот именно, драгоценности... С некоторых пор Бетта полюбила украшения — еще один неодолимый женский рефлекс — и Сварог дарил ей драгоценности из поместительных сундуков Вентордера — не слишком часто, чтобы не баловать.

Так, ожерелье и серьги на месте, как и браслет — вот только вместо перстня с рубином на указательном пальце правой руки красуется гораздо более скромных размеров, с желтым сапфиром — незнаком, такого он не помнил. Что же, вполне укладывается в картину недавних событий, педантично отраженных в докладной из Колемаха. Категорически не сочетается с рубиновым гарнитуром Бетты, но она его все равно носит, хотя давно уже обрела хороший вкус в подборе одежды и украшений... Ситуация, мелькающая с завидным постоянством в любом душещипательном романе, наподобие «Странствий» или «Жемчужины в пыли»...

Ладно, в воду очертя голову, так в воду...

— Значит, отдохнула прекрасно?

— Великолепно! — оживленно воскликнула Бетта, невольно бросив быстрый взгляд на перстень с желтым сапфиром.

— Не сомневаюсь, — кивнул Сварог и продолжал самым обычным голосом без малейшего коварства киношного злодея. — Но на этот раз, сдается мне, ты порой развлекалась с о в е р ш е н н о по-новому, а?

И посмотрел на нее пылливо, чувствуя себя так, словно свалил с плеч нешуточную тяжесть. Сам не знал толком, какой будет ее реакция, — но Бетта не отвела

взгляд, нисколько не смутилась, наоборот, на ее личике появилась легкая мечтательная улыбка.

— Костер в три человеческих роста, танцы за полночь... — продолжал Сварог все тем же ровным голосом. — Бетта, ты ведь всегда была со мной откровенной...

— Ах, вот оно что... — вкрадчиво протянула Бетта. — Уже наябедничал. Ну да, девчонки предупреждали, что они наперебой ябедничают...

— Бетта, королю не ябедничают, короля осведомляют, — наставительно сказал Сварог. — Опекуна, кстати, это тоже касается. Ну как, откроешь душу, или в наши отношения впервые врывается недосказанность? Сразу признаюсь, мне это чертовски неприятно. Я вовсе не собираюсь тебя допрашивать, если хочешь что-то скрывать, держи при себе, просто что-то ломается в наших отношениях...

— И ничего не ломается, дядюшка Гэйр, — уверенно сказала Бетта. — Вы же мне давно как отец, я же не поросюшка бесчувственная и неблагодарная... Пожалуйста, раскрою душу. Потому что совершенно нечего скрывать, и стыдиться нечего. Там был один мальчик... Мы знакомы уже давно, с первого класса Школариума, но сейчас было что-то абсолютно другое, никогда прежде не бывавшее. Как-то по-другому увидели друг друга. Последние дни мы танцевали только друг с другом, а в тот вечер, когда костер еще не прогорел, ушли в лес, где никто не видел. В лесу мы целовались. Мне было очень приятно. Я первый раз целовалась, и он тоже. Мы четыре вечера гуляли по лесу, ходили на берег озера смотреть восход ... и целовались.

— И только, Эльбетта? — спросил Сварог жестяным голосом коронного прокурора.

С давних пор повелось: полным именем он ее называл только тогда, когда бывал ею недоволен. Однако Бетта, ничуть не смутившись и не промедлив, отворила:

— Ну, не только... Но границ не переходили, и я прекрасно помнила, в чем заключается девичья гордость. Девчонки мне давно все растолковали.

— И в чем же девичья гордость заключается? — с искренним любопытством спросил Сварог, не имевший об этом предмете никакого понятия.

Бетта ответила с легоньким превосходством женщины, растолковывающей малышу азбучные истины:

— В том, чтобы позволять мальчику поцелуи и легкие вольности выше талии, но не допускать никаких иных шалостей, и уж тем более не лезть под юбку. Это все девочки знают, начиная с определенного возраста.

Сварог ощутил нешуточную оторопь — он никогда прежде о такой именно формулировке не читал в книгах по детской психологии и не слышал от педагогов. Похоже, высокомудрые знатоки детских душ далеко не все знали о подопечных. ...Походило на то, что в скором времени ему предстояло внести кое-какие дополнения в детскую психологию и педагогику...

— Дядюшка Гэйр, вы ведь не считаете меня бесстыжей? — с некоторой тревогой осведомилась Бетта. — Все девчонки так поступают...

— Успокойся, не считаю, — сказал Сварог, самокритично вспомнив пионерский лагерь в последний год ношения пионерского галстука и рыженькую Наташку из третьего девчоночьего отряда. Правда, в противоположность прежним временам в последний год красный галстук, который с нашим знаменем цвета одного, они все, и мальчишки и девчонки, надевали исключительно в школу и на разные мероприятия, уже немного его стеснялись как знака детства, а всем хотелось побыстрее повзрослеть...

Все так же настороженно Бетта продолжала:

— Мы условились, что и в Империи будем встречаться, на танцевальных вечерах, играх... Дядюшка Гэйр, вы ведь не станете мне запрещать? Все так себя ведут...

— Не буду, — сказал Сварог с мысленным тяжким вздохом, в самом деле, нелепо было бы запрещать. Во дворцах, где проходят балы, игры и прочие развлечения — для подростков ее возраста, хватает укромных уголков, где можно украдкой целоваться до одури, но

тут уж, вздыхают педагоги, ничего не попишешь. Подросла, что уж теперь...

Приободрившаяся Бетта заговорила первая:

— Если уж совсем откровенно... Некоторые девчонки уже занимаются... — она на миг отвела глаза и чуть покраснела, — ...ну, тем, что на деревне называется «амбарными веселушками». Меня тоже подбивали попробовать, но пока не тянет...

— Не тянет или не решаешься? — чуть сварливо уточнил Сварог.

— Если правду... Большой частью не тянет... и чуточку не решаюсь. Стыдно представить, что будут с тобой такое делать, а уж делать самой вообще жутковато. Но девчонки уверяют, что это очень приятно...

Пожалеешь тут, что розги в ходу только в деревне и в двух низших Гильдиях...

— Но Таугальт никогда ни о чем таком и не заикался, — поторопилась заверить Бетта. — Он очень воспитанный мальчик, его родители держат в строгости...

— И то хлеб... — проворчал Сварог под нос. — Ну, а об «амбарных веселушках» ты, конечно же, узнала из «Долгих странствий»? Не запирайся, я точно знаю, что ты их читала...

— Даже чуточку раньше, — поведала Бетта, уже сообразившая, что сурового разноса не предвидится. — Когда я улетала из деревни, была еще слишком маленькая, чтобы обсуждать со сверстниками, но полгода назад, когда навещала племянника, посидели со старшей сестрой, и она мне рассказала про «амбарные веселушки» и про то, как там все обстоит...

— И как же там все обстоит? — спросил Сварог опять-таки с любопытством — в книгах он нашел только наблюдения, так сказать, сделанные со стороны, без того самого взгляда изнутри.

— Очень даже прилично все, — охотно сказала Бетта. — Быстро получают сложившиеся пары. Далеко потом не все становятся мужем и женой, но все разбиваются на пары. У Лионеллы так и было, ее отдали за того парня, с которым она... дружила, она говорила, что ей

повезло — а ведь иногда многие парни и девушки страдают...

Положительно Сварогу вскоре предстояло немного обогатить высокую науку под названием «детская психология» собственными полевыми наблюдениями...

— Значит, кольцами ты с ним обменялась? — спросил Сварог.

Ни на Таларе, ни в Империи обручальных колец не знали, но и на земле, и за облаками влюбленные с незапамятных времен обменивались кольцами.

— Конечно, — сказала Бетта, глянув с некоторой тревогой. — Вы не сердитесь, что я так распорядилась вашим подарком?

— Ничутьточки, — сказал Сварог искренне. — Все подарки — твои, поступай с ними, как вздумается.

— А за... все остальное вы тоже не сердитесь?

— Не сержусь, — сказал Сварог, отчаянно подыскивая нужные слова. — Только... Как бы тебе сказать, Бетта... Встречайся со своим мальчиком, коли уж все так поступают, но постарайся ограничиться тем, что уже... произошло. Не торопись заходить дальше. Всему свое время. Потом, когда подрастешь... Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — ответила Бетта с понравившейся Сварогу серьезностью. — Дядюшка Гейр, честное слово, я не собираюсь торопиться. Мало ли что говорят девчонки... — ее лицо озарилось улыбкой. — А вы знаете, когда я неделю назад летала в Ремиденум поговорить с тамошними математиками, за мной всерьез ухаживали два студента и даже кадет Черных Драгун, когда я была в танцевальном зале Сословия Совы. Но я всех отшила. Кадет был красивый, бравый, но я поклялась хранить верность Таугальту...

— Вот и молодец, — одобрительно сказал Сварог, без труда притворившись, что слышит обо всем этом впервые в жизни. Бетте не следовало пока что знать, что при каждом полете на землю ее потаенно, плотно и искусно прикрывают полдюжины телохранителей. Вздумай кто-то из тех трех ее ухажеров хоть самую малость распустить руки, его моментально бы жестко остановили,

а Бетту увезли бы за облака... Так что он всякий раз выслушивал подробные рапорты.

Бетта на глазах приободрилась.

— У меня есть просьба, дядюшка Гэйр, — сказала она живо. — Вы бы не разрешили мне вступить в Ассамблею Боярышника? Я о ней много слышала от леди Каниллы и других. Там очень интересно — танцы, игры, песни, которых в Империи еще не знают... Там ведь нет ограничения по возрасту. Честное слово, к вину я не прикоснусь, хотя у сестры два раза пробовала домашнее, слабенькое (а Сварогу об этом ничего неизвестно, неудивительно, когда она летает в родную деревню, телохранители не заходят за ней в дом). Я уже говорила с леди Каниллой, она, в общем, не против, но сказала, что нужно ваше согласие как опекуна...

— И конечно, ты туда хочешь ходить со своим Таугальтом?

— Конечно, — сказала Бетта, глядя на него прямо-таки умоляюще. — Как же я там без него? Скучно будет... Все кавалеры там уже взрослые, мне с ними флиртовать еще рано, да и большинство пар там сложившиеся...

Не раздумывая, Сварог кивнул:

— Хорошо, я поговорю с Каниллой. Считай, что вы с Таугальтом уже в Ассамблее.

— Ой, спасибо, дядюшка Гейр! — Бетта сияла, как новенький золотой. — Я бы вас расцеловала на радостях, но в мои годы уже неприлично целовать взрослого мужчину, пусть даже опекуна...

Что ж, это неплохое решение. Вечера в Ассамблее Боярышника проходят вполне благопристойно, без фривольности в разговорах и страстных объятий во время медленных танцев. А те парочки, что в полной мере пользуются гостеприимством Вердианы, попросту потихоньку улетучиваются из зала, и обращать на это внимание не принято. Немало найдется людей, которые и без указаний Сварога будут ее легонько воспитывать: Канилла, Томи, Вердиана, Маргиленa, Бади Магадаль, обе дочери Интагара. А ее юного кавалера поучат жизни Гаржак и несколько офицеров. Да и сам

Сварог там бывает часто. Бетта и ее избранник будут на глазах...

— Если уж быть до конца откровенной... — сказала окончательно успокоившаяся и всецело довольная жизнью Бетта, — ...мы с Таугальтом уговорились: когда вырастем, обязательно поженимся. Вы ведь не будете против? Правда, это будет еще не скоро, но мы твердо уговорились.

— Почему бы мне быть против? — пожал плечами Сварог. — Ясное дело, ты когда-нибудь выйдешь замуж...

— Ой, спасибо!

— Но только хорошенько запомни, о чем мы говорили. Настоящая девичья гордость выглядит чуточку иначе, чем твои девчонки тебе толкуют. Когда-нибудь мы об этом поговорим подробнее, идет? И не будем особенно откладывать этот разговор.

— Идет! — личико Бетты сияло нешуточным воодушевлением. — Можно, я сегодня же скажу Таугальту, что вы знаете о нашем уговоре и ничего не имеете против?

— Ну, конечно, Бетта, — кивнул Сварог.

Он чувствовал легонькую скуку — как всякий достаточно умудренный жизнью человек. Таких вот юных нареченных было превеликое множество и на Таларе, и в Империи, и будет еще немало. Только кончается все одинаково: первая подростковая любовь со временем иногда очень быстро тает, как приятный сон, улетучивается, иногда оставляет ностальгические воспоминания, а иногда забывается начисто. Случаи, когда первая влюбленность перерастает в настоящую взрослую любовь и кончается свадьбой, так же редки, как бриллианты величиной с кулак. Классическая история мальчишки Тома Сойера: он искренне называл Эми Лоуренс невестой, пока в их городке не появилась очаровательная Бекки Тэтчер, и Эми моментально вылетела у воздыхателя из головы, причем он вовсе не был никаким ловеласом — се ля ви. Что далеко ходить, проще на себя, кума, оборотиться: оба они, Стасик и рыженькая Наташа, целовались впервые

в жизни, считали, что у них любовь до гроба, и даже, когда кончился летний сезон и начался восьмой учебный год, встречались несколько раз с походами в кино, прогулками по городу и поцелуями в укромных местах, а однажды даже просочились на вполне взрослые танцы на турбазе — но уже через полчаса, не выдержав насмешливых взглядов старших, пристыженно оттуда ретировались. Однако уже в первой четверти в классе появилась новенькая, переехавшая с родителями из областного центра, и Наташу постигла участь Эми Лоуренс. Причем Наташа от разбитого сердца ничуть переживать не стала, начала ходить с долговязым баскетболистом из девятого «б» — отнюдь не в отместку Стасику, просто-напросто все прежнее улетучилось, как утренний туман...

Но Бетте, разумеется, об этом нельзя заикнуться и словечком — рановато ей знакомиться с жизненными сложностями. Любой человек, в конце концов, сталкивается с жизненными сложностями, порой нешуточными, но всему свое время. Да и не поверит она сейчас, что ее, изволите ли видеть, пылкие чувства на самом деле — издержки юного возраста...

— А когда вы поговорите с леди Каниллой? — чуть нетерпеливо спросила Бетта.

— Она сейчас улетела с важным поручением, — сказал Сварог. — Но часа через четыре вернется, и я с ней обязательно поговорю. Считай, ты уже в Ассамблее Боярышника, ты и твой Таугальт... Кстати, как его полное имя?

— Таугальт, граф Кинроу, — охотно ответила Бетта. — У него отец военный, не какой-то придворный пустоцвет...

Для своего возраста она уже неплохо разбиралась в людях и умела отличать серьезных работников от придворных пустоцветов — что можно только приветствовать. Фамилия была Сварогу смутно знакома, но он не припомнил с ходу, где ее слышал и при каких обстоятельствах. Ничего, узнать поточнее можно быстро.

— А ваша жена сейчас во дворце?

— Нет, в Хелльстаде, — сказал Сварог. — Она там проведет еще пару дней, есть важные дела... А что?

— Я ей привезла во-о-от такую корзину силванских янтарей, с разными тварюшками. Всякие крабики-стрекозки, какие на Таларе раньше не водились, есть даже зверюшка наподобие мыши, только с коротким хвостиком. Я летала на Янтарный Берег, обошла там с дюжину пляжей...

— Вот за это спасибо, — сказал Сварог, притворившись, что впервые слышит о ее поездке на Янтарный Берег — хотя, разумеется, знал от охраны и о нем. — Яна обрадуется...

Курлыкнул пульт, зажглась желтая лампочка — судя по ее цвету и неспешному мерцанию, ничего важного или серьезного. Сварог нажал нужную клавишу, и статс-секретарь доложил, как всегда прилежно и бесстрастно:

— Вимана отца Грука через квадранс приземлится в «Медвежьей берлоге». Туда уже посланы две кареты, для отца и его поклажи.

— Отлично, — сказал Сварог. — Как только появится, пропустите его ко мне. Поклажу в мои покои.

И отключился. Бетта глянула понимающе, лукаво прищурилась:

— Опять будете хлобыстать нэлыг баклагами?

— Лексикончик у вас, герцогиня... — усмехнулся Сварог. — Взрослым можно. Особенно когда нет неотложных дел и стоит сплошная скука...

— Да я понимаю, вы, мужчины без этого не можете, — сказала Бетта с забавным видом умудренной жизнью взрослой женщины. — Супруга в отъезде, дел никаких. Хорошо вам посидеть. Только...

— Не беспокойся, в лежку не упьемся, — заверил Сварог. — Так что с леди Каниллой я поговорю.

— Спасибо, дядюшка Гэйр, я полетела? У меня-то как раз есть серьезные дела...

— Подожди-ка, — сказал Сварог. — Ты же собиралась ошарашить меня какой-то интересной загадкой, столько уже собираешься, обещаешь с загадочным видом...

— Ой, я и забыла на радостях! Я закончила, получилось страниц пятьдесят, такая обстоятельная сводка. Я по дороге сброшу вам на компьютер, будет время, распечатайте — вы ж до сих пор предпочитаете бумагу, словно таларский книжник... Очень интересная сводка о Тайных Мудрецах...

— Обязательно прочитаю, как только улетит отец Грук, — беззастенчиво солгал Сварог, сразу ощутив нешуточную скуку.

Когда Бетта шла к двери едва ли не вприпрыжку, Сварог усмехнулся вслед: конечно же, серьезное дело у нее было только одно — побыстрее связаться со своим воздыхателем и сообщить, что иные новости дядюшка Гэйр встретил вполне благосклонно и дорога в Ассамблею Боярышника им открыта. Ну и пусть ее, чем бы дитя ни тешилось...

Он был доволен собой. Чувствовал себя так, словно в одиночку разгрузил машину угля, но это была и приятная усталость — первый в жизни разговор с подрастающей девчонкой на довольно щекотливую тему провел неплохо, а в дальнейшем будет легче. Что за комиссия, Создатель... Но ничего не поделаешь, добровольно впрягся в оглобли — изволь тянуть воз по бездорожью...

Перешел к компьютеру и просмотрел Гербовую Книгу на соответствующую букву алфавита. Поиски были недолгими и принесли одно лишь моральное удовлетворение и душевное спокойствие. Галарик граф Кинроу довольно молод, профессиональный военный, был командиром гвардейского корвета, потом оказался в группе офицеров, без колебаний променявших скучноватую службу на морские просторы — перешел к маркизу Оклеру, в Морскую Бригаду, сейчас в чине флаг-штурмана (примерно соответствует капитану первого ранга на Земле) командует одной из эскадр «Ящеров». Теперь личное дело: в Морской Бригаде — на хорошем счету, отзывы прекрасные. Оклер — служака хороший и в оценках беспристрастен. Что ж, офицеры умеют воспитывать детей, особен-

но таких вот подрастающих пацанов, п р а в и л ь н о. Ну, а скрупулезности ради — документы Педагогической коллегии, закрытые для праздно любопытствующих посторонних, но доступные Сварогу с его паролями восьмого департамента, Кабинета императрицы и вице-канцлера. Таугальт граф Кинроу — отзывы прекрасные, в отличие от многих сверстников и сверстниц, отбывающих тягостную повинность, к учебе относится серьезно, собирается через три года после окончания Школариума держать экзамен в Академию Скрещенных Мечей, единственное в Империи военное училище. Положительно, нет ровным счетом никаких оснований для беспокойства — неплохой парнишка, пусть себе крутит с Беттой первый в жизни обоих безобидный роман, тем более что юные голубки часть времени будут под ненавязчивым присмотром в Ассамблее Боярышника. Разве что следует в ближайшем будущем поговорить с флаг-штурманом о некоторых нюансах воспитания подрастающих детей. Ну, а для пущей скрупулезности привлечь и отца Грука, с которым Бетта знакома по Каталауну — разумеется, когда закончатся посиделки со Сварогом и Грук будет в трезвой полосе. «Лесной пастырь» — неплохой душевед, сумеет толково и ненавязчиво объяснить Бетте, что такое н а с т о я щ а я девичья гордость, и дать полезные жизненные советы...

Вот только его огорчало и удручало обернувшееся пустышкой заявление Бетты об «интересной загадке», Тайных Мудрецах. Ожидал в самом деле чего-то серьезного и интересного, а оказалось — пустоцвет.

Тайные Мудрецы больше всего напоминали бытовавшую на Той Стороне «Великую книгу тайн». Набор из десятка историй, не получивших ни малейшего научного подтверждения, но крайне завлекательных для обывателя так называемых Великих Тайн. Затаившиеся среди людей зловещие инопланетяне, питающие зловещие планы порабощения человечества, загадки затонувшего континента Шиолам, пьющие кровь у припозднившихся путников болотные огни и так далее.

Похожий набор завлекательных легенд давненько имелся и на Таларе, разве что истории были большей частью другие, но рассказывавшиеся с той же красочностью и абсолютно бездоказательно. Серьезные ученые и книжники Талара их игнорировали, а имперские ими давно не занимались вообще. К сожалению, и на земле, и за облаками порой находились романтики, принимавшие все за чистую монету, с жаром начинали, игнорируя печальный опыт многочисленных предшественников, гоняться за миражами, охотиться за призраками и химерами — и кончалось это скверно, от порушенных карьер и утраты научной репутации до самоубийств...

С давних пор (невозможно уже доискаться, когда это началось в седой древности) там и сям ходили жуткие легенды о Тайных Мудрецах — якобы о тайной организации великих магов, обладателей знаний и способностей, превосходящих даже умения ларов. Эти всеведущие и всемогущие обладатели высшего знания, если верить иным трудам, раскинули щупальцы по всему Талару, одинаково легко проникали и в пастушьи хижины, и в королевские дворцы (впрочем, хижинами пренебрегали), стояли за всеми загадками истории, беспричинно вспыхивавшими войнами и мятежами, управляли человечеством, как поводырь слепцом. Этакие здешние злокозненные жидомасоны в одном флаконе с мудрецами из Шамбалы.

Никто не спорит, в истории хватало и загадок, до сих пор остающихся необъяснимыми, и войн, которым вроде бы не полагалось вспыхивать, и с т р а н н ы х персонажей, возникавших вроде бы ниоткуда и обладавших поразительными умениями — причем часто об этих событиях и людях писали вполне серьезные книжники, опиравшиеся не на сказки и легенды, а на не менее серьезные книги старинных авторов.

Вот только Сварог, в свое время услышавший об этой загадке от Каниллы Дегро (быстро к ней охладевшей), без труда разыскал в открытых архивах Канцелярии земных дел аналитический обзор, сделанный чуть ли не два тысячелетия назад по распоряжению тогдашне-

го главы Канцелярии, молодого принца короны, только что назначенного на сей высокий пост и потому пылавшего жаждой деятельности. Согласно ему, изрядную часть рассказней о Тайных Мудрецах следовало отнести на счет благородных ларов, иногда чудивших на земле под личинами жителей Талара крайне замысловато. Чему уже в недавнем прошлом, дополнил Сварог, были неплохой иллюстрацией иные похождения герцога Орка и заговор Брашперо. А часть — труды Черных Алхимиков, вовсе не составлявших какого-то тайного Ордена, магов-одинок и тех, кто узкому кругу имперских чиновников и спецслужбистов впоследствии известен как Хитрые Мастера. Однако автор отчета, некий советник Хагерут, точно подметил: те исторические загадки и повествования о «странных» людях, которые до сих пор не удается объяснить, отнюдь не складываются в некую с е р и ю, систему, позволявшую всерьез говорить о некоей организованной силе, управлявшейся из единого центра. То же самое, пусть другими словами, писали и иные таларские книжники, в том числе один математик. Что, разумеется, людей определенного склада ума отнюдь не убедило. А потому примерно через полгода после уничтожения Глаз Сатаны молодец и прыткий бакалавр Ремиденума издал не самый тонкий ученый труд, в котором изобразил Сварога одним из главрей Тайных Мудрецов. Прочитав его, Сварог рассмеялся и потом, став королем Ронеро, велел к автору этого безудержного полета фантазии никаких репрессий не применять (на что уже нацелился вовремя остановленный Интагар, усмотревший в этом очередное «оскорбление величества»). А, в общем, кончилось все благополучно: после шквала критики со стороны ученого сообщества бакалавр вовремя опомнился и переключился на гораздо менее фантазийные темы.

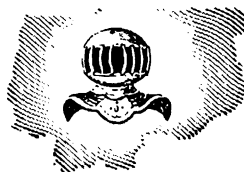
И никто, кроме Сварога, не знал, что король Шого (чье загадочное исчезновение в лишенном окон и потайных дверей коридоре было хорошо документировано) был Фалареном, которому прискучило очередное развлечение, и он обставил свой уход в отставку предельно зага-

дочно. А три случая, так и не получивших объяснения ни на Таларе, ни в Империи являли собой шалости пятачки шалопаев-пустоцветов с горы Гун-Деми-Тенгри, и еще два — очередную аферу герцога Лемара, с присущей прохвосту изобретательностью выманившего у очередных простаков немалые денежки в золоте...

И вот теперь Бетта увлеклась красивой обманкой — несомненно, к этому был причастен молодой книжник из Гарфуэльского университета, с которым ее познакомил Брейсингем: молодой ученый муж, как ни пытались его стеречь седовласые профессора, работал над книгой о Тайных Мудрецах, обложившись ворохом книг предшественников и возмечтавшим, как частенько случается, «сказать новое слово». Бетта мимоходом упоминала о нем Сварогу. Он сам знал об этом знакомстве от телохранителей Бетты, но никаких мер принимать не стал. У Бетты хватает более серьезных занятий на компьютерной ниве, рано или поздно она эту пустышку оставит, как и Канилла, в свое время быстро переболевшая «меморандумом Кристана». Означенный меморандум проходил, если можно так выразиться, по другому ведомству, но тоже стал прекрасной иллюстрацией для печальной истины том, как далеко может завести человека погоня за миражами — увлекшись очередной химерой Кристан в конце концов поломал себе блестящую карьеру и саму жизнь... Остается надеяться, что Бетта, чуть повзрослев, проявит благоразумие без постороннего вмешательства...

А через пару минут статс-секретарь доложил, что отец Грук появился в приемной, и Сварог с превеликой радостью отбросил все посторонние мысли, благо ни одна из них не сулила никаких хлопот.

ХИТРОСТИ НЕБЕСНОЙ МЕХАНИКИ

Король королей Сварог Барг сидел в малом кабинете, вновь не обремененный неотложными государственными делами. И чувствовал себя великолепно отдохнувшим. Остаток позавчерашнего дня и весь вчерашний они с отцом Груком провели за обсуждением достоинств черного, коричневого и светлого нэльга со вдумчивой дегустацией такового и распеванием под виолон совершенно безыдейных песен. Новоизобретенная, прежде неизвестная закуска, копченные особым образом бобрячьи хвосты, таявшие во рту, отлично гармонировали с нэльгом, не хуже вяленой желтоперки, а потому отец Грук увез с собой дворянскую грамоту для изобретателя и, что было гораздо более важно, для охотника-коптильщика, самородка из глуши — грозную бумагу, способную максимально облегчить тому жизнь, королевскую привилегию, надежно избавлявшую от неприятностей с Лесной стражей (со свойственной каталаунцам непосредственностью бобров труженик охотничьих троп добывал в одном из заповедных королевских лесов, за что полагались суровые кары, и был уже на подозрении у местной Егерской управы).

Проснувшись к полудню (в отношении королей безусловно не следует употреблять вульгарное выражение

«продрав глаза»), Сварог опрокинул чарку волшебного имперского отрезвительного эликсира и привел в трезвое состояние отца Грука. «Лесной пастырь», крайне серьезно отнесшийся к поставленной задаче, не менее часа задумчиво беседовал с Беттой, после чего прилежно доложил:

— Хорошая девочка, умница, поучения старших мимо ушей не пропускает, не то, что иные сорвиголовы...

После чего они распрощались. Поскольку Сварог сделал ответный подарок, полдюжины бутылок отличного келимаса с острова Ройре и пару головок силванского сыра с перцем и травами, в обычную бакалейную торговлю не попадавшего, — обратное воздушное путешествие отца Грука в Каталаун, без сомнения, было крайне приятным. К тому же Сварог чувствовал себя умиротворенно и по другой причине: когда разговор зашел об отношениях с Вердианой, все так же продолжавшихся, отец Грук, подумав, заключил:

— Господь простит. Это не блудный грех, а лечение пораненной души, проистекающее из сложности жизни на грешной земле...

И процитировал отрывок из «Трактата о грехе и безгрешии» Катберта-Молота, посоветовав начать все же читать поучения святых отцов. Сварог пообещал. Он и в самом деле намеревался одолеть трактат святого Роха «О мире и войне» — но исключительно оттого, что книгу ему рекомендовал маршал Гарайла, заверявший, что там немало толкового, полезного как военным, так и королям. Гарайла этого подвижника церкви Единого уважал опять-таки со своей колокольни — до того, как нести в народ слово Божье, святой Рох лет десять воевал в коннице. Но говорить этого отцу Груку не стоило...

Сварог оставил на потом пухлую папку, где все бумаги требовали лишь его подписи (он давно велел изготовить факсимиле) и малой королевской печати — производство в генеральские чины, превышение и отправка на пенсию первых пяти высших чинов гражданских и тому подобная скучная канцелярщина. Времени ему было совершенно некуда девать, но не хотелось снова на пару

часов превращаться в автомат по штамповке подписей и печатей. И положил перед собой гораздо более тонкую, но не в пример гораздо более интересную папку — рапорты от всевозможных спецслужб.

Правда, и там была большей частью рутина. В Фиарнолле агенты Морского бюро выявили, изобличили и потаенно повязали очередного лоранского шпиона. Мелкий высмотрень, не первый такой и даже не десятый, несмотря на все понукания начальства, так и не сумевший завербовать мало-мальски интересного для разведки чиновника и пробавлявшийся подслушиванием разговоров в таверне, где собирались капитаны и морские офицеры с военных и гражданских кораблей. Обычно таких либо отправляли в Три Королевства поднимать народное хозяйство, либо перевербовывали, и они гнали искусно сработанную дезу. Свежевыловленный, по заверению работавшего с ним следователя, являл интерес именно в плане перевербовки, и сыскарь представил подробный план операции: шпион наконец завербует средней руки чиновничка из капитаната, польстившегося на лоранское золото.

Механизм обращения с подобными бумагами был давным-давно отработан. Справа от Сварога стояла низкая золотая коробка с полудюжиной штемпелей и четыре разноцветных подушечки с краской разных цветов. Почти не глядя, он сноровисто выбрал нужный, прижал его к подушечке, и на рапорте появился круглый синий штамп, быстро дополненный факсимиле.

Еще шесть бумаг аналогичного содержания, касавшихся уже не разоблаченных иностранных агентов, а запоровшихся своих. Сварог недовольно поджал губы: полдюжины за месяц, что значительно превышает обычную норму, причем во всех случаях речь идет не о новичках, о разведчиках опытных, с немалым стажем. Трое из них были не обычными рядовыми агентами, а резидентами — и всякий раз с ними проваливалась их сеть, — а ведь сидели, казалось бы, прочно, подозрений не вызывали и интереса к себе со стороны контрразведки не усматривали. Начальники сразу трех заграничных

разведок Сварога усматривали в этом не хорошую работу лоранских и горротских секретных служб, а вульгарную утечку информации и з н у т р и — не столь уж редкое явление. И предлагали поискать у себя «кротов», точнее, тех, кто на Таларе именовался «потаенщиками».

На их донесениях появился квадратный штамп «На усмотрение короля» с неизменным факсимиле. Сварог намеревался заняться этим сам, не в первый раз пустить в ход простой и эффективный метод — собрать всех, кто имел отношение к провалившимися агентам, и задушевно спросить каждого: «А вы не работаете ли на иностранную разведку?» Ложь будет изобличена моментально, останется лишь дать звонок ожидающим в соседней комнате «вязальщикам». В самом деле, шесть крупных провалов за месяц — это ненормально и неправильно...

Рапорт небольшого, но хорошо работающего спецотдела, занятого исключительно звездой пропаганды герцогом Лемаром. Герцог, залягай его кошка, с присущим ему и в этом грязном ремесле талантом задумал очередную, признаем скрепя сердце, блестящую аферу, способную ему принести тысяч пятьдесят золотом и в который раз не оставить улики, позволивших бы привлечь его к суду. Однако трудами группы наблюдателей афера была пресечена в зародыше, а ее объект (надо признать, довольно мерзкий тип, хапуга и казнокрад, до поры до времени ухитрявшийся прятать концы в воду) вовремя предупрежден и на удочку герцога не попался.

Квадратный красный штамп «Король доволен» и еще один — «Выдать причастным... золотых». Не раздумывая, Сварог вписал «10», шлепнул факсимиле.

Донесение из Каталауна, в отличие от всех предыдущих, весьма даже нестандартное. Старый знакомец граф Сезар, в некоторых отношениях так и оставшийся мальчишкой, снова отличился, вспомнив еще одну старинную дворянскую привилегию, которая до сих пор бытует в Глане, но в прочих королевствах давным-давно вышла из употребления. Фалатим, частная войнушка феодалов, когда-то случавшаяся не только в отдаленной сельской местности, но и в городах, в том числе и в столицах.

Собрав вассалов, знакомую челядь и безропотных крестьян, Сезар отправился воевать против ближайшего соседа, барона, с которым у них тлела под спудом полузабытая старинная вражда. Насколько Сварог мог о ней судить, больше всего она напоминала эпизод из читанного в молодости юмористического романа о смертельной вражде двух старичков-белоэмигрантов: сорок лет назад один украл у другого в Париже чемодан с керенками. Кто у кого, они уже не помнили, но обида осталась...

Поскольку Сезар позаботился, чтобы сосед о его набеге узнал заранее (иначе неинтересно), барон собрал свою ватагу и затворился в замке. С неделю тянулась вялотекущая осада, вовсе не ставившая задачу всерьез штурмовать замок и убивать до смерти его защитников. Ограничилось дюжиной легкораненых с обеих сторон. Оба противника отнюдь не горели желанием воевать всерьез...

Прямоугольный оранжевый штамп «Оставить без внимания» и факсимиле, конечно. Каких бы то мер принимать не стоило, и отнюдь не из уважения к старинным дворянским вольностям — по большому счету дело выеденного яйца не стоило, войнушка была опереточная. Самое большее через неделю Сезару надоест торчать под стенами, и он триумфатором вернется к молодой жене, красивой и многотерпеливой, а его воинство, успевшее слопать в ближайших селах изрядно домашней птицы и свиней и опустошить немало бочек с вином и пивом, займется прежними мирными заботами, благо близки сенокос и сбор яблок. Сезара не переделаешь...

Последняя бумага заставила Сварога от души выругаться под нос. Ну вот, извольте! Давно известно: дурной пример заразителен, куда конь с копытом, туда и рак с клешней... Через два дня после того, как о подвигах Сезара сообщили со всем возможным ехидством латеранские газеты, маркиз Фенлон, собрав своих безземельных дворян, прихлебателей и слуг помоложе, без объявления войны среди бела дня напал на особняк графа Каромлина. Нападения никто не ждал, но у графа обитали тоже не толстовцы или квакеры, а потому быстренько сели в осаду. Получилась дурная комедия: дом графа был по-

строен лет триста назад, когда такие забавы были делом житейским — внушительная каменная ограда, капитальные ворота, сплошь обитые железом нижние окна на высоте чуть ли не третьего этажа. Поджечь ворота не получилось, а выломать их осаждающие не могли ввиду отсутствия стенобитных орудий, а штурмовать дом не могли, не располагая высокими лестницами. Все свелось к тому, что вылетели два десятка окон, выбитых камнями из пращей (к потаенной радости мастеровых-стекольщиков, предвкушавших выгодный заказ). Потери порой такие, что и сказать смешно: несколько осажденных поцарапаны осколками стекла, несколько осаждающих слегка контужены цветочными горшками и летевшим из окон домашним хламом, а двое ошпарены, когда кухарка, бой-баба, вылила им на головы котел с горячим, роскошным господским супчиком из голубей.

На сей раз ни о какой старинной родовой вражде речь не шла: маркиз и граф преемственно соперничали за благосклонность ветреной придворной красотки, в свое время безуспешно набивавшейся Сварогу в любовницы. Уже через полчаса нагрянувшая в немалом количестве конная полиция протектора безобразия пресекала. Однако маркиз, доставленный пред грозные очи коронного прокурора, без малейшего смущения заявил, что вины за собой не чувствует и законов не нарушил: фалатим в городах уже лет полтора не случался, но юридически не отменен. Порывшись в законах, прокурор растерянно почесал в затылке: все так и обстояло, так что возмутителя спокойствия пришлось отпустить с миром, лишь заставив оплатить поврежденное городское имущество: фонарный столб, который молодцы маркиза успели выворотить с корнем, чтобы использовать в качестве тарана...

Сварог сердито подумал, что пора принимать меры, отменить наконец к чертовой матери и фалатим, и рокош. «Общественность» протестовать не будет, большинству эти архаические привилегии до лампочки. Гораздо больше шума вызвала отмена Сварогом другой старинной привилегии, предписывающей крестьянам

молоть зерно исключительно на мельнице местного феодала. Тут уже по карману ударило очень многих, и они роптали по углам, но в конце концов смирились с неизбежным, зная голубиный нрав короля Сварога...

Решено. Нужно поручить статс-секретарю подготовить соответствующий указ, он в таких делах поднаторел...

Захлопнув папку (на бумаге о шалостях маркиза появился тот же штамп «На усмотрение короля»), Сварог вышел на широкий балкон и вольготно развалился в мягком кресле. Со стороны дворцового леса приятно веяло вечерней прохладой, к главным воротам неспешно проехала карета с гербом на дверцах — кто-то из припозднившихся придворных отправился наконец домой, потеряв надежду встретить короля в дворцовых коридорах, низко ему поклониться и, к зависти других придворных шаркунов, удостоиться в ответ скупого милостивого кивка. Бдительно прошагал патруль дворцовой стражи. И вновь — благолепная тишина. Давненько уже Сварог не был так благодушен и умиротворен. Благодать, а не жизнь — никаких серьезных дел, никаких забот, хлопот и тревог, душа отдыхает...

И совершенно не представляешь, как убить время. В Хелльстад лететь не стоит — Яна в приступе творческого вдохновения полностью отрешена от внешнего мира. До очередного собрания Ассамблеи Боярышника, где должна появиться радостная Бетта со своим юным воздыхателем, — часа три. Разве что заглянуть к мэтру Анраху, потолковать о загадках древней истории. Или сходить посмотреть, кончили ли отделывать Аксамитовый Зал. Или...

На вечернем темнеющем небе еще не появились первые, самые яркие звезды, но над острыми крышами уже поднялся Семел, который Сварог давно привык звать именно Семелом, а не полузабытым имечком «Юпитер» — полный, как всегда в это время Датуша, светло-оранжевый диск размером раза в три побольше Луны, покрытый загадочными темными полосами и неправильной формы и величины пятнами. Что они

такое, Сварог за все годы пребывания здесь никогда не стремился узнать. Астрономией как наукой, решительно непригодной для насущных королевских дел, он не интересовался совершенно. Как и на Земле. За исключением одного-единственного раза...

Этот один-единственный раз вспоминался с легкой, приятной и ничуть не удручающей ностальгией. Летом после третьего курса он поехал в большой крымский город, получив письмо от Альки-филологини, где в самом начале упоминалось, что она чертовски скучает без него. Они уже месяц были в близких отношениях, и казалось, что это очень надолго, может быть, на всю жизнь — молодость их возраста частенько тешится такими иллюзиями, не зная еще, что не стоит принимать томление юных тел за высокую любовь до гроба...

Он приехал днем, без труда отыскал в незнакомом городе Альку по указанному в письме адресу (для надежности продублировавшему обратный на конверте), и в тот же вечер они наткнулись на телескоп, косо задранный в небо, внушительный и красивый, на единственной толстой ножке с тремя опорами-завитушками. Пожилой лысоватый мужичок, курортный звездочет, с гордостью объяснил, что штуковина эта дореволюционного производства, знаменитой немецкой фабрики «Карл Цейс», и его отец, до войны учитель астрономии, пер эту бандуру из Германии, порой вызывая добродушные шутки попутчиков.

Особого интереса у фланирующих курортников патриарх немецкой оптики не вызывал, и они задержались на четверть часика, благо деньги у курсанта были. Алька, любительница разглядывать звездное небо вооруженным глазом (даже несколько лет была членом кружка юных астрономов в Пулковом и два раза ходила на экскурсию в тамошнюю знаменитую обсерваторию), замороженно таранилась на полную Луну. Курсант Стас, что греха таить, смотрел не на звездное небо, а на ее стройную фигурку, на то, как она отводила ладошкой падавшие на лицо волосы. По настоянию Альки, чтобы ее не обижать, он добрую минуту добросовестно пялил-

ся на ставшую невероятно близкой Луну, на темные пятна, кратеры и лучики от них, не испытывая ни малейшего восторга или интереса. Когда Алька поинтересовалась впечатлениями, он прилежно соврал: «Чудесно!», и она лжи не заподозрила. И они пошли от набережной по аллее уже в обнимку...

Вот такая интермедия. А месяца через три выяснилось, как в свое время у Каниллы с Родриком, что это не пылкая любовь, а именно что пылкая страсть, была и прошла, как проходит косой дождь, пользуясь строчкой поэта. И расстались они, как Канилла с Родриком — спокойно, без трагических монологов и копания в душах. Разница в том, что Канилла и Родрик остаются добрыми друзьями, служат в одном и том же полку, а они с Алькой обитали в разных плоскостях жизни, соединенных лишь ниточкой пылкой страсти, и когда эта ниточка лопнула, плоскости больше не пересекались. Сварог лишь раз случайно столкнулся с ней на улице, уже перед выпуском, они немного поговорили и разошлись. Больше он ее не видел, ничего о ней не знал, и нисколько об этом не грустил. Остались лишь зыбкие приятные воспоминания о хорошем, каких хватает у любого мужика его лет, и это правильно...

Неожиданно возникшее и у него желание, ставшее неотвязным, было вызвано не внезапно появившимся у него интересом к ночному небу, к полному Семелу (неоткуда было ему взяться), а как раз этой светлой и легкой ностальгией, воспоминанием от ночной набережной и огромной в объективе телескопа Луны. Сварог присмотрелся. Карниз резной каменной балюстрады достаточно широк, нет нужды сгибаться в три погибели, можно стоять во весь рост, а то и удобно устроиться в кресле, перенеся его к перилам...

Он хотел уже вернуться в кабинет, вызвать кого-то из камердинеров и дать поручение, даже и встал, но тут у балконной двери послышалось предупредительное покашливание, и появился Интагар, как всегда, словно чертик из коробочки. На лице министра тайной полиции не читалось ни малейшей озабоченности, речь явно

шла о чем-то спокойном. Ну что ж, так даже лучше. Кто у нас стоит ближе всех к населению... К тому же, возможности людей с бляхами тайной полиции превышают возможности королевского камердинера... Эти brave ребята выполняют любое поручение без малейшего удивления, и глазом не моргнув...

— Проходите, проходите, Интагар, — сказал Сварог обрадованно. — Надеюсь, ничего не случилось? Вы, сдается мне, совершенно спокойны, значит, ничего из ряда вон выходящего...

— Графиня Дегро только что вернулась из Харлана. Все и на этот раз прошло гладко, так что ей не о чем докладывать лично, и она не видит необходимости писать рапорт.

— И правильно, — кивнул Сварог. — Все наши харланские дела проходят без бумаг, не стоит плодить казенщину на пустом месте... Вполне можно было оставить эти сведения секретарю, вы снова проявили излишнее рвение... У вас больше ничего, Интагар? Отлично. У меня есть для вас пребольшое поручение. Откровенно говоря, это очередная королевская блажь, но ваши люди справятся в два счета. Мне нужен хороший сильный телескоп. Представления не имею, где можно его раздобыть, время позднее, все мастерские и лавки закрыты, но разве это препятствие для ваших людей? Детская забава. Только никаких конфискаций, пусть честно расплатятся и щедро добавят за беспокойство... Что не так?

Он замолчал, увидев на физиономии верного бульдога изумление и явную растерянность — и то, и другое Интагару было несвойственно, особенно растерянность...

— Простите, государь, что вам нужно?

— Телескоп, — внятно, чуть ли не по буквам произнес Сварог нетерпеливо. — Что вы так смотрите? Большая зрительная труба, в которую наблюдают ночное небо, звезды, планеты и прочее, что там на небесах появляется. Вот такая, — он широко развел ладони, словно любящий прихвастнуть рыбак.

Интагар сказал решительно:

— Простите, государь, в жизни не слышал о такой штуковине. Нет на Таларе никаких т а л и с к о п о в, уж я бы знал.

— А обсерватории?

— А что это такое? — спросил Интагар с тем же изумлением и растерянностью. — И об этой штуке никогда не слышал.

Он говорил чистейшую правду, вранье Сварог определил бы мгновенно, а это означало...

— А подзорные трубы и бинокли? — спросил Сварог. — Уж они-то доподлинно существуют, сам в руках не раз держал...

— Это совсем другое дело, — уверенно ответил Интагар. — Бинокли, зрительные трубы... Но и их никто не использует для наблюдения за небом. Наблюдать за небом категорически не принято. Разве что влюбленные иногда на небо смотрят — считается, что увидеть некоторые звезды и планеты — к добру. Если уж откровенно, я и сам в молодости пользовался успехом у девушек еще и оттого, что зрение было острое, и я без труда находил на небосводе счастливую звезду Тагайлат. Далеко не все ее видят, она неяркая, и если ее различают и парень и девушка, это означает, что их роман будет долгим и счастливым. Но наблюдать за небом вооруженным глазом... Категорически не в обычае, мэтра Анраха спросите, да кого угодно...

— Есть какой-то запрет? — насторожился Сварог.

Как глава двух имперских спецслужб, а теперь еще и вице-канцлер, он чуть ли не наизубок знал «Закон о заповищенной технике». Ни словечка там не было о какой-то оптике, а других запретительных циркуляров не было, уж он-то знал бы...

— Нет, никаких запретов. Просто... Просто... Как бы пояснее растолковать, государь... Ага, вот, есть хорошая аналогия! — он на глазах обретал уверенность в себе, даже форменным образом просиял. — Есть прямой запрет справлять на городских улицах малую нужду, дворянам полагается денежный штраф, а людям попроще — ночь в кутузке и пяток розог. Нарушают закон почти всегда

пьяницы, которым лень искать общественный туалет. А в деревнях запрета нет, но виновник запросто получит по шее от хозяина опаскуженного забора. Теперь другое. Нет никакого запрета появляться на улице без штанов, в одном исподнем, но ни один мужчина без штанов из дома не выйдет, чтобы не опозориться надолго. Разве что пьяница в запое, когда окончательно отшибет соображение, потащится в кабак, в чем был, но это только на окраине. В кабак пьянчугу в исподнем не пустят, если кабак приличный, вино, правда, с заднего крыльца продадут — но если попадется полиции, будет бит без затей. Точно так же и с женщинами: ни благородная дворянка, ни распоследняя крестьянка не выйдет из дома без платья, в ночной рубашке. Таких неписаных законов много, никто не испортит громко воздух, будь это в королевском дворце или на крестьянском сходе, никто не будет на людях почесывать неподобающие места, пить суп прямо из миски... да мало ли! Вот и наблюдать за ночным небом точно так же считается жутким неприличием. Так повелось с незапамятных времен...

Сварог был не на шутку ошеломлен такими бытовыми откровениями. Как же тогда обходится без оптики морская навигация? Изобретенный лет двести назад микроскоп (здесь именуемый «мелкогляд») широко распространен среди врачей и ученых, давно имеющих представление о клетках, микробах, сперматозоидах и эритроцитах, а появившийся гораздо раньше теодолит («дальногляд») всюю используют строители — но они никогда, понятное дело, не обращены в небеса. А с небесами, выходит, вот как обстоит...

Лень и беспечность как рукой сняло. Неожиданно столкнулся с несомненной загадкой, требующей немедленно выяснения. Идущее с незапамятных времен зачисление астрономии в разряд крайне неприличных занятий при отсутствии прямого запрета — это явная неправильность. Огромная разница меж появлением на улице без штанов и отсутствием телескопов, хоть режьте...

— Ладно, Интагар, — как мог беззаботнее сказал Сварог. — Я сваял дурака, а это королю непозволительно.

Подробнее объясню как-нибудь потом, а пока забудьте об этом разговоре, как будто его и не было...

— Слушаю, ваше величество, — исправно отрапортовал Интагар.

Конечно, он не забудет, он ничего не забывает, но ломать голову над странноватой блажью короля безусловно не будет — ему просто не на что опереться, не понять, в чем здесь странность...

Когда Интагар вышел без тени задумчивости на лице, Сварог вновь уселся и посмотрел на поднявшийся еще выше над крышами Семел «другим зрением», как называла это Бади Магададь, — в точности так, как сделал это на Тропах, когда впервые встретил Бади и узнал от нее, что к Талару идет с ночных небес неведомое зло.

То, что он увидел, ничуть не походило на виденное на Тропах. Тогда из точки между созвездиями Стремени и Золотого Коня беспрерывно вылетали широким пучком словно бы тонкие полосы пронзительно-синего света, неслись к земле, таяли на некотором расстоянии от нее, им на смену вспыхивали новые, и поток был нескончаемым. Бади сказала, что к Талару идет Зло, и оказалась совершенно права: точка на небосклоне была Нериадой, и оттуда всю работу выполнял Радиант...

Сейчас все было иначе. От Семела тянулись, казалось, достигавшие поверхности земли полосы бледно-желтого света, не мерцавшие и остававшиеся неизменными — словно горел ровным огнем исправный уличный фонарь. Сколько их было, Сварог не определил, в точности не менее дюжины, они заслоняли друг друга и более всего походили на пучок спелых колосьев, видимый со стороны срезанных стеблей.

Крайне существенное отличие от того зрелища: тогда, чем дольше Сварог смотрел, тем больше крепло странное чувство — почему-то этот ливень непонятного синего света казался неприятным, даже отвратительным, показалось, что стрелы синего света жгут глаза, словно разряд электросварки.

Сейчас ничего подобного не было. Как ни вглядывался Сварог, неподвижные полосы бледно-желтого света

не царапали неприятно подсознание, не тревожили, вообще не вызывали никаких чувств. Оставались, если можно так выразиться, нейтральными. Он не понимал, что видит, но звериное чутье на опасность молчало. И с Багряной звездой, и с Радиантом обстояло совсем иначе...

Как бы там ни было, перед Сварогом была несомненная странность, которой следовало немедленно заняться, и отнюдь не из праздного безделья. В сочетании с тем, что он только что услышал от Интагара...

Он так и не смог понять, что именно видит, что за непонятная связь установилась меж двумя планетами — но это какое-то постоянное явление, не требующее объявлять боевую тревогу или хотя бы пожарный аврал. А значит, нет нужды торопиться и поднимать на ноги других. Но кое-какие наметки появились, в конце концов, сейчас не поздняя ночь, никого не нужно выдерживать из постели...

Встал и направился в свой кабинет уже энергичным шагом охотника, уверенно идущего по свежему, хорошо различимому следу. Усевшись за стол, первым делом надавил клавишу и вызвал секретаря, уже второго, «ночного». Распорядился:

— Немедленно выясните, где сейчас Бади Магадаль и графиня Дегро.

Пожалуй, только они сейчас требовались в первую очередь, согласно тем самым наметкам, еще не оформившимся по недостатку информации в четкий и подробный план действий...

Не прошло и пары минут, как секретарь доложил:

— Бади Магадаль сейчас в поместье своего... друга. В Латеране будет завтра во второй половине дня. Графиня Дегро улетела в свой манор, предупредила, что вернется через пару часов. — Чуть помолчал и предусмотрительно осведомился: — Будут какие-нибудь распоряжения?

— Нет, никаких, — сказал Сварог и дал отбой

Не было смысла дергаться и кричать: «Хватай мешки, вокзал отходит!» Никаких причин для спешки, ника-

ких опасностей на горизонте. Поудобнее устроившись в кресле, Сварог включил компьютер и вызвал имперскую Библиотеку — хранившую Эвересты знаний, кроме, разумеется, разного рода секретной информации, закрытой для большинства, но доступной Сварогу с его тремя паролями.

Послал нехитрый коротенький запрос. Почти ментально пришел ответ, ошарашивший настолько, что Сварог не сразу вспомнил о зажженной сигарете, исходившей тоненьким дымком в ониксовой пепельнице таларской работы...

«Астрономия — существовавшая в древности на Таларе лженаука, уверявшая, будто абсолютно все происходящее с людьми, в том числе их собственные жизнь и судьба зависят исключительно от звезд и планет. В первые несколько столетий существования на земле после штормовых государств пользовалась популярностью и даже покровительством монархов, однако к концу первого тысячелетия с развитием точных наук и книжной мысли все сильнее подвергалась критике и осмеянию со стороны ученых и, в конце концов, была совершенно забыта. Попыток ее возродить с тех пор не отмечено».

«Обсерватория — старинное название помещения, где собирались адепты астрономии. С упадком и угасанием астрономии слово вышло из употребления».

«Телескоп — одно из приспособлений, применявшееся в астрономии. Разные источники дают разные описания. С упадком и угасанием астрономии слово вышло из употребления».

И ко всем трем ответам прилагается примечание: *«Никакой научной ценности не представляет, в научных работах не упоминается, если не считать не имеющих широкого распространения монографий и диссертаций историков древности, предметом художественной литературы и кинематографа не служит».*

Справившись с нешуточным изумлением и неторопливо выкурив новую сигарету вместо самостоятельно дотлевшей до фильтра в пепельнице, Сварог предпринял короткий поиск и убедился: не только на Таларе, но

и в Империи нет ни астрономии, ни обсерваторий, ни телескопов — если не считать «Краткого курса небесной механики», с которым знакомятся начавшие образование дети, чтобы никогда более к нему не вернуться. Как не возвращался и сам Сварог — правда, по известным причинам одолевший этот курс в зрелом возрасте...

Позвольте, а как же тогда быть с морской навигацией на Таларе и Сильване, где, кроме компаса, необходимы еще еженощные наблюдения за звездным небом — разумеется, если оно не затянуто облаками... Сварог никогда прежде не интересовался, как с этим обстоит, не было практической необходимости.

Ну, посмотрим... На обеих планетах моряки используют плакетрум — большую прямоугольную пластину с семью зубчатыми колесами, особым образом соединенными меж собой, покрытыми цифрами и буквами. К нему прилагается «Атлас штурмана», толстенный каталог созвездий и путей движения планет. С помощью архаичного предшественника компьютеров и этой книжицы штурманы и прокладывают курс, не глядя в небо, а днем пользуются еще и секстаном для наблюдения за солнцем. Сварог дважды бывал на капитанском мостике морских судов — каторжанского и военного во время памятного рейда к Батшеве. Оба раза он не приглядывался к инструментам, но смутно помнил и плакетрум (не зная тогда его названия), и толстенную книгу, а штурман захваченного каторжанами корабля на его глазах возился с секстаном. Покойничек Бангал смотрел на это крайне неодобрительно и ворчал: «Кто его знает, что он там колдует, еще приведет корабль совсем не в Лоран...» — и Сварог его беспокойство разделял...

Это — на земле, а как обстоит с космической навигацией в Империи? На Сильвану и обратно регулярно летают виманы в виде огромных морских кораблей, на Сильвану, а теперь и на Нериаду прямо-таки снует превеликое множество частных, так сказать, виман, брагантов и драккаров, равно как и немалое число служебных. Никаких особых разрешений не нужно: достигнув совершеннолетия, все получают нечто вроде пилотских прав,

предварительного уведомления о полете не нужно — бортовая автоматика не допустит столкновения двух аппаратов, космических аварий никогда не случалось. Правда, был строгий запрет полетов на Нериаду «частников», но он давно снят после сокрушения Радианта...

Но ведь межпланетные пролеты невозможны без звездной навигации. Что ж, посмотрим, как с этим обстоит в Космической Канцелярии...

Интересно, надо признать, обстоит. Масса второстепенных сведений — в открытом доступе скучнейшая информация о количестве межпланетных аппаратов, маршрутах полетов и тому подобной рутине. А вот доступ в Департамент Навигации закрыт для праздно любопытствующих, о чем информирует надпись: «Простите, это закрытая тема. Введите пароль, если располагаете таковым».

Ну, у нас-то паролей полны карманы, нам везде зеленый свет...

А вот те шиш! Тут уж Сварог, не прошло и минуты, изумился не на шутку: пароли восьмого департамента, девятого стола и даже вице-канцлера оказались бесильными! Всякий раз загорались те же вежливо издевательские слова: «Простите, ваш пароль не дает вам права доступа».

Он с трудом подавил желание шваркнуть о стену ониковую пепельницу. Впервые столкнулся с таким уровнем секретности. В точности по классикам: впервые допуска КОМКОНа-2 оказалось недостаточно для получения секретной информации.

А как насчет хранилищ секретной информации, куда он с помощью двух своих паролей, а теперь и трех входит беспрепятственно — Изгороди и Каморы? Все в порядке, образно выражаясь, двери гостеприимно распахнуты настежь... но и там нет ничегошеньки интересно, и нет закрытых уголков наподобие Департамента Навигации...

Сварог не чувствовал себя в тупике. Оставалось еще одно непаханое поле — ничуть не похожий на тарлемон архив проекта «Изумрудные тропы», где он был куратором.

ром, как это именовалось благолепия ради, а по сути — Верховным главнокомандующим, подчинявшимся лишь Яне, — а она ни разу не вмешалась, оставив все дела на его полное усмотрение...

Вот, кстати, нужно покопаться в архиве, до сих пор остающемся любимым местом посещения историков Империи (а заодно, о чем никто не знает, и мэтра Анраха). На Той Стороне распрекрасно существовали и обсерватории с телескопами. Правда, Сварог об этом узнал не из научной литературы доштормового мира (чтением которой себя почти и не утруждал), а из одной тамошней бульварной газеты, хватавшейся за любую сенсацию. А эта была звонкая: директор одной из крупнейших обсерваторий в Карантале, большой ценитель женской красоты, с новенькой аспиранткой общался, деликатно выражаясь, возле большого телескопа (газета ехидно прокомментировала: «Должно быть, старику такие декорации придавали мужского пыла»). Следовательно, там была и развитая астрономия, учитывая и межпланетные полеты. Возможно, удастся отыскать какие-то следы, зародыши будущего забвения астрономии после Шторма.

Очередной сюрприз! В архиве проекта не осталось ни малейших упоминаний об астрономии, обсерваториях и телескопах! Часть информации (не уточняется, какой именно) изъята по указанию директора третьего стола Кабинета Канцлера лорда Галана, то есть начальника спецслужбы Канцлера. Несомненно, Галан выполнял приказ Канцлера, самому ему такая инициатива была бы не по чину. Впрочем, и сам Канцлер проявил усердие не по чину — проект с самого начала проходил под патронажем Кабинета императрицы, стоявшего согласно иерархии выше аналогичного учреждения Канцлера. Так что Канцлер откровенно своевольничал, был у него милый обычай утаивать (о, разумеется, из высших государственных соображений!) кое-какую важную информацию не только от высших сановников Империи, но и от Яны. Как это обстояло в свое время со сводкой о количестве ларов и невеликом проценте их, занятых серьезными делами. Все числа имелись — но рассован-

ные вразбивку по доброй полудюжине учреждений, а полную сводку Канцлер составил исключительно для Сварога. Одна существенная деталь: тогда Яна была юной девицей, которую и впрямь следовало до поры до времени поберечь от иных тягостных сложностей жизни и государственных дел, но она давно уже совершеннолетняя и в дела Империи вникает добросовестно. Означает ли это, что и Яна знает об астрономии и всем ей сопутствующем ровно столько, сколько можно узнать из Библиотеки? Сварог ничуть не удивился бы, если бы оказалось, что так оно и обстоит...

И еще один крайне существенный нюанс: лорд Галан х а п н у л данные из архива проекта, не поставив об этом Сварога в известность, что опять-таки было неправильно. Согласно строгим бюрократическим правилам куратора проекта, то есть Сварога, полагалось незамедлительно ставить в известность и о вещах гораздо менее значительных — например, о тех, кто, располагая соответствующим паролем, знакомился с любыми данными из архива...

Сварог выключил компьютер и откинулся на спинку кресла, задумчиво пуская дым в потолок. Если бы речь шла только о Таларе, нынешнее положение дел с астрономией можно было бы без особого труда списать на очередной предрассудок, бравший начало в седой древности по забытым всеми причинам. На Таларе таких хватает даже сегодня. До сих пор не принимаются в расчет показания косоглазых на полицейском следствии, и им запрещается свидетельствовать в суде, поскольку считается, что данный телесный недостаток не позволяет оным должным образом оценить то, что они лицезрели. Ни один гражданский моряк не снимется с якоря в четверг. Ни один прохожий и путешественник не устроится на отдых под ольхой. И это далеко не все примеры. Тот же механизм: нет ни прямых запретов, ни внятных объяснений, попросту все знают, что так не делается...

Однако то, что с астрономией обстоит точно так же и в Империи, с ее безмерно превышающим таларский уровнем развития науки и техники, с ее Магистериумом,

Технионом и Мистериором, заставляет думать, что дело тут не в старинных предрассудках, а в чьем-то умысле. Кто бы это ни придумал в давние времена, он поступил умно и дальновидно. Прямые запреты, что давно и прекрасно известно, многих отпугивают, если сопряжены с серьезными наказаниями, но и привлекают немало любителей запретного плода, чему превеликое множество примеров, взять хотя бы мэтра Тагарона, оснастившего свою подлодку запретным двигателем, равно как и Черных Алхимиков. Совсем другое дело, если мягко и ненавязчиво внедрить в умы всех и каждого, что разглядывать звездное небо в оптику столь же неприлично и безнравственно, как выходить на улицу без штанов или шумно портить воздух при людях. Никому и в голову не придет такое. В конце концов, если бы Сварог от безделья не подумал о телескопе, он и понятия бы не имел, что из архива проекта «Изумрудные тропы» по приказу Канцлера (а кого же еще?) потаенно изъята часть собранных на Той Стороне данных. До сегодняшнего вечера он астрономией не интересовался совершенно, как и физикой, геометрией, биологией и прочими науками, совершенно бесполезными в его повседневной деятельности спецслужбиста и короля. По-другому обстоит с агрономией и лесоводством, ими поневоле пришлось заняться, когда начал осваивать Три Королевства — как и строительство. Ну, и деятельный король прямо-таки обязан разбираться в строительстве, финансах, военном деле и других полезных вещах — но ему нет нужды вникать в тонкости кулинарии или ткачества...

Пожалуй, следовало предпринять какие-то действия — без малейшей спешки, с величайшим терпением и осторожностью, речь, несомненно, идет о какой-то грандиозной и мрачной тайне. Быть может, с т а к о й тайной он еще не сталкивался — очень уж серьезных основ жизни она касается. Чтобы запретить астрономию — пусть и не путем прямых запретов, — нужны крайне веские причины...

Сварог потянулся было к компьютеру, но передумал. Компьютер был хелльстадский, позволявший шарить

по самым засекреченным хранилищам Империи, не утруждаясь паролями, но он пребывал вне Хелльстада, и специалисты Канцлера быстро определили бы, кто именно браконьерствует в запретных лесах. Именно поэтому Сварог не стал проникать в архив Департамента Навигации — и там быстренько установили бы личность беззастенчивого шалуна. Ничего, до Хелльстада и получаса не будет, следует туда и отправиться. Но сначала...

Сварог отодвинул кресло и направился в Восходное крыло дворца — целый немаленький этаж, относившийся к «помещениям короля», а потому у двери стояла стража, не допускавшая посторонних (да они туда и не совались, прекрасно зная дворцовые порядки). Там, кто постоянно, кто время от времени, обитали и его ближайшие соратники, и прилетавшие по делам сподвижники, и просто люди из «ближнего круга». Правда, из постоянных жильцов остался лишь мэтр Анрах — Бали Магадаль с тех пор, как обзавелась сердечным другом, перебралась в подаренный ей Сварогом особнячок в городе. К Анраxu-то он и направлялся...

Однако покинул покои верного книжника через какой-то квадранс. Не было нужды засиживаться там надолго. Ровным счетом ничего полезного он не узнал. Со скучающим видом завел разговор о запретных темах — Анрах, давно известно, был их великим знатоком, в чем несказанно помогало его нынешнее положение при Свароге, позволявшее теперь не опасаться ни Багряной Палаты, ни восьмого департамента, да кого бы то ни было. Поговорив немного о вещах сейчас совершенно неинтересных, легко перевел разговор на интересовавшую его тему, небрежно задал несколько вопросов...

И оказался в тупике. Анрах, как Интагар только что, всю жизнь принимал на веру те же представления об астрономии, обсерваториях и телескопах, точно так же считал, что разглядывать звездное небо — жуткое неприличие, вроде появления на улице без штанов. И в жизни не слышал, чтобы кто-то из книжников предавался столь безнравственному занятию — по его словам, это было бы столь же предосудительно, как сочинять уче-

ный трактат об ухватках и обычаях извращенцев, пусть ими занимаются врачи и полиция...

Сварог, естественно, моментально определил, что старый соратник ему ни капельки не врет. Свой интерес к прежде никогда не затрагивавшейся теме объяснил тем, что ему кто-то рассказал о древних лженауках, поинтересовался: не знает ли мэтр о книгах, описывавших, как в древние времена с ними обстояло? Анрах, сразу ясно, поверил и обещал разыскать парочку (сам он никогда такими не интересовался, старинные лженауки его не привлекали совершенно). Сварог еще несколько минут поддерживал пустой разговор, потом сослался на неотложные дела, не оставляющие порой королей и в эту вечернюю пору, и откланялся.

Вышел в тихий безлюдный коридор, роскошный, как все дворцовые, особенно «помещения короля», ярко освещенный сиреневыми гроздьями карбамильских ламп и устланный глушившими шаги ратагайскими коврами. Здесь, слава богу, не было изрядно надоевших лакеев и телохранителей, притворявшихся лакеями. Ни единой живой души. А потому он высвободил из-под широкого рукава браслет и, подняв его к лицу, вызвал дежурного пилота, разместившего здесь же, во дворце, под надежной крепкой легендой одного из камердинеров. Обычно он обходился без пилотов, но сейчас отчего-то не хотелось ни вести брагант самому, ни даже продельвать короткие манипуляции с автопилотом.

Когда пилот откликнулся, спокойно приказал:

— Идите в «Старую голубятню», я сейчас туда поднимусь.

Привыкший к вызовам в любую пору, пилот отпартовал:

— Есть.

Однако прежде чем отправиться в «Старую голубятню», следовало завернуть к себе за немаленьким узлом из чистой холстины — отец Грук, как всегда, привез гостинцы и для Яны...

По дороге ему пришло в голову, что к ситуации крайне не подходит заковыристое научное слово «импринтинг»,

изрядно полузабытое. Лет за десять до отбытия с Земли, улетая в Москву, откуда предстояло отбыть в очередную неизвестную окружающему миру командировку, он ради скоротания времени взял в самолет очередную только что купленную научно-популярную книжку из серии «Эврика». Он любил эту серию — большинство книг было написано живо и увлекательно, даже когда речь шла о самых головоломных темах. Так и с этой, по биологии.

Несмотря на внешнюю заковыристость, слово означало не столь уж и головоломное явление. Таков уж один из законов природы, что только что вылупившиеся из яиц цыплята, если рядом по какой-то случайности не окажется мамы-курицы, будут считать своей мамой первое живое существо, которое увидели, покинув скорлупу. Дворового песика, а то и кошку (с самыми печальными для себя последствиями), хозяйскую малолетнюю дочку, пьющего сантехника дядю Васю. И это навсегда. Мама-курица может сколько угодно метаться и кудахтать — цыплята будут пищать вереницей неотступно следовать за дядей Васей, идет ли он по вызову или в забегаловку.

Ситуация в чем-то напоминает импринтинг — «цыплята» знают не реальную картину мира, а то, что считают реальностью... Вот только они, в отличие от Сварога, так никогда и не узнают, что заблуждались...

Мимоходом он глянул в высокое стрельчатое окно на висящий высоко над городскими крышами Семел. Появились кое-какие первые догадки, впервые за все годы пребывания здесь он задумался над неправильностями, которыми прежде пренебрегал, потому что они никоим образом не затрагивали его жизнь и работу. Но теперь...

Человек — не безмозглый цыпленок и способен отбросить подобие импринтинга, с которым сжился...

НАШ ГРУСТНЫЙ МАССАРАКШ

Как всегда, в огромном помпезном холле Вентордерана его встретили четыре Золотых Истукана, верный Мяус и Золотой Сокол. Одному из Истуканов Сварог вручил привезенный с собой узелок и велел отнести на кухню, положить в здешний холодильник. У второго принял алую мантию и митру — он порой их носил в Вентордеране, чтобы не особенно выпадать из образа. Мяусу велел отправляться в компьютерный зал Велордерана и дожидаться там. Золотого Сокола как обычно проигнорировал, на что робот никак не мог обидеться — эта красивая птичка ему была решительно ни к чему, сам Фаларен ее держал исключительно в силу привычки...

Поднялся в Аметистовую Башенку, как было с самого начала заведено из уважения к Яне, позвонил и вошел, моментально получив позволение — других гостей, кроме него, здесь просто не бывало. Поздоровался с Золотыми Медвежатами, к которым всегда относился с симпатией, прошел в кабинет, где, как и предполагал, застал Яну в трудах праведных и творческих. С некоторой неохотой она оторвалась от компьютера, подставила щеку для поцелуя, сказала:

— Ты не предупредил, что прилетаешь...

— Из коварства, — сказал Сварог. — Вдруг, да и заставу тебя с любовником.

— Шуточки у тебя, Стас, дурацкие! — чуточку надулась Яна.

— Полное отсутствие воспитания, общество грубых вояк и жуликов, — без раскаяния ответил Сварог. — Я тебе крепко помешал?

— Ну что ты, нисколько. Или какое-то важное дело?

— Полное и законченное безделье, — сказал Сварог как мог беззаботнее. — Немного придется поработать в компьютерном центре — рутина. А к тебе совершенно пустяковый разговор...

— Ну, тогда подожди немножко, ладно? Я только закончу главу, осталось совсем мало...

— О чем разговор, творческий ты человек, — сказал Сварог и отошел к высокому стрельчатому окну, не обремененному портьерами — в Хелльстаде просто-напросто не было любопытных глаз, пялившихся в окна Вентордерана обоих королевских дворцов.

Стоя к Яне спиной, чтобы не отвлекать пристальным взглядом увлеченного работой человека, достал сигареты, оглянулся через плечо и тут же отвел взгляд.

Яна самозабвенно трудилась. Забытая сигарета исходила тоненьким дымком в яшмовой пепельнице, сработанной мастерами с острова Дике, тонкие пальцы в перстнях с крупными хелльстадскими самоцветами (иные, особо древние, еще не граненные, а шлифованные) порхали над световой клавиатурой, справа лежала толстая раскрытая книга, где обе страницы придавлены массивными золотыми статуэтками в виде рук с гусиным пером — старинный таларский символ творческих людей, писателей, поэтов и драматургов, встречается на некоторых гербах в память о творческих заслугах кого-то из предков (у того же Гаржака, прадедушка которого, как оказалось, написал дюжину пьес для театра и парочку ставят до сих пор. Сам Гаржак не чувствует ни малейшей тяги к изящной словесности, ограничиваясь распеванием под виолон песен на чужие стихи, но символом, как положено, гордится — он

на гербах встречается гораздо реже, чем символы воинской доблести).

Прекрасное лицо Яны выглядело отрешенным от всего сущего. Сварог благодушно улыбнулся про себя — чем бы дитя ни тешилось. Безобиднейшее новое увлечение, никому и ничему не мешавшее, наоборот, способное только пойти на пользу таларской литературе, пусть и не высокой, заставляющей пренебрежительно морщиться иных эстетов, но любимой многими, в том числе и людьми с высокими культурными запросами (хоть некоторые из них это старательно скрывают).

Поскольку он стоял к Яне спиной, мог позволить себе широкую ухмылку — безобидную, веселую.

Страсть ее к янтарю оказалась не преходящий блажью, а стойким увлечением, она по-прежнему летала «на добычу» за редкостями (не подозревая, что не столь уж многочисленные нелегальные добытчики янтаря и связанные с ними торговцы давно взяты под отеческую опеку людьми Интагара и получили строжайшую инструкцию — все добытое показывать сначала «баронессе Вольмер» из Латераны). Ну, и пришлось под ее растущую коллекцию отвести Яшмовый зал в Латеранском дворце — что ни малейших неудобств Сварогу не доставило, это было одно из тех многочисленных роскошных помещений, которые простаивают без пользы, в любом королевском дворце их хватает.

И вот теперь — новое, неожиданно вспыхнувшее увлечение. На сей раз Сварог не сомневался, фамильное. В генетике он не разбирался совершенно, и не было пока в том необходимости, но все равно, уверен был, что иные привычки Яны уходят корнями как раз в генетику. Иные ее забавы, оставшиеся в прошлом, как-то: Ночные Кавалькады и танец в «Лотерее-Грации», сильнейшие подозрения, достались от веселой императрицы Агнеш, в молодости развлекавшейся на земле довольно раскованно. А то и уходили в вовсе уж далекое прошлое — перед глазами пример пращурки Вилорены с ее снимками для респектабельных мужских журналов.

Сварога это нисколько не беспокоило. Яна хранила ему алмазную верность, чем он сам, увы, не мог похвастать. Только иногда, очень редко, задавался вопросом: знает Яна о Вердиане или нет? Если и знает, неудовольствия не выказывает. Можно вспомнить и ее собственные слова о Вердиане, и прошлое — когда Яна, прекрасно знавшая, какую роль играет Мара в его жизни, относилась к этому спокойно, без тени ревности (неизбежной во всех прочих случаях), и они даже чуточку приятельствовали.

Вот и теперь разыграли фамильные гены. Яна решила перевести на здешний язык «Трех мушкетеров» и через людей Сварога передать рукопись кому-нибудь из таларских издателей, специализировавшихся на такой именно изящной словесности. Затея была опять-таки безобидна и требовала даже меньше трудов, чем поиски янтарных редкостей.

Яна все подробно объяснила Сварогу, моментально и вполне искренне с ней согласившемуся. В самом деле, переделки требовались минимальные: придворные интриги, зловещие отравительницы, заговоры знати, забавы, вроде истории с подвесками, дуэли меж дворянами порой по самым пустячным поводам... Наконец, мушкетеры как таковые, вражда меж иными гвардейскими полками — все это было на Таларе давно и прекрасно знакомо и до сих пор присутствует в здешней жизни. Как и разгул наглых фаворитов, разлад меж венценосными супругами, незадачливые пожилые рогоносцы, имевшие неосторожность жениться на молодых красотках, сыновья знатных дворян, по весьма существенным причинам поступившие в гвардию под вымышленными именами — и многое другое, объяснения не требовавшее.

Конечно, пришлось заменить все имена на таларские. Превратить Ришелье из неизвестного здесь кардинала просто во всемогущего первого министра, сильный ум при слабом короле — таких в таларской, да и в имперской истории предостаточно. Да придумать гугенотам другое название — религиозные войны на Таларе давно ушли в прошлое, но когда-то они бушевали по всему Харуму, и сект вроде гугенотов, склонных не к мирной

проповеди, а к драке, имелось тогда предостаточно... Столько, что даже ученые книжники в них путались и давно уже перестали ими интересоваться, как забытой архаикой. Ну, и чисто косметические штучки: заменить «гризетку» на «камеристку», то же проделать с дюжиной других словечек. Алмазные подвески (вообще подвески с самоцветами) и сегодня в большой моде у таларских дворянок и иных записных щеголей. Так что работа идет быстро. Яна за считанные дни перелопатила больше половины романа. Можно не сомневаться, что успех он иметь будет и на Таларе, и в Империи, наверняка и телесериал снимут, не подозревая, что открывают Америку...

Да, гены... Прапрадед Яны, император Голуорт, с юности и до старости сочинял стихи и произвел их на свет устрашающее количество. Вот только был не более чем сиятельным графоманом, его корявые вирши интересовали лишь придворных льстецов, провозглашавших самодержца светочем поэзии, каких мир не видел, — а Голуорт при всем его уме и способностях государственного деятеля им верил.

Другое дело — дед Яны, император Этен. Баллады он писал лишь в молодые годы, наследным принцем, они составили пухлый сборник, до сих пор пользующийся успехом и среди молодежи Империи, и у таларских менестрелей. К поэтической славе никогда не стремился, а когда придворные подхалимы хотели его наградить большой золотой медалью Академии Изящных Искусств, долго искали пятый угол.

Ну и наконец, недавнее литературоведческое открытие, сделанное Сварогом и оставшееся в его единоличном пользовании...

Месяц с лишним назад, когда он узнал, что Бетта тайком читает «Долгие странствия», он сам одолел все три тома для скоротания скуки — был очередной период безделья, — и захотелось выяснить, почему так долго нет продолжения, уж не покинул ли автор навсегда наш грешный мир, удалившись в другие, по слухам, безгрешные края? Интагар как всегда был поблизости, и Сварог дал ему поручение. По совести, очередная ко-

ролевская блажь, но как многие безобидная и не требовавшая особенных хлопот...

Сыщики, ближе всех стоявшие к населению, не подвели и на этот раз — уже на третий день установили, что рукописи в издательский дом «Каламер и братья» всякий раз приносит стряпчий с хорошей репутацией, оказывавший подобные услуги за процент еще полудюжине популярных авторов, — и двенадцать томов авантюрной «Кровавой маски», и три книги «Долгих странствий», и семь томов «Морского ветра» — саги об очередном благородном корсаре. Увы, сыщики развели руками — след обрывался в никуда. Если имена всех прочих «подопечных» стряпчий никогда не держал в секрете, творец всех трех сериалов (а сыщики клялись: по их убеждению, это один и тот же человек) оставался загадкой. Никто в литературном мире (у Интагара, как и везде, были там агенты) ни одного из трех псевдонимов не знал. Рукописи словно из ниоткуда появлялись.

Один из сыщиков предложил, не мудрствуя, вечером сграбастать Каламера за шкуру и подвергнуть суровому допросу в тайной полиции — уж тут-то истина обязательно всплывет.

После короткого размышления Сварог запретил вторгаться столь грубо в мир высокой литературы — он как-никак был не примитивным тираном, а просвещенным. И поручил дальнейшие заботы о стряпчем оперативникам восьмого департамента. И дом, и контору стряпчего быстро декорировали самыми современными средствами для подслушивания и подглядывания. Классическое использование служебного положения в личных целях — пустячок по сравнению с иными забавами власть имущих...

Через неделю клюнуло — к стряпчему явился благообразный пожилой субъект в вицмундире со знаками различия департаментского секретаря и нашивкой, свидетельствовавшей, что он пребывает на заслуженном пенсионе. И вручил объемистый пакет — по докладом, передача оного прошла просто и буднично, без всяких комментариев, явно не в первый раз. И тяжелый ме-

шочек, выложенный гостем на стол, стряпчий принял молча, привычно. На завтра он отвез пакет Каламеру — и там оказалась восьмая книга «Морского ветра».

Но еще вчера поступили гораздо более интересные рапорты. Едва незнакомец покинул дом стряпчего, попал под пристальное наблюдение — и привел сыщиков к неприметному домику на тихой закатной окраине Латераны. Примерно через квадранс со двора взлетела вимана-навидимка. Старший группы был человеком дельным, моментально доложил Сварогу об этаких новостях городской жизни, а Сварог немедленно поднял сотрудников девятого стола.

Сработали они хорошо, успели установить, что вимана (за облаками вновь стала видимой) прилетела прямо-хонько в Канцелярию земных дел, и вышедший из нее незнакомец (уже в вицмундире означенной Канцелярии) направился прямым ходом в кабинет Диамер-Сонирила. Ту уж подчиненные Сварога делом занялись плотно, опять-таки используя кое-какие технические средства, на что не имелось прямого запрета. И через восемь дней было неопровержимо доказано: автор всех трех сериалов — принц короны Диамер-Сонирил! А советник, его многолетний доверенный, несомненно, исправно и в совершеннейшей тайне передает рукописи (наверняка для пущей конспирации отпечатанные шрифтом, имитирующим рукописание) Каламеру — а тот, видя прибыль, вопросов не задает — мало ли анонимных авторов, по разным своим причинам взявших псевдоним, а то и скрывающих личность?

Последний завершающий штрих провели сыщики Интагара, без особого труда выяснившие: согласно давнему распоряжению стряпчего, все гонорары перечисляются trem учебным заведениям в Сноле, Равене и Латеране, готовившим для земных королевств государственных чиновников и управленцев среднего звена, а еще служившим чем-то вроде курсов повышения квалификации.

Сварог испытал нешуточное удивление, форменное потрясение, пусть и недолгое — очень уж не сочетались между собой принц, олицетворение доведенной до выс-

шего совершенства бюрократии, и упомянутые романы, получившие на Таларе несказанный успех. Однако никакой ошибки быть не могло. Вот и открылась тайна чистых ночных бдений принца в его оборудованных в Канцелярии покоях, куда не имели доступа даже ливрейные лакеи-антланцы. Иные тайком пьют, иные крутят с легкомысленными девицами или предаются другим порокам, предосудительным для их положения в обществе и репутации, — а принц, запершись на семь замков, вдохновенно сочиняет душещипательные романы, полные головокружительных приключений и здоровой эротики — и это никак нельзя отнести к порокам, под чем охотно подпишутся многочисленные читатели. Ну, а то, что немаленькие гонорары (лару деньги ни к чему) Диамер-Сонирил пускает не на сиротские приюты и дома призрения для престарелых, а на инкубаторы таларской бюрократии, тоже пороком не является...

О потаенном хобби принца Сварог не собирался рассказывать никому, даже Яне — из расположения к принцу, открывшемуся совершенно с неожиданной стороны. Отношения у них прекрасные, живут, можно сказать, душа в душу...

За спиной послышался легкий шум отодвигаемого кресла, и Сварог обернулся. Выключившая компьютер Яна подошла к нему, беззаботно улыбаясь, прильнула на миг, поцеловала в ухо, отошла и села на низкий диван с вычурной спинкой. Следуя ее призывному взгляду, Сварог подошел и устроился рядом, приобняв и положив руку на колени. Несколько минут стояла блаженная тишина, они замерли, наслаждаясь покоем — впрочем, это касалось одной Яны, о чем она и не подозревала. Что до Сварога, он сидел, как на иголках, переместившись нетерпеливыми мыслями в компьютерный зал Велордерана.

— Как успехи? — спросил Сварог. — Половину ододела?

— Если прикинуть, даже две трети, — с некоторой гордостью ответила Яна. — Остановилась на главе, где д'Артаньян отправляется на войну, а миледи посылает следом убийц. — Она с мечтательным видом проде-

кламировала: «Двое неизвестных последовали за ротой и у заставы Сент-Антуан сели на приготовленных для них двух лошадей, которых держал под уздцы слуга без ливреи», — и добавила деловито: — Конечно, название заставы придется изменить на какое-нибудь более привычное. А вот трактир «Красная голубятня» я переименовывать не стала, это название и на Таларе не редкость, мы же были с тобой в «Красной голубятне» в Пограничье. Я правильно поступила?

— Совершенно правильно, — сказал Сварог. — Только дай потом мэтру Анраху рукопись, чтобы он запятые расставил...

— Стас, ты сегодня несносный! — с легоньким искренним возмущением воскликнула Яна. — Знаки препинания я и сама прекрасно могу расставить, у меня с гладкописью всегда обстояло отлично. Такое впечатление, что ты к моей работе несерьезно относишься. В кои веки случилось настоящее дело, где я всем обязана самой себе...

— Ну что ты, — примирительно сказал Сварог, переместив ладонь гораздо выше круглого теплого колена, что никакого возражения не вызвало. — Просто я сегодня заработался. Не было ничего серьезного и важного, но пришлось подписывать вороха скучнейших рутинных бумаг — перемещения по службе, требующие моего утверждения, королевские патенты и тому подобная дребедень. Голова совершенно пустая, умные слова не приходят на язык... Да, я привез здоровенный узел с каталаунскими гостинцами тебе от отца Грука, он на кухне. Пастилы, еще всякое...

— Замечательно! — воскликнула Яна. — Нынче же наверну за ужином... Что ты ухмыляешься?

— Лексикончик у тебя...

— От тебя нахваталась, если ты запомнил. — И прищурилась по-кошачьи. — Вот, кстати, об отце Груке... Вы с ним, как всегда, долго гулеванили... Интересно, кто из вас двоих вырубился первым?

— Ну, конечно, я, — честно признался Сварог. — Давно знаю, что тягаться с отцом Груком в потреблении спиртного — дело провальное... О чем задумалась?

— Как ты считаешь... Отец Грук — очень хороший человек, к тому же, наш венчальный пастырь... Может, сделать для него что-нибудь приятное? Скажем, назначить аббатом какой-нибудь из каталаунских провинций? Ты как король легко этого можешь добиться, а уж если еще и я в Куприи Единого замолвлю словечко...

— Не получится, — серьезно сказал Сварог. — Все же ты его плохо знаешь, мало с ним общалась. Как аббату ему пришлось бы обосноваться в провинциарии, а городов он терпеть не может, больше пары дней в городе не выдерживает. Одно слово — лесной пастырь. И ко всевозможным мирским благам равнодушен, делает исключение лишь для доброго нэлья, хорошей закуски и кое-каких яств. Его лесные прихожане и собаки — и больше ему ничего от жизни не нужно. Даже когда молния спалила церквушку, где он давно проповедует, отказался взять у меня деньги на восстановление, заверил, что прихожане выручат. И точно, они быстро собрали денежки, церковь получилась — загляденье, я ее недавно видел...

— И ничегошенько ему не нужно?

— Ничегошеньки, — сказал Сварог. — Он не святой, просто привык именно к такому образу жизни и ничего менять в нем не собирается. Я тебе как-то не говорил раньше... Единственное, что он от меня принял, — Золотую Изгородь*. Без всяких просьб и даже намеков с его стороны, я сам ее выписал после того, как вытащил его из-под виселицы. Вот э т о он принял без жеманства и отнекиваний, у него бывали серьезные неприятности с местными властями из-за некоторых его знакомств, которые власти, полиция и Лесная стража считают крайне предосудительными, — он фыркнул. — Вот, кстати, о знакомствах. Точно знаю: добрых три четверти денег на восстановление церкви ему собрали «волчьи головы», браконьеры и прочий каталаунский лихой народ, у которого денежки добыты несправедливыми трудами...

* Золотая Изгородь — грамота, гласящая: какие бы законы ни нарушил ее обладатель, он подлежит исключительно суду короля. Выдается крайне редко.

— Золотую Изгородь он взял?

— Сразу, без отнекиваний, — сказал Сварог. — Говорил мне потом: даже несправедные деньги, если они пошли на богоугодное дело, очистятся. Добавил: об этом писал и святой Рох, однажды взявший деньги на постройку церкви у пиратов и контрабандистов — иначе все равно расшвыривали монеты на дела грешные и предосудительные. И святой Сколот говорил что-то подобное. Есть люди, у которых не возьмут их денег — скажем, растлители малолетних, еще, кажется, детоубийцы, не помню точно, я не силен в богословии. Но та церковь получилась большая, одна из самых красивых на Таларе. Ты же не могла ее не видеть в Фиарнолле...

— Видела, конечно. Очень красивая. Ну что же, косточки тех пиратов и контрабандистов давно истлели, а церковь стоит, много людей приходит — хотя, как во всяком приморском городе, больше тех, кто молится Руагату... Знаешь что, Стас? Мне стало любопытно: а как отец Грук уживается с Кернунносом? Это ведь как раз те места, где Кернуннос чаще всего показывается...

Сварог это тоже знал. Вообще, из здешнего пантеона чаще всего показывался людям Кернуннос, и гораздо реже — Симаргл, а остальные в этом замечены раз в тысячелетие, пожалуй. Многие, которым следовало верить, Кернунноса видели своими глазами. Правда, скептики (к которым относился и мэтр Анрах) полагали, что Кернунноса, если можно так выразиться, незаслуженно повысили в звании. Что это не более чем уцелевшее с незапамятных времен лесное чудище, после Шторма обожествленное впадшими в ничтожество предками, ордами, бродившими по развалинам прежнего мира. Правда и скептики признавали что Кернуннос — создание для людей опасное и, оказавшись в тех местах, как исстари заведено, оставляют Кернунносу часть охотничьей добычи. Проезжая мимо заповедных лесов бога охоты, диких животных и грома, вешают на ветку какое-нибудь украшение...

— Никогда не говорил с отцом Груком о его отношениях с Кернунносом, — сказал Сварог чистую правду. —

Но есть у меня сильные подозрения: встретиться с ним Грук на лесной тропинке, будучи с посохом и полудюжиной собак, еще неизвестно, кто бы отступил и дал другому дорогу. А посох у Грука самый обыкновенный, не то что у святого Сколота, но отец, даром что не святой подвижник, человек крутой...

— И я однажды видела Кернунноса, — сообщила Яна. — Совсем близко, уардах в десяти. Это произошло месяца за два до того, как ты у нас... появился. Я тогда охотилась, небо было безоблачное, но к вечеру его затянуло тучами, очень быстро пошел ливень, началась жуткая гроза. Хорошо еще, что мы с егерями оказались близко от охотничьей избушки. Молнии сверкали безостановочно, гром рокотал — настоящая речь Кернунноса. И он показался, неторопливо прошел мимо. Не в облике оленя с лошадиным хвостом, а в виде рослого человека с оленьей головой, совершенно голый, как и рассказывали. Страху натерпелась... Я днем случайно услышала, как мельничиха рассказывала соседке, что Кернуннос не пропускает ни одной девственницы. Сейчас смешно, а тогда было не до смеха — у него такое украшение... — она прыснула, потерлась щекой о плечо Сварога. — Вот ведь забавно! Я тогда в панике подумала: получается, после... того, что было на Сильване, я, пожалуй что, долю невинности утратила. Может, и обойдется, если ему нужны п о л н ы е девственницы? В общем, он прошел мимо, не удостоив хижину и взглядом. А потом, когда стала постарше, как-то заговорила об этом с дядей Элваром. Он меня высмеял и заверил, что бояться мне нечего, глупые бабы все напутали. Кернуннос обращает внимание только на неверных жен и изменивших возлюбленному девушек. Потом выяснилось, что так и обстоит, и я могу чувствовать себя спокойно: в жизни никому не изменяла и не собираюсь...

Они помолчали, здорово было посреди уютной тишины держать ее в объятиях, но Сварог и здесь сидел, как на иголках.

— А знаешь, была еще одна история... — Яна послала ему лукавый взгляд. — Если я охотилась вдали от Ро-

менталья, останавливалась на мельнице у Шератенского ручья. Там меня и увидел утром проезжавший мимо каталаунец. И моментально в меня влюбился без памяти, — сказал Яна с некоторой горделивостью. — Я там прожила три дня, он дважды присылал букеты, да не простые, а из желтых люпинов, какие растут только в заповедных лесах Кернунноса, только самые отчаянные рискуют их там рвать для девушек. А потом прислал письмо, длинное, красивое: я у него отняла покой и сон, стою у него перед глазами... и еще много поэтических красотей, приятных любой девушке. Просил о свидании, назначал время и место...

— Признавайся, пошла? — тоном королевского прокурора спросил Сварог. — А как насчет романтических поцелуев на красивой поляне? Тебе тогда было сколько лет?

— Шестнадцать.

— Тем более. Признавайся, ты прекрасно знаешь, что я не ревную к прошлому.

— Разнузданное у тебя воображение! — фыркнула Яна. — Ничего подобного. Он был красавец, этакий капитан Фолет из телесериалов, но я тогда не рвалась крутить романы. Мельничиха встревожилась, сказала, что это предводитель сильной шайки «волчьих голов» и может меня украсть. Насилия к девушкам он избегает, но я долго просидела бы в его логове в чащобе, и он долго уговаривал бы меня ответить на его чувства и отпустил бы, лишь убедившись, что я непреклонна, а это могло надолго затянуться. Она не знала, кто я, считала простой ронерской дворянкой — а у меня заботами дяди Элвара лежал в кармане бластер, которым я уже умела пользоваться, и егеря-антланцы были вооружены. Мне даже хотелось, чтобы он попытался меня похитить, я бы его не на шутку удивила... А потом я уехала в Променталь — его самые отчаянные лесовики обходят стороной...

— Так все и кончилось?

— Грустно, — сказала Яна. — Он вскоре погиб в схватке с Лесной стражей. Мельничиха говорила, он был на свой лад приличным и порядочным человеком, не то что иные «волчьи головы». Когда я рассказала эту исто-

рию подругам в Келл Инире, они немного завидовали, у них ничего подобного не случилось, словно взятого из кино или романов. В Каталауне со мной столько всяких приключений бывало... Рассказать, как однажды на мою юную добродетель всерьез покушались очень даже неблагородные «волчьи головы», но им ничего не удалось?

— В другой раз, — решительно сказал Сварог.

Прекрасно видел: разговор стремительно скатился в пустую вечернюю болтовню. О Каталауне Яна могла рассказывать до утра. В другое время Сварог с удовольствием послушал бы историю о неудачном покушении на ее добродетель, но сейчас предстояли важные дела...

И он спросил небрежно, словно бы даже скучающе:

— Яночка, а что ты знаешь о небесной механике?

Яну, похоже, ничуть не удивила внезапная смена темы, она чуть пожала плечами:

— В точности то, что и все. В восемь лет, как полагается, изучила краткий курс. И, как все, быстренько большую часть забыла, потому что в жизни это совершенно не нужно. Нет, конечно, прекрасно знаю названия планет, в каком порядке они расположены, помню названия полудюжины созвездий, Звезды Влюбленных... И все. Расстояние планет от Солнца, состав их атмосферы и прочие скучные подробности тоже совершенно ни к чему.

— А такие слова, как «астрономия», «обсерватория», «телескоп», тебе что-нибудь говорят?

— Ровным счетом ничего. Хотя... Подожди, подожди... Ну да! Астрономия — это какая-то древняя лженаука, верно? Один из моих пажей, когда вырос, поступил в Лицей, учился на историка. Никогда не входил в круг моих близких друзей, но хорошие отношения мы поддерживаем до сих пор, иногда общаемся. Хороший парень, никогда не стремился стать придворным прихлебателем, хотя иные родственники и подзуживали. Вроде Элкона, только Элкон всецело поглощен компьютерам, а Гелиберт — книгами по истории. Точно, астр-о-но-мия! Гелиберт не так давно собирался писать книгу о древних лженауках, немного рассказывал о них нам с Каниллой, но нам быстро стало скучно — очень уж

неинтересные истории. Он и сам потом эту книгу забросил, едва начавши, сказал: действительно, очень скучно, даже занудно, слишком давно все это было, нынешним ученым неинтересно, тем более простому читателю. Переключился на Золотой Эликсир, до сих пор им занимается, уж эта-то лженаука до нашего времени доплелась. Ты как земной король наверняка лучше знаешь?

— Ну, еще бы... — проворчал Сварог. — Не далее как в прошлом году одного такого в Три Королевства загнал горное дело развивать... Немало золотишка успел у простаков выманить, прежде чем взяли...

Золотой Эликсир был аналогом философского камня алхимиков на Земле — волшебная жидкость, якобы превращающая в золото не только всякие неблагородные металлы, но и, по уверениям иных фантазеров, даже глину и прочие субстанции. За тысячи лет так и не объявилось научно подтвержденных результатов, но до сих пор имелись в некотором количестве фанатики идеи. Одни, классические городские сумасшедшие, сутки напролет сидели взаперти, неустанно экспериментирова (что иногда приводило к отравлениям или взрыву в лаборатории). Другие, обладавшие гораздо большим цинизмом и житейской сметкой, были чистой воды аферистами, выманивавшими деньги у легковых с помощью того же арсенала, что пользовали их собраты по ремеслу на Земле: выдолбленные палочки, через которые в алхимическое варево попадали крупинки золота, гвозди, наполовину сделанные из покрашенного под железо золота и прочие придумки, подчас сделанные с большой изобретательностью, так что порой велись и умные люди, практичные в других отношениях. Тех, кто припутывал к своему занятию черную магию, преследовала Багряная Палата, всех остальных — полиция. Двух таких изобличенных прохвостов Сварог по размышлении не стал загонять на каторгу, а хозяйственно переправил в Лоран — пусть там дураят головы и облегчают карманы подданных Лавинии...

— Познакомить тебя с Гелибертом? — спросила Яна. — У него есть книги по истории древних лженаук, может, тебе будет интересно?

Возможно, и удалось бы выяснить, как получилось, что астрономия оказалась лженаукой, а наблюдения за звездным небом стали считаться чем-то страшно неприличным. Но это третьесортная загадка, сейчас речь идет о современности. Он все же произнес так же небрежно, скучающе:

— Значит, никто не наблюдает звездное небо?

— Никто, — сказала Яна. — Это... ну, это недостойное лара занятие, так исстари повелось. Только в Космической канцелярии что-то такое есть, но я в такие подробности никогда не вникала...

Ничего удивительного. В своей прошлой жизни Сварог никогда не интересовался, как устроены водопровод, канализация и электроснабжение — за исключением пары-тройки случаев, когда в далеких экзотических странах порой приходилось их портить или подрывать. Никто из пассажиров «Аэрофлота» не интересовался системой навигации самолетов...

Яна выглядела спокойной, даже безмятежной, ни тени беспокойств и тревоги. Сварог ее хорошо знал, насколько можно знать женщину, с которой прожил не один год и не сомневался, что в его вопросах она не увидела ничего необычного. Тем лучше...

Яна спросила спокойно, с понятным любопытством:

— Стас, а отчего ты вдруг заинтересовался древними лженауками и звездным небом? Раньше за тобой не замечала...

Вопроса такого он ждал и был к нему готов. Припас убедительное вранье, или, благозвучия ради, легенду. Сказал непринужденно:

— Тебе с таким никогда не придется сталкиваться, а вот мне порой приходится... Завелся у меня в Латеране один последователь герцога Лемара, очень искусно облапошил одного купца на полсотни тысяч золотом. Только до Лемара ему далеко, полиция повязала. А у него тетушка из придворных дам, куча родственников на высоких постах — приличные люди, старый графский род. Этот молодчик — классический позор семьи, но все же родная кровь. Вот родственники и за-

суетились, жужжат мне в уши день напролет. А звезды и астрономия здесь оттого, что этот юный прохвост притянул парочку древних лженаук, астрономию в том числе. Одна из них повязана с черной магией, так что вмешалась Багряная Палата. Дело пустяковое, но напряжное и затягивается надолго, и многое на меня замыкается. Подробности тебе вряд ли интересны, они скучные... Или рассказать?

— Да нет, не надо, — сказала Яна, добавив сочувственно: — Бедный мой, чем тебе приходится заниматься...

— Что поделаешь, тяжкая королевская доля, — развел руками Сварог и встал неспешно. — Яночка, время еще не ночь, так что я пару часов поработаю в Велордеране. Снова рутинные пустяки, но их куча, и лучше на потом не откладывать, а то накопятся... Скучать не будешь?

— Наоборот! — живо воскликнула Яна. — Я еще несколько глав забабахаяю.

Сварог в который раз страдальчески поморщился исключительно мысленно. Разговор, как в Хелльстаде как-то незаметно повелось, шел на русском, и попрекать Яну за жаргон, категорически не вязавшийся с обликом Императрицы Четырех Миров, язык не поворачивался — все эти словечки попали к ней из его памяти, и не было силы его лексикон профильтровать, избавиться от просторечных вульгарностей.

— Вот и прекрасно, — сказал он, как мог непринужденнее. — Если я задержусь, ложись, не жди меня. Иногда и пустяковые дела прорву времени отнимают, надолго затягиваются...

Сев в свое кресло в одном из компьютерных залов, он поднял один из хелльстадских зондов, оснащенный аппаратурой и посложнее той, что ему сейчас требовалась для нехитрого, в общем, поиска. Зонд ушел на максимальной скорости, но все равно, требовалось не менее получаса, чтобы он поднялся над плоскостью эклиптики на нужную высоту. Чтобы не сидеть без дела, Сварог вывел на экран «Краткий курс небесной механики» для

малолетних — с которым познакомился в зрелом возрасте, в первый день пребывания в родовом замке.

Разве что к нему добавлены сведения, малолетних не интересующие: расстояния орбит планет от Солнца, состав атмосферы (Сварог тоже не стал вникать, оставив на потом). Единственное новшество — Нериада раньше значилась как «безжизненная и необитаемая», а после сокрушения Радианта соответствующие изменения внесены, то есть вместо лжи значится правда.

(Не отправить ли зонд и к Тетре? Она тоже числится безжизненной и необитаемой, но, памятуя, как обстояло дело с Нериадой, проверить не помешает — здешняя астрономия таит сюрпризы... Ладно, это потом.)

Состав атмосферы трех обитаемых планет, да и всех остальных, его в данный момент не интересовал совершенно — вряд ли он искажен в официальных данных. А Семелом можно будет заняться и попозже, когда свою работу сделает зонд. Что там у нас дальше? Фероний, здешний Сатурн, разве что без кольца, — безжизненен и необитаем, как и Семел, как и остальные четыре внешних планеты. И здесь будет работа для зондов — но опять-таки попозже...

Больше заняться было нечем, и он безбожно смолл одну за другой... Стояла тишина, Золотые Обезьяны, как всегда, застыли статуями в ожидании команд, и Мяус неподвижно сидел возле соседнего кресла. Как всегда бывает в таких случаях, минуты ползли невыносимо долго...

Ага, зонд поднялся на должную высоту, привязался к точке. Работа предстояла несложная, не было смысла перепоручать ее кому-то из Золотых Обезьянов: всего-то и нужно, получив от зонда данные об орбитах планет и расстояниях, отделяющих их от Солнца, сравнивать их с оставшимся на экране «Кратким курсом». Нериада. Расстояние от Солнца, период обращения — совпадает практически полностью, мелкие погрешности не в счет, абсолютно неинтересен длинный ряд цифр после запятой, в точности как с числом π ...

Сильвана... Тетра... То же самое. Теперь Талар...

У Сварога едва не выпала изо рта только что зажженная сигарета. Показалось на миг, что зал вместе с компьютерами, безмолвными Золотыми Обезьянами и с ним самим завертелся, как волчок, и он лишь через несколько томительно долгих секунд справился с этим наваждением. До того радар работал исправно, но Сварог, еще не веря до конца, переключился на гравилокатор, показавший те же самые числа, настолько расхоdivшиеся с привычными представлениями, что жутко делалось.

Никакой ошибки. У Талара не было собственной орбиты вокруг Солнца. Не было!

Уже гораздо спокойнее, справившись с нешуточным потрясением, он дал команду на следующий замер, снова и радаром, и гравилокатором. Других сейчас и не требовалось. Зонд прилежно их провел, продублировав числа на экране бесстрастным голосом робота.

Талар движется вокруг Солнца практически на той же орбите, что и Семел (совпадающей с той, что указана в «Кратком курсе») — с разницей в восемьсот с лишним тысяч лиг. Пустяки по космическим меркам... А на самом деле? На самом деле Талар и Семел отделяют друг от друга восемьсот тысяч шестьсот сорок семь лиг. Вместо указанных в «Кратком курсе» двадцати двух миллионов.

Сам собой напрашивался единственно верный и, что греха таить, ошеломляющий вывод. Коли уж Талар и Семел разделяют не двадцать два с лишним миллиона лиг, как уверяет «Краткий курс», а всего восемьсот тысяч с третью, Талар — не самостоятельная планета со своей орбитой вокруг Солнца, а лишенный таковой спутник Семела. Что произошло после Шторма — на Той Стороне на ночном небе не было Семела в том виде, как это сейчас можно наблюдать на Таларе невооруженным глазом. Выходит, Сварог разобрался далеко не во всем, что на л о м л а в свое время Багряная Звезда — если только она и Шторм как-то связаны между собой, а это далеко не факт...

Какое-то время он сидел истуканом без мыслей и чувств. Потом и ошеломление, и удивление схлынули,

вернулась прежняя холодная ясность мышления, как всегда с ним бывало в серьезные моменты жизни.

Довольно быстро он догадался, что это ему напоминает: один из любимых в юности фантастических романов двух классиков. «Вы живете не на внутренней поверхности шара, вы живете на внешней поверхности шара». Да, вот именно. Саракш, обитатели которого в силу благоприятствовавших именно такой точке зрения природных условий добросовестно заблуждались, полагая, что живут на внутренней поверхности шара. Вот и последовал грустный массаракш — мир наизнанку...

Он встал и неторопливо прошелся вдоль длинного ряда компьютеров и застывших за пультами Золотых Обезьянов. Курил и смахивал пепел, не глядя, все равно его прилежно подхватывала семенившая рядом на шести золотых лапках штукавина, которую он давно окрестил придворной пепельницей — золотой стебель (менявший длину в зависимости от того, стоял Сварог или сидел), яшмовая чаша, где в стоявшем на дне розовом тумане исчезали пепел и окурки. Их во дворцах было множество, первое время Сварога они раздражали, но он быстро привык и понял, что они гораздо удобнее обычных пепельниц, торчавших на одном месте.

Отшвырнул окурков, не глядя (все равно самобеглая пепельница поймает лучше любого вратаря), сел за пульт и собрался с мыслями. Неожиданно открывшаяся правда ошеломила только в первый момент. По большому счету, она ничего не меняла в его жизни и деятельности на любом из занимаемых постов... точнее, меняла не так уж много, а что конкретно, еще предстояло определить...

Хмыкнул, pokrutil головой, недолгое время посмеявшись над собой — он не один год принимал за чистую монету «Краткий курс» и его урезанные таларские аналоги в виде тонюсеньких брошюрок «О строении Солнечной системы и обращении планет». Как на протяжении тысячелетий миллионы таларцев и сотни тысяч ларов, включая земных и имперских книжников, порой склонных втихомолку интересоваться запретными тема-

ми, какие бы житейские невзгоды это ни сулило иногда. Видимо, все дело в том, что не было никаких запретов. Запретный плод сладок — а потому всегда и везде находились смельчаки, нарушавшие «Закон о черной магии и ее практическом воплощении в жизнь» и «Закон о запрещенной технике» (типичным представителем, как любили изъясняться авторы советских учебников, стал мэтр Тагарон, а также его предшественники-изобретатели и чернокнижники).

Но никому и в голову не придет нарушать запрет, которого нет. Есть лишь освященное тысячелетиями правило, по которому разглядывать с помощью оптики звездное небо так же неприлично, как выйти на улицу без штанов или портить воздух прилюдно. И никто в здравом уме не пишет трактаты, вроде «Рассуждения о необходимости выходить на улицу непременно в штанах». Приличные люди старательно соблюдают устоявшиеся правила, нисколько над ними не задумываясь — и этого достаточно. Такое не могло родиться само по себе — давным-давно кто-то умный, большой знаток человеческой природы, должен был это придумать, ввести вместо искушающего запрета «правила приличия» — и его придумка прекрасно работала тысячелетиями, работала бы и дальше, не искуси Сварога в вечер безделья очередная королевская блажь, на сей раз касаемо телескопа...

Очень скоро после своего появления здесь Сварогу пришло в голову, что Семел как-то ненормально велик и с завидным постоянством появляется на небе каждую ночь (за исключением двух недель, когда от него остается лишь узенький серпик, а там и серпик ненадолго и исчезает). Две планеты, разделенные многими миллионами лиг, должны были обязательно разминуться на небесных дорожках. И что же? Он очень быстро перестал задумываться над этой несообразностью — его взгляд обрушился в Хелльстад, а там и жизнь завертела, навалились дела насущные, нешуточные хлопоты, заботы, тревоги и опасности. Не было ни времени, ни необходимости ломать голову над странностями здешней небесной механики. Что бы он ни делал, чем бы ни за-

нимался, что бы ни приключалось в жизни веселого или печального — для всего этого не имело ровным счетом никакого значения, вертится ли Талар по своей орбите вокруг Солнца или, как собачка на привязи, кружится вокруг Семела.

Смело можно сказать: он жил, как все. До сегодняшнего вечера. Т е п е р ь Семелом предстояло заняться плотно. И потому, что «Краткий курс», никаких сомнений, лгал по-крупному неспроста, а по каким-то крайне серьезным причинам. И потому, что от Семела тянулись к Талару какие-то странные потоки света, сущности которых Сварог не знал. Почти так же обстояло не так уж давно с Нериадой: ложные сведения в «Кратком курсе», загадочные потоки света, идущие оттуда к Талару, — а в результате обнаружился Радиант, с которым пришлось справляться в авральном порядке.

Давно выработалась привычка: во всем неизвестном и непонятном усматривать прежде всего угрозу. Иных прекраснодушных гуманистов такой взгляд на мир способен ужаснуть — но не земного короля и руководителя двух имперских спецслужб. Побудьте день вы в милицейской шкуре, вы жизнь увидите наоборот. Иногда именно такая точка зрения помогала одерживать серьезные победы. Здесь главное — не перейти черту, за которой станешь шарахаться от каждого куста и в каждой белке видеть отводящего глаза ямурлакского вампира.

Сна, конечно, не было ни в одном глазу, хотя перевалило за полночь: какой тут сон, некогда спать. Придется сидеть здесь до упора, занимаясь здешней астрономией так, как никогда прежде не занимался. Яна, когда ей надоест сидеть над переводом и начнут слипаться глаза, преспокойно ляжет спать, не дожидаясь его и ничуть не встревожившись — он и прежде во время их пребывания здесь не раз посвящал время ночным бдениям в компьютерном центре...

План действий следовало хорошо продумать — но кое-какие предварительные наметки имелись. Сварог спросил сидевшего слева Золотого Обезьяна под номером семь:

— Есть у нас аппаратура, способная отсюда дистанционно провести анализ атмосферы Семела? Без посылки зондов?

И с радостью отметил, что его голос звучит совершенно спокойно, ни малейшей нервозности не ощущается. Нормальное рабочее настроение. Не стоит раньше времени бить в колокола громкого боя — пока что ниоткуда не следует, что перед ним реальная угроза, опасность... Пока что это очередная загадка, и не более того.

— Конечно, государь, — ответил седьмой Обезьян без малейшего промедления. — Метод коронарной спектрографии, а также...

— Довольно, — оборвал Сварог золотого педанта. В жизни не слыхивал о таком методе и всерьез опасался получить еще порцию ученой абракадабры. — Достаточно и того, что методы есть. Сколько времени отнимет подробный анализ?

— Как показал предшествующий опыт, три минуты сорок три секунды тридцать...

— Достаточно, — вновь оборвал Сварог, прекрасно зная по опыту: и исполнительный болван, если его вовремя не остановить, непременно отрапортует и о точном количестве потребных миллисекунд.

Упоминание о «предшествующем опыте» его крайне заинтриговало: выходило, что и Фаларен проводил анализ атмосферы Семела, и уж, конечно, не из чистого научного любопытства, абсолютно ему не свойственного. Ну, это могло подождать. И Сварог спросил:

— Вы в состоянии провести такой анализ?

— Как любой из операторов, государь.

— Проведите. Результаты мне на экран.

Времени оказалось вполне достаточно, чтобы не спеша выкурить длинную сигарету из черного табака — еще один редкий силванский деликатес, доступный из-за дефицитности лишь узкому кругу высших лиц Империи. В этом отношении Империя чертовски напоминала Советский Союз: иные яства, напитки и табаки естественного происхождения, а не созданные бытовой магией ларов, были доступны далеко не каждому Высо-

кому Господину Небес, в точности как в СССР — колбаса из натурального мяса и водка не из опилок. Земным королям тоже полагался своеобразный «продуктовый заказ», гораздо скромнее того, что причитался сановникам Империи — Сварог как король королев автоматически по строгим бюрократическим законам получал сразу несколько, против чего не протестовал (никогда не был диссидентом хотя бы в душе). Одна существенная разница: то же самое, только сотворенное бытовой магией, мог получить любой лар — что не устраивало лишь отдельных гурманов, употреблявших только «натуральное». Поначалу Сварога снабжала элитным силванским табачком Яна — но теперь, став вице-канцлером, он шагнул на ступеньку вверх по лесенке привилегий, так что теперь сам часто презентовал табачок экстра-класса страстной курильщице Канилле Дегро и парочке таларских сподвижников. Если насмешливо сравнить...

Ага! Все посторонние мысли побоку! На экране Сварога высветило результат анализа атмосферы Семела — цифры в сочетании с кругом, разделенным на разноцветные секторы, один большой, другой гораздо меньше, еще несколько совсем узенькие полосочки. На сей раз Седьмой, и на том спасибо, не утруждал себя микроскопическими на общем фоне долями процента тех химических элементов, что присутствуют в атмосфере вовсе уж мизерно. А может, так действовала компьютерная программа — какая, к черту, разница, нечего думать о таких пустяках, когда на экране...

На сей раз Сварог не был ошеломлен — но достаточно-таки удивлен, и было от чего. Снова оказались ложью данные «Краткого курса». Атмосферы всех трех обитаемых планет (и Селены тоже) отличались друг от друга незначительно. Точно так же, оказывается, обстоит и с Семелом: азота в его атмосфере на полпроцента меньше, чем на Таларе, кислорода на восемь десятых процента больше, содержание аргона, углекислого газа и водорода отличается где на сотые, где на тысячные...

В общем, самая обычная кислородная планета, ничем не отличающаяся от трех других и Селены. Почему же

она значится в «Кратком курсе» безжизненной? Такой состав атмосферы позволяет прямо-таки буйствовать жизни — и растениям, и животным, в общем, всякой живой твари, от крохотных рачков до гомо сапиенсов. Семел в двенадцать раз больше Талара, там могут плескаться необозримые океаны, произрастать чащобы без конца и края, вольготно обитать тысячные стада антилоп и многие миллионы людей... ну, или существ, не похожих ни на антилоп, ни на людей. Главное, кислорода там достаточно, чтобы свободно дышали миллионы живых существ и произрастали мириады деревьев. А веры «Краткому курсу», как показал опыт, никакой...

— Теперь так... — сказал Сварог и ненадолго задумался над четкой формулировкой, без которой нечего было и думать получить от Золотых Обезьянов даже самую простейшую информацию. — Дайте все сведения об обитателях Семела.

Обычно на компьютерный поиск Обезьянам требовалось от квадранса до минуты, в зависимости от сложности вопроса. Однако на сей раз Седьмой откликнулся едва ли не мгновенно:

- Информации нет.
- Сведения о биосфере планеты? О флоре, фауне?
- Информации нет.

Еще в первые дни знакомства с компьютерным центром Велордерана и его операторами (тогда еще одинаковыми, как горошины из одного стручка, номера он придумал позже) Сварог уткнулся носом в непрошибаемую стену, в каком-то положении пребывал до сих пор. Он не сомневался, что компьютеры хранят немало важной и полезной для него информации, но получить ее не мог — исключительно оттого, что не представлял, как это сделать. Специфический образ мышления роботов, ага. Если сказать им: «Дайте всю особо секретную и важную информацию», они непременно попросят, как это тогда и случилось, уточнить, к а к у ю именно и о чем. Им необходима конкретика: «Все о морском флоте Снольдера», «Все о восьмом департаменте», «Все о секретных разработках Магистериума», «Все о поголовье овец

в Ронеро». Именно так, и никак иначе. А конкретику Сварогу неоткуда взять. Он словно бы стоял перед дверью огромной библиотеки, способной открыться лишь тогда, когда он одолеет объемистый каталог — а каталог написан на неизвестном ему языке неизвестными буквами...

Даже срочно призванный на помощь Элкон оказался не в состоянии помочь. Он добросовестно занимался часа два непонятными Сварогу манипуляциями, работая все медленнее, на лице все четче проступали растерянность и злость. И наконец, сокрушенно признался: он не в состоянии ничего сделать, всю информацию можно получить только через посредство Золотых Обезьянов, а им, педантам безмозглым, необходима конкретика...

Но сейчас-то все по-другому! Седьмой сам упомянул кое о чем интересном. И Сварог уверенно сказал:

— Вы говорили о «предшествующем опыте». Мне нужна информация обо всех исследованиях внутренних планет и Семела, которые производились... прежде, до меня. Согласно хронологии.

К его превеликой радости, Седьмой ответил:

— Будет исполнено.

На сей раз поиск занял минуты три. Седьмой счел необходимым дать пояснения:

— Информация находилась очень глубоко в памяти. Не востребовалась четыре тысячи пятьсот восемьдесят шесть лет, два месяца и...

— Отставить подробности! — едва ли не рывкнул Сварог. — Информацию на экран.

И по экрану медленно поползли синие строчки, содержавшие немало интересного...

С хелльстадским летоисчислением Сварог в свое время разобрался за какие-то минуты — дело было несложное, все равно что открыть справочник на нужной странице. Принятая почти на всем Таларе Харумская Эра установилась только через тысячу восемьсот с лишним лет после Шторма. Небесные Годы ларов гораздо раньше, через двадцать три года после Шторма — когда скопище орбитальных станций адмирала Тагароша стало помаленьку превращаться в ту Империю, какой

она существует и сегодня. А первопроходцем оказался Фаларен. Уже через три месяца после Шторма (видимо, окончательно освоившись со своим новым положением и возможностями) он ввел свое летоисчисление, Хелльстадскую Эпоху, по каковому все и датировалось вплоть до его внезапной смертушки в лице оказавшегося в гостях Сварога, поначалу и не питавшего никаких смертоубийственных замыслов.

Так вот, компьютерный центр Велордерана Фаларен обустроил только на восьмьсот шестом году Хелльстадской Эпохи. Раньше, надо полагать, не было необходимости: компьютерами Фаларен (оказавшийся одним из штурманов атомного авианосца в чине, примерно соответствующем капитан-лейтенанту) отнюдь не пренебрегал. В его кабинете Сварог обнаружил персональный компьютер (как оказалось позже, с укреплением проекта «Изумрудные тропы», происходивший с Той Стороны и явно скрашивавший Фаларену скуку еще на авианосце), набитый всякой бытовой чепухой. Последний раз Фаларен использовал его аккуратно за сутки до того, как имел неосторожность пригласить в гости Сварога, ставшего последним в жизни Короля Сосновая Шишка гостем (вот это посещение Сварог без колебаний стер — там ничего не было, кроме неведомо как раздобытых десятков трех фотографий обнаженной Яны — в ванной Келл Инира и тому подобных местах).

Потом потребность появилась: за неделю до этого была завершена единая компьютерная сеть Империи — по каковой Фаларен бесцеремонно и безнаказанно и шарил две недели. А потом...

А потом он проделал то, что только что Сварог, — занялся изучением Солнечной системы, и гораздо более обстоятельно, чем Сварог. Поднял над плоскостью эклиптики зонд, измеривший расстояния планет от Солнца, — и точно установил, что Талар — не самостоятельная планета, а спутник Семела. Но почему-то отложил изучение Семела на потом (Сварог на его месте поступил бы как раз наоборот). Отправил зонды к Тетре и Нериаде, быстро обнаружил, что насчет Тетры «Крат-

кий курс» нисколько не врет, условия там и в самом деле жуткие, не допускающие существования какой бы то ни было кислородно-белковой жизни (вот и ладунки, не стоит тратить время и посылать к Тетре свой зонд, как собирался), — а вот касаясь Нериады брешет самым беззастенчивым образом. Зонд изучал Нериаду сутки, причем Радианта не засек — в прошлой жизни Фаларена α -физики по понятным причинам не существовало, а после Шторма Фаларен ею совершенно не интересовался, так что у него попросту не было аппаратуры, способной засечь «ручейки Крондери». Получив подробный отчет с видеозаписями, Фаларен навсегда потерял к Нериаде интерес (возможно, Сварог на его месте поступил бы так же).

Дистанционное зондирование Семела, точно установившее состав атмосферы — практически не изменившийся до дня нынешнего. Следующий шаг вполне логичный: к Семелу ушли четыре зонда (видимо, учитывая его размеры).

Спокойная атмосфера, ничем не отличается от остальных кислородных планет: никаких глобальных штормов, обычный облачный покров, воздушные течения, вокруг планеты ни одного спутника или иного искусственного объекта...

Зонды снизились до высоты двенадцати лиг... и исчезли! Связь внезапно прервалась со всеми четырьмя и в течение последующих суток не восстановилась. Прождав сутки, Фаларен отправил по тому же маршруту уже двенадцать зондов, как указывалось, «защищенных от какого бы то ни было внешнего воздействия» (без уточнения, в чем эта защита заключалась). Эта дюжина исчезла, не вышла на связь, едва войдя в верхние слои атмосферы, то есть гораздо раньше предшественников.

Трое суток молчания, если что-то и происходило, об этом в памяти компьютера ничегошеньки нет. Потом, как чертик из коробочки, появляется проект «Бешеный жнец» (без малейших пояснений, что это такое). Одновременно созданы «станция „Зенит“» (снова никаких пояснений) и Мяус. Все, финита. Какие бы то ни было

исследования Семела прекращены и вплоть до смерти Фаларена не возобновлялись...

Ну что же, пойдем дальше... Сварог распорядился:

— Информацию о проекте «Бешеный жнец» на экран.

Седьмой бесстрастно доложил:

— Никто этого сделать не в состоянии. Информация закрытая, доступна только вашему величеству после введения соответствующего пароля. Соблаговолите действовать сами, это вне пределов моей компетенции.

С таким уровнем секретности Сварог еще не сталкивался — некая тайна, скрытая даже от Обезьянов, которые органически не способны никакому злоумышленнику ее выдать... но вполне способны стать объектом хакерской атаки со стороны кого-то, располагающего компьютерами совершеннее компьютеров Фаларена. В точности так обстояло с компьютерами Империи, беззащитной перед вторжениями Фаларена, их превосходившими. Что ж, Фаларен в свое время, когда у него еще не сорвало крышу, был достаточно самокритичен и не считал свои компьютеры недостижимым верхом совершенства. На хитрую эту самую всегда найдется этот самый с винтом, на винт всегда найдется эта с переулочками, на переулочки всегда найдется винт с компасом... как там дальше, или это все? Забыл. В общем, сказочка про белого бычка, скажем для порядка и закроем тему...

Не раздумывая долго, Сварог приказал:

— Информацию о станции «Зенит» на экран.

И снова бесстрастный голос Седьмого:

— Государь, в отношении станции «Зенит» действуют те же предписания, что и в отношении проекта «Бешеный жнец». Информация доступна только вашему величеству.

— Довольно! — рявкнул Сварог, и Седьмой дисциплинированно умолк. — Станция и проект как-то связаны между собой?

— Нет информации, это вне пределов моей компетенции.

Вообще-то пароли у Сварога имелись. Давно. Целых пять. Надев после безвременной кончины Фаларена по-

данную Золотым истуканом митру из серебряных шишек тончайшей работы, хельстадскую королевскую корону, Сварог вместе с прочими необходимыми новому королю знаниями получил и пять загадочных фраз: «Косильщик», «Боевая труба», «Гром небесный», «Исход» и «Синеглазое чудо». С дополнением, что это именно п а р о л и, но без каких бы то ни было дополнений, к чему их применить. Видимо, подразумевалось, что новый король сам должен это знать. Он тогда же спрашивал мэтра Лагефеля и Мяуса, но они ничем не смогли помочь: Мяус попросту сказал, что у него «нет информации», а мэтр пожал плечами — у покойного короля было множество своих секретов, которыми он не считал нужным делиться со столь ничтожной персоной, как библиотекарь. Так все эти годы пароли бесполезными и пролежали в дальнем уголке памяти. Не возникла ли в них сейчас самая неотложная нужда? На данном историческом отрезке, в данных условиях слово «пароль» может быть применено исключительно к компьютеру. Черт, да ведь Элкон так и сказал тогда: в компьютерах центра есть секретная часть, куда можно попасть исключительно через пароль! По Сварог нимало этим не озаботился: серьезных насущных дел была уйма, и ни одно не требовало поиска в секретной части — да и потом не было такой необходимости...

Остается яростно надеяться, что небрежение секретной частью ничего не испортило. В конце концов, Семел до нынешней минуты не причинял никакого беспокойства, не говоря уж об угрозе... И Сварог не без вполне понятного волнения набрал недлинное слово КОСИЛЬЩИК. И чуть ли не моментально убедился, что не ошибся: во весь экран зажглись синие буквы ПРОЕКТ «БЕШЕНЫЙ ЖНЕЦ». Продержались на время, достаточное для неспешного прочтения, исчезли, на смену появился набранный синими буквами текст, позволявший читать без малейшего труда...

Было от чего, называя вещи своими именами и не гонясь за салонностью стиля, обалдеть! Под обширной равниной, заросшей диким кустарником с редкими

деревьями, совсем неподалеку от восходных отрогов Гун-Деми-Тенгри располагалось подземное хранилище, где пребывала ни много ни мало сотня орбиталов-убийц. Что за излучателями они были вооружены, не уточнялось, но в этом не было ничего удивительного или необычного. Ни в одном наставлении по стрелковому оружию (или артиллерийскому делу) не найдется веле-речивых фраз типа: «После воспламенения заряда расширяющиеся пороховые газы выбрасывают из ствола металлическую пулю с такой-то скоростью». Есть вещи, которые сами собой подразумеваются, да тому, кто учится стрелять из пистолета или автомата, нет необходимости знать такие премудрости. Так и здесь. Гораздо интереснее цель, для которой эта армада предназначена.

По паролю «Боевая труба» сотня космических аппаратов стартует, рассредоточивается на суточных орбитах вокруг Семела высоко за пределами его атмосферы — и в случае поступления пароля «Гром небесный» поливает каждый квадратный ноготь поверхности планеты своим излучением. Бесстрастное многозначительное уточнение: «Стопроцентное уничтожение биосферы Семела гарантировано». Полный аналог систем боевых орбиталов Империи «Пожар» и «Беззвучная гроза», отличие только в том, что в случае отсутствия Яны системы может запустить Канцлер, а с недавних пор, в случае отсутствия Канцлера, вице-канцлер Сварог. В случае «отсутствия» и Сварога полномочия уже никому не делегированы. Ну, а хелльстадскими паролями распоряжается только Фаларен, а теперь только Сварог, и никаких заместителей по нисходящей не предусмотрено, здесь столь абсолютная монархия, что абсолютнее и не бывает.

Ни единого отчета о боеготовности армады, но это ничего еще не значит: ни один предмет, произведенный в Хелльстаде, за тысячелетия нисколечко не ветшает, без разницы, идет ли речь о прозаическом стуле или о сложнейших космических аппаратах. То же касается и всего, что сделано до Шторма: и гостиница военных моряков, и монорельс выглядят так, словно построены вчера.

Из педантичности, необходимой в подобных случаях, Сварог без помощи не допущенных к секретной части Обезьянов после короткого размышления составил и отправил запрос. Он опасался, что запрос придется переделывать, но первым же выстрелом угодил в яблочко, почти моментально пришел ответ из хранилища, что армада пребывает в том же состоянии полной боевой готовности, в котором находилась в момент создания.

Теперь станция «Зенит» — точнее, центр управления системой датчиков, наблюдателей за Семелом, система защиты номер один. Таких систем в Хелльстаде две. «Вектор» противодействует любому технотронному воздействию Империи на Хелльстад, от попыток электронного или иного шпионажа до ударов излучателями, в том числе и самыми мощными, вроде «Белого шквала». Все попытки старательно фиксируются, и моментально о них докладывается королю. За время восседания на хелльстадском троне Сварог получил четыре таких рапорта. Дело рутинное, даже скучное и нисколько не опасное — всякий раз, когда яйцеголовые из Магистериума изобретали новое средство наблюдения за землей, его первым делом обкатывали на Хелльстаде — и каждый раз безуспешно. Сварог относился к этому философски (чем бы дитя ни тешилось) и ни разу не устраивал Канцлеру (с чьей подачи соблюдается вековая традиция) никаких демаршей.

«Вектор», судя по номеру, был все же второстепенным — а приоритет отдавался «Зениту». Именно его сообщения стояли на первом месте — в случае, если защитная система «Зенита» окажется пробита посредством... Черт его знает, посредством чего — вместо кодового названия орудия вторжения стояла длинная строчка из математических и физических символов, перемежавшихся группами цифр. Сварог послал запрос, но изложенных простым человеческим языком объяснений загадочной строчки в памяти секретной части не оказалось.

Ему пришло в голову, по аналогии с Радиантом, что и здесь речь идет о «ручейках Кондери», и он сторяча

послал запрос, но получил, уже опомнившись, вполне ожидаемый ответ: «Данный термин неизвестен». Ничего удивительного: речь идет о чисто имперской терминологии, а здесь, как он уже давно убедился на других примерах, в употреблении другая, своя. И бесполезно спрашивать, как здесь именуются «ручейки Кондери», если только это понятие в ходу: компьютер попросту не поймет, о чем его спрашивают...

Между прочим, за все время существования «Зенита» не случилось никаких попыток вторжения с помощью той неведомой силы, для защиты от которой «Вектор» и предназначен. А вот хамских попыток нарушить суверенитет Хелльстада, испытывая новые средства шпионажа или новые боевые излучатели, зафиксировано более двух сотен. И, тем не менее, «Зениту» с самого начала отдан приоритет перед «Вектором». Вывод напрашивается сам собой: по каким-то неизвестным, но безусловно веским причинам главную угрозу Фаларен усматривал именно что в Семеле, хотя она ни разу себя не проявила. Однако сигнал «Боевая труба» должен был последовать сразу после сообщения «Зенита» о прорыве его защиты — а вот каких бы то ни было планов действий против Империи, как Сварог очень быстро убедился, никогда не имелось и не разрабатывалось. Поневоле думается, что продемонстрированное тогда Сварогу пренебрежение Фаларена к Империи имело под собой кое-какие основания. Главным, настоящим, серьезным противником Фаларен считал исключительно Семел. Нужно ли Сварогу принять эту точку зрения вместе с прочим наследством? При том, что он понятия не имеет, что дало его предшественнику повод именно так и думать.

Нужно пока что воздержаться от скоропалительных выводов — работа только началась, не расшифрованных иксов и игреков в этом сложном уравнении гораздо больше, чем ясных и понятных цифр. Об одном следует помнить: это гораздо позже у Фаларена сорвало крышу и бросило в дикую манию величия. Во времена «Бешеного Жнеца» и «Зенита» он, несомненно, пребывал в здра-

вом рассудке и вряд ли стал бы шарахаться от призраков и всерьез относиться к миражам, надуманным угрозам.

Дальше... «Исход» крайне напоминал грянувший в свое время «Журавлиный клин», проведенную за полчаса полную эвакуацию ларов на Сильвану, но размахом не в пример превосходил. По паролю «Исход» Талар должен был покинуть в е с ь Хелльстад, превратившись в грандиозно увеличенное подобие летающих замков ларов. Система неких агрегатов, пребывающих и сейчас в готовности, обеспечивала бы летающее королевство кислородом и удерживала бы его силовым полем. На месте Хелльстада осталась бы полностью совпадающая с его границами ямища, гигантский котлован глубиной в двести уардов, именно такова была толщина «фундамента». Пароль актуален и сейчас. Одно существенное отличие: Сильвана изначально была конечным пунктом, а летающий Хелльстад должен просто выйти за пределы атмосферы Талара, в космическое пространство — и ждать дальнейших указаний короля (система космической навигации учитывает, в отличие от «Краткого курса», реальное положение в пространстве Талара и Семела).

А вот «Синеглазое чудо» оказалось поганой пустышкой, которую Сварог тут же брезгливо стер. План похищения Яны во время ее очередной каталаунской охоты — но недоработанный до конца, последний раз Фаларен им занимался за два дня до появления в Вентордеране Сварога.

На этом секретная часть исчерпалась. Какое-то время Сварог сидел в задумчивости, подперев подбородок большим пальцем, держа меж указательным и средним незажженную сигарету. Было о чем подумать после знакомства с секретами — есть опасения, далеко не последними секретами Хелльстада, к которым пока не подступиться.

С точки зрения военного человека, «Бешеный Жнец» и «Исход» имели одно-единственное объяснение: силы Фаларена и его невидимого противника с Семела примерно равны. Вздумай Франция оккупировать незадажное княжество Монако, она не стала бы посылать

и одну-единственную роту. Княжество занимает всего-то полтора квадратных километра, а в качестве вооруженных сил имеется аж дюжина полицейских. Достаточно высвистеть пяток храбрых десантников, выставить им ведро бургундского и вручить по штакетине — и не позднее чем через четверть часа Монако с незалежностью расстанется. И наоборот: СССР и США нацелили друг на друга тысячи ядерных ракет, держали под ружьем миллионные армии. Так и здесь: располагая средствами вмиг уничтожить все живое на Семеле, Фаларен всерьез ожидал не менее сокрушительного удара (возможно, превентивного) — и озаботился превращением Хелльстада в этакую спасательную капсулу.

Вот только кое-что не складывалось...

— Седьмой, — сказал Сварог, — были ли попытки со стороны... внешних сил, но не имперских, исследовать Талар и Хелльстад в частности так, как это было в свое время проделано с Семелом королем?

Он был чуточку горд собой: научился предельно точно формулировать вопросы Обезьянам.

— Нет информации, — прилежно доложил седьмой.

— Были ли попытки со стороны внешних сил, но не имперских, вторжения в компьютерные сети Хелльстада?

— Нет информации.

Довольно странно. Обе стороны, словно свято соблюдая некий пакт о ненападении, четыре тысячи семьсот лет не предпринимали попыток шпионить друг за другом. Что с точки зрения военного человека довольно странно: ни вооружение, ни технические средства разведки не стоят на месте, развиваются и совершенствуются. Советских и американских разведывательных спутников вертелось вокруг Земли неимоверное количество, бороздили моря целые эскадры кораблей радиоэлектронной разведки, космонавты и астронавты занимались отнюдь не одними мирными научными исследованиями. На Той Стороне соперничающие державы вели разведку против соперников... Не было столь ярко выраженного вооруженного противостояния — но суть дела остается неизменной. Ни один пакт о нейтралитете не отменя-

ет разведывательной деятельности его участников друг против друга — а здесь обстоит совершенно иначе. То, что с полным основанием можно назвать вооруженными силами и средствами технической разведки Хелльстада, словно законсервировалось на некоем уровне на без малого пять тысяч лет... быть может, так обстоит и с Семелом, о чем обе стороны прекрасно знают? Рано делать выводы, не располагая полной информацией...

— Седьмой, кроме проекта «Зенит», существуют какие-то средства наблюдения за Семелом космического базирования?

— Нет информации.

Значит, и хелльстадских спутников-шпионов нет. На беспечность это никак не похоже — скорее уж на некое точное знание. Больше нет необходимости просиживать штаны за компьютером, это ничего не даст. А вот единственный свидетель событий...

Решительно выключив свой компьютер, Сварог бесцеремонно взял Мяуса за шкуру и поставил на стол почти напротив себя, меж двух компьютеров. Золотой Кот послушно остался стоять там, где поставили. Роботы не имеют понятия о бесцеремонности, как и прочих человеческих эмоциях, — а вот дисциплина у них на высоте. Мяус бесстрастно сообщил как-то: «Его величество, будучи в состоянии, именуемом у людей „нетрезвым“, порой передвигался по Вентордерану, неся меня за хвост...»

— Мяус, что тебе известно о проекте «Бешеный Жнец»?

Мяус старательно отбарабанил все, что Сварог только что прочитал в секретной части — и Сварог его не обрывал. Когда Золотой Кот умолк, спросил:

— А о проекте «Исход»?

И снова выслушал изложение соответствующего пункта секретной части.

— А ты сам располагаешь какой-то связанной с Семелом информацией, которой нет в секретной части?

— Нет, государь, за одним-единственным исключением: у меня с самого начала был приказ: информация

станции «Зенит» об описанном выше вторжении, то есть о том, что защитные системы пробиты, должна поступить одновременно королю и мне. Если король пребывает в состоянии, именуемом у людей «сон», мне следовало непременно это состояние прервать и доложить о случившемся. Поскольку приказ не отменен, он меня обязывает точно так же поступить и с вами.

— Значит, пароль «Боевая труба» может дать только король?

— Именно так.

— И никакого автоматического приведения в действие «Бешеного Жнеца» нет?

— Нет, государь.

Невозможно отделаться от впечатления, что Фаларен не считал вторжение столь уж смертельной угрозой. Определенно полагал, что некоторый запас времени у него имеется: пока Мясус его разбудит (а если он дрыхнет беспробудным сном, будучи мертвецки пьян?), пока доложит, пока Фаларен примет решение, пройдет, как ни крути, несколько минут. Никакого автоматического приведения в действие «Бешеного Жнеца». И это похоже не на беспечность, а на точное знание — что угроза не смертельна, что время на ответный удар есть. Между тем сам Фаларен способен за считанные минуты ничто уничтожить биосферу Семела, и нисколько в этом не сомневается.

Интересный и своеобразный у Талара и Семела вооруженный нейтралитет, кое в чем решительно противоречащий изученной Сварогом на Земле военной науке, чуточку иначе должны вести себя стороны, располагающие подобным оружием и средствами разведки. Или здесь все обстоит в полном соответствии с другими правилами военной науки, пока что Сварогу неизвестными? Скорее всего, так оно и есть.

Бессмысленно и даже вредно гадать при том количестве информации, которой он пока что располагает, — донельзя скудным... Отодвинув кресло, Сварог встал, снял со стола Мясуса, поставил его на пол и сказал:

— Пошли. Седьмой: режим ожидания.

— Принято, — бесстрастно откликнулся Седьмой.

Экраны один за другим гасли, Золотые Обезьяны, не нуждавшиеся во сне и отдыхе, спокойно ждали новых приказаний, что длилось тысячелетиями. Сварог вышел в коридор, сопровождаемый М्याусом. Остановился у высокого стрельчатого окна с раздвинутыми тяжелыми портьерами, смотрел на Семел, не в состоянии определить свои ощущения, знал только, что к приятным они — безусловно — не относятся. Ничего нет приятного в том, что Талар, как оказалось, которую тысячу лет пребывает под прицелом неведомой чужой силы, способной принести беды хуже Шторма, а то и почище. Именно что весь Талар — не зря же Фаларен превратил Хелльстад в личную спасательную шлюпку? С Радиантом в свое время обстояло совершенно иначе, угроза, которую он представлял для Талара, была неизмеримо слабее, и все его замыслы удалось вовремя выявить и блокировать...

Возвращаясь к Яне не следовало. Она знала Сварога даже лучше, чем он ее, и, чуткая натура, моментально поняла бы, проснувшись, что состояние у него какое-то неправильное. Вряд ли так уж точно определила бы эту смесь зажатости и тягостных раздумий — но всегда понимала: его что-то гнетет. Ничего, она не увидит необычного в его ночных бдениях в Вентордеране, такое не раз случалось — а уж утром он будет мнимо безмятежным и спокойным, и до поры до времен она тревожиться не станет...

Остановившись у резной двери своей комнаты, он приказал М्याусу:

— Если поступят сведения о пробитии защиты, вообще о постороннем воздействии, не относящемся к имперскому... В первом случае — будите меня немедленно. Во втором — дайте команду Седьмому все старательно фиксировать.

Мяус ответил, как обычно в таких случаях:

— Будет исполнено, государь.

Дверь Сварог оставил приоткрытой ровно настолько, чтобы М्याус мог пройти — среди умений Золотого Кота

не числилось навыка открывать двери с высоко для него расположенными ручками (Интересно, как он должен был будить Фаларена, никогда не оставлявшего для него щелочки? Испускать вопль громче паровозной сирены, способной и мертвого поднять? Не стоит спрашивать — это уже совершенно не интересно)...

Ну что же, он сейчас выглядел той самой пуганой вороной, что шарается от каждого куста. Пока что он не совершил ровным счетом ничего, способного встретить неведомых обитателей Семела, четыре тысячи семьсот лет как-то обходилось. Но ничего не мог с собой поделаться... Положа руку на сердце, грустный массараکش оказался нешуточным потрясением, выбившим из равновесия.

Первым делом он послал мысленный приказ — и тяжелые портьеры двух высоких стрельчатых окон с тихим шорохом исправно и плотно задернулись. Глаза бы сейчас не смотрели на Семел... Аккуратно повесил на спинку кресла камзол, выложил на ночной столик обычный портсигар и портсигар в кавычках, снял сапоги и по рецепту, давным-давно полученному от отца Грука, не в первый раз приготовил волшебный эликсир, способствующий работе мысли, — все необходимое нашлось в шкафчике из силванской березы. Хрустальный стакан на треть больше, чем привычный советский граненый. Две трети выдержанного келимаса, треть отличного черного вина с лирическим названием «Ночной мрак», две мерки каталаунского ежевичного сока. Старательно размешать ложкой (в данном конкретном случае массивной золотой с хельстадским королевским гербом, с некоторых пор заменившим прежний силуэт Вентордерана). Употреблять стаканами — душевного веселья ради, а для стимуляции делового мышления — глоточками, пусть и не воробыиными. Сварог этому научился у отца Грука: лесной пастырь более всего уважал добрый нэльг, но и прочее спиртное мимо рта не проносил, и в том числе коктейли, называвшиеся здесь «разноцветное питье».

Обретя желаемое, Сварог полулежал на мягчайшей постели, прихлебывая по глоточку, и думал серьезные мысли.

О фальсификациях типа «Краткого курса» и прочего сейчас задумываться не следовало — это дело десятое. Неизмеримо важнее другое: неопровержимо установлено, что Семел обитаем, пусть даже его неведомые жители не питают злокозненных замыслов и не собираются ударить первыми, они безусловно располагают могуществом, не уступающим хелльстадскому, а то и имперскому. До сих пор сохраняется, есть все основания думать, вооруженный паритет, возможно, оформленный устным договором о ненападении — но до сих пор на боевом дежурстве и «Бешеный Жнец», и станция «Зенит». Фаларен в прошлой жизни был профессиональным военным, знал, что делает.

Итак, перед Сварогом нешуточная угроза, которой следует заняться в первую голову, без малейшей спешки, семь раз отмерить. Кое-какой план действий уже имеется, приводить его в жизнь следует завтра же — чисто техническую его сторону, а остальное отложить до вечера: Канилла и Гарн с утра будут на заданиях, как и Элкон, и не стоит их оттуда срывать, не горит. Нужно, как бы ни свербил, дожидаться, когда соберется Ассамблея Боярышника. А пока...

Он неторопливо встал, вышел в коридор, не обуваясь (все равно чистота здесь стояла лучше кремлевской), спросил Мяуса:

— Ты фиксировал визитеров в Вентордеран?

— Конечно, государь, всех до единого, с момента моего здесь появления и до нынешнего дня. Это входило в мои обязанности, иногда такая информация требовалась королю. Правда, такого давно не случалось, но приказ не отменен.

Учитывая, что одно время Фаларен принимал немало гостей, сведений о них должно было накопиться прилично. И все же Сварог спросил для надежности:

— Сколько времени отнимет устный доклад?

— По расчетам, несколько часов, государь. Всех до единого визитеров полагалось фотографировать, а иногда и вести видеосъемку.

И как прикажете поступить? Приказать выбрать из всех визитов только н е о б ы ч н ы е? Сварог задал пару вопросов и получил исчерпывающий ответ. Понятие «необычный» Мяусу оказалось незнакомо совершенно. Посланцы Семела, если таковые к Фаларену заявлялись, могли выглядеть — а то и быть — неотличимыми от обычных гостей. Все общение Фаларена с визитерами (которому Золотой Кот был свидетелем, а ведь часто и не был) Мяус не делил на «деловые беседы» и «обычные разговоры», не имея соответствующего приказа. Так что многие из встреч с равным успехом могли оказаться и переговорами с посланцами Семела, и общением со шлюхами...

— Вот что, — сказал Сварог. — Свяжись с Седьмым и с его помощью составь отчет обо всех, абсолютно всех визитах. Можешь?

— Разумеется, государь. В какой форме прикажете подготовить отчет? По моему рассуждению, лучше всего в электронной, чтобы вам не пришлось вручную перебирать изображения, это отнимет гораздо больше времени.

— Валяй в электронной, — кивнул Сварог. — Отчет подашь завтра утром, когда я проснусь.

— Прикажете приступить?

— Приступай.

Мяус застыл, в глазах заплескали золотистые искорки — связался с Седьмым. Делать здесь больше было нечего, и Сварог вернулся в спальню. Разделся, допил стакан, погасил свет и приготовился уснуть в любимой позе — сунув руки под мягчайшую подушку, прижавшись к ней щекой. Был чуточку горд собой — ограничился одним стаканом, до алкоголизма по-прежнему далеко, да и в случае чего лечится он в Империи моментально...

Сны снились странные, с неожиданно открывшимися невеселыми истинами.

СНОВА О НЕБЕСНОЙ МЕХАНИКЕ

Приходилось в очередной раз вспомнить строку из песенки, которую Сварог сюда приносить не стал — даже если после нешуточных трудов подыскать здешние аналоги Кремля, Босфора и чека, песня многое потеряет, да и не стоит горбатиться, проще брать те, что не требуют ни малейших хлопот. И помнить, что в Ассамблее русским владеют немногие, так что оригинал большинству будет непонятен.

*Ах, как звенела медь в монастыре далече!
Любовь и бедность навсегда
меня поймали в сети.
По мне и бедность не беда,
не будь любви на свете...*

Вот с этим шлягером было гораздо проще — после перевода (с которым вновь блестяще справился один из придворных поэтов, давно поднаторевший мастерски рифмовать то, что излагал белыми стихами король Сварог), а Элкон уже в два счета синтезировал голос певца, так никогда и не узнавшего, что он пел однажды на чистейшем таларском языке. Музыку Сварог тоже беззастенчиво позаимствовал из бессмертной кинокомедии, и она удачно легла на мелодию чегерета.

*...Ну почему жестокий рок —
всегда любви помеха,
и не растет любви цветок
без славы и успеха?..*

И Ассамблея Боярышника почти в полном составе безмятежно отплясывала чегерет — этакую смесь быстрого менуэта с медленной кадрилию. А Сварог почти так же безмятежно сидел в уголке на своем любимом месте и потягивал из пузатого бокала с наведенным золотом гербом Вердианы «Золотой ремень». Чем насколько не нарушал веселья — чегерет не требовал ни пар, ни четного числа танцующих.

Он всегда отдыхал здесь душой, даже теперь, когда перед ним встала грандиозная, мрачная и опасная тайна. На кого ни глянь, безмятежно веселятся довольные жизнью люди, не отягощенные тяжкими раздумьями и невзгодами, а также лишними сложностями (служебные обязанности некоторых не в счет, они остаются за порогом). Все у них отлично, все счастливы и веселы.

Обе дочери Интагара появляются в Ассамблее редко — но исключительно потому, что тетешкаются с едва начавшими ходить первенцами, не проверяя их мамкам-нянкам, а мужья из солидарности сидят дома.

Томи, разумеется, с Лемаром — Сварог давно ради нее примирился с присутствием герцога и смотрел на него уже без всякого раздражения. Все у них ладно — Томи так и обитает в особняке Лемара, к чему придворные привыкли и перестали о них злословить, видя устоявшуюся пару, каких при дворе хватает. Бывший енот-потаскун до сих пор ей не изменяет — ну, почти, порой в глубокой конспирации все же заводит короткие походно-полевые романы со своими юными подчиненными, здешними комсомолочками из Лиги Юных Сподвижниц Короны. К чему давно повзрослевшая Томи относится примерно так же, как относилась Мара к схожим эскападам Сварога. Три раза брала Лемара с собой, когда летала навестить родителей. Те, в свою очередь, относятся к тарарскому любовнику дочери грустно-философски — они никак не из тех фундаменталистов, замшелых консерваторов, рев-

нителей старины, что когда-то готовились дать Сварогу бой на Агоре, окончательно превратившейся в скопище кухонных болтунов, наподобие советской интеллигенции, не к ночи будь помянута. И понимают, к тому же, что доченька уж не юная вертихвостка, а лейтенант гвардии на серьезной службе, с двумя наградами. Мать держит Лемара на некоторой дистанции, ограничиваясь ровной вежливостью и не поддаваясь его злодейскому обаянию. Зато отец, неглупый, но во многом бесхитростный служака, капитан из штаба гвардейских корветов, посиживает с герцогом у камина за столиком с бутылками — оба к тому же любители анекдотов с картинками, каковые друг другу и рассказывают в отсутствие дам. Главное, Томи успокоила родителей, заверив, что замуж за сердечного друга идти не намеревается, никаких незыблемых законов нарушать не собирается, и в мыслях нет. Так что у них все прекрасно, ни единой черной тучки на безоблачном ясном небосклоне...

Вердиана, как всегда, танцует грациозно и увлеченно, ее чуточку отрешенная улыбка неподдельно радостная. Впору тяжело вздохнуть, но это не поможет. Провалились все попытки Сварога и Каниллы деликатно подставить ей очередного кандидата в сердечные друзья. Лейтенанта Баулдера она вежливо, но решительно отвергла, и гланец после объяснения добровольно покинул Ассамблею, до сих пор печален, хотя прошло немало времени — зацепила всерьез. Та же участь быстро постигла кадета-капитана Черных Лучников и молодого способного чиновника Казначейства, по заслугам уверенно делавшего неплохую для его лет карьеру. Все трое были недурны собой, умны и остроумны, неглупым девушкам с ними интересно. Финансист даже недурственные стихи пишет, правда, печатать их не рвется, считая это несолидным для человека на столь ответственной службе. И тем не менее... После третьей неудачи Сварог с Каниллой признали свое поражение и отступились от дальнейших попыток. И прежние отношения с Вердианой продолжались. Душевного спокойствия Сварогу прибавляло то, что Вердиану они полностью устраива-

ли, она ничуть не грустила и жаждала одного — чтобы так продолжалось и дальше. Яна ничего не знала, а знала ли вездесущая и всезнающая Канилла — вопрос дискуссионный. Даже если и знала, с нее станется, ни разу не дала этого понять, и взглядом не упрекнула. Должно быть, понимала, что иные виды психотерапии — процедура нестандартная, могут затянуться надолго...

Элкон с молодой женой — судя по стройной талии Элины и тому, что он не спешил уведомить о радостном событии близких знакомых, пока что не ждут прибавления семейства. Сварога это только радовало — с позиций отца-командира, вынужденного быть рациональным и практичным. Элкон занимает два серьезных поста, в некоторых отношениях незаменим — а как показывает опыт из всех областей жизни, появление ребенка чуточку его отвлечет от служебных дел, и это чуточку категорически неприемлемо, особенно после вчерашних событий, для всего мира прошедших совершенно незамеченными, но вскоре они должны затянуть в свою орбиту узкий круг посвященных, которым придется выложиться, как никогда прежде.

Барон Гарн с молодой супругой. Сам Гарн, хотя и не выдает это ни словом, ни лицом, танцульки и развеселые вечеринки оставил, получив диплом, и поступил на службу, что стало еще одной причиной для медленно растущего разлада с первой женой, страстной любительницей всевозможных увеселений. Айла же по молодости лет танцы и прочие развлечения обожает и быстро освоилась в Ассамблее. И Гарн, конечно же, не подает вида, что ему здесь скучновато...

А вот и Бетта со своим юным рыцарем — изволите ли видеть, решившая пожениться в будущем парочка. Сварог наблюдал их здесь впервые, однако отметил, что держатся они уверенно. По докладу Каниллы, в первый свой вечер здесь они явно опасались, что с ними будут держаться покровительственно, как с сопляками, — но заранее проинструктированная Каниллой Ассамблея с самого начала вела себя с ними как с равными, и юная парочка быстро успокоилась.

Парнишку Сварог лицезрел своими глазами впервые, но впечатления были самыми положительными: держится и с Беттой, и другими безукоризненно, выглядит чуточку старше своих лет, веселый, короткая военная стрижка — так часто стригутся подрастающие сыновья офицеров, и для кого-то эта прическа остается на всю жизнь. В прошлый раз, окончательно освоившись, долго целовались на темном балконе, не подозревая о способности иных здешних лакеев наблюдать так, будто они невидимки (конечно, они по приказу Каниллы наблюдали только за Беттой и ее кавалером, как ведут себя взрослые пары, никого интересовать не должно). Ну, что же, в их возрасте с поцелуями в темных уголках приходится смириться. И все равно, будет время, надо поговорить с его отцом — два взрослых человека, отец и опекун, просто-таки обязаны обсудить сей юношеский роман... И просчитать его развитие и возможные последствия, не обязательно отрицательные.

Вопору испытывать чувства сродни отцовским. На жизнь многих сейчас беззаботно танцующих здесь оказал нешуточное влияние не кто иной, как он. С его подачи вихрастый парнишка Элкон стал отличным специалистом девятого стола и восьмого департамента — капитан гвардии, награжден, женат. Почти так же обстоит и с Каниллой Дегро, разве что чин поменьше и брачными узами не связана. И Гаржака он вывел в люди, дисциплинировав и его, и Брагерта — вот он, рыжий, отплясывает с Тариной Тареми (роман в разгаре, чего оба не скрывают). И Гарну нашел место в жизни. И Томи с Лемаром свел. Его трудами Вердиана и Бади Магадаль после всех пережитых нешуточных невзгод нашли покой посреди моря житейского (пользуясь старомодным оборотом из одного романа Диамер-Сонирила). А Маргилена и ее муж пребывают в стойкой интимной гармонии — так что граф Дино, представьте себе, давно отринул прежнюю унылую меланхолию, что прекрасно повлияло на его работоспособность. Да и в удачном замужестве обеих дочек Интаргара Сварог сыграл некоторую роль...

Сегодня он в первую очередь думал о Бади, решив не торопиться; сначала дать ей повеселиться, как следует. И легко отыскал ее взглядом, как не впервые, глядя с особенной приятностью. Долгое пребывание в Латеране пошло ей на пользу. Ничего похожего на прежнюю зажатую пуританочку в старушечьих мешковатых платьях до пят и глухих воротах под горло, чуравшуюся тех танцев, где руки партнера лежат на ее талии. З а к о н ч е н н о й модницей она пока что не стала, но решительные перемены налицо: подол платья длиннее, чем предписывает мода, но все равно открывает круглые коленки и великолепные ноги в ажурных алых чулках, какие раньше она бы ни за что не надела, даже под страхом королевской немилости. И вырез наличествует, пусть и не такой смелый, как у остальных. И само платье из светло-розовых кружев — правда, чуточку консервативных, у придворных модниц они гораздо тоньше и ажурнее. Одним словом, другой человек — ничего и не осталось от девушки, получившей суровое средневековое воспитание в неведомом мире. Главное, не бросилась из одной крайности в другую, никакого сравнения с бывшей супружницей Гарна — та освоилась в Империи прямо-таки моментально, вошла в число тех придворных красоток, которых галантно именуют ветреницами, а если отбросить галантность, гораздо хуже...

Учитывая последние события, нужно признать с потаенной улыбкой, что Бади Магадаль вписалась в здешнюю жизнь даже чересчур активно.

Сердечный друг, что сейчас с ней танцует, видный светловолосый парень, студент Латеранского университета, по отзывам профессоров, математик с большим будущим (разумеется, Канилла его приняла в Ассамблею только после скрупулезной проверки силами сыщиков Интагара, которым с некоторых пор могла отдавать приказы от лица Сварога). Отец парня был бароном с поместьем лигах в сорока от Латераны. Однако, как частенько с титулованными случается, оказавшимся на грани полного и окончательного разорения...

И барон, и его баронесса, по отзывам Каниллы и Гаржака, были милейшими, но напрочь лишенными хо-

зайственной жилки людьми. А потому разыгрались события, являвшие собою, пожалуй что, грустную обыденность. Все дела владельцы манора перевалили на управителя и совершенно его не контролировали. Для человека беспринципного и алчного открываются ослепительные перспективы, что и произошло...

Хапал, стервец, где только возможно. Лучшая треть овечьего баронского стада оказалась в его кошарах, десяток коров-удойниц и племенной бычок — в его коровнике, полдюжины породистых лошадей — в его конюшнях. Глядя на старшего, старосты всех пяти деревень тоже своего не упускали, а сметливые крестьяне, видя такое дело, обрабатывали барские поля кое-как, зато на своих трудились, словно мичуринцы. Одно время неплохой доход приносил имевшийся на баронских землях мост, единственный на сто ли вокруг — а потому ездившие на ярмарки в корнате* крестьяне и прочий люд кряхтели, но платили немаленькую мостовую пошлину. Однако кусок земли с мостом три года назад оттяпал сосед, гораздо более оборотистый, — повторилась история Дубровского-папеньки и Троекурова, сосед предъявил убедительные ветхие бумаги, свидетельствовавшие о его правах, и легко выиграл дело в суде, — а баронов управитель проиграл как-то уж подозрительно быстро и не подавал апелляцию в суд провинциария (что позволяло строить на его счет определенные подозрения). Наконец, богатыми залежами свинца, обнаруженными рудознатоками еще при отце нынешнего барона, управитель пренебрегал совершенно, заявив барону, что овчинка не стоит выделки. Более пообтесавшийся в городской жизни прохвост выгадал бы и на этом, подыскав арендатора и смахнув в карман изрядную долю денег, — но управитель, даром что первостатейный жулик, интересовался только тем, что выше поверхности земли (обычная крестьянская психология), а полезные ископаемые не рассматривал как средство наживы.

* Корнат — административно-территориальная единица провинции, примерно соответствующая российскому уезду или американскому округу.

Ежу понятно, что доходы от продажи баронских зерна и шерсти упали резко (да и продажи эти шли через управителя со вполне понятными последствиями). Мостовая пошлина три года до грошика шла в карман соседу, а управитель обнаглел настолько, что резкое уменьшение в баронских птичниках гусей и кур объяснял происками расплодившихся в баронском лесу хищных зайцев (барон, ничего не смысливший в зоологии и никогда не охотившийся, с повадками зайцев не был знаком совершенно, как и его сын-студент, с десяти лет учившийся в Латеране и ставший сугубо городским человеком, принял известие об ушастых птицежорах за чистую монету).

Финансовые прорехи барон попытался заштопать единственным известным благородному господину способом: выдал корнатскому ростовщику ворох векселей и закладные на три деревни из пяти (естественно, вместе с землями). Вернуть долги не было никакой возможности, а управитель тем временем собрался выкупиться на волю за двести золотых — каковое предложение задушенный долгами барон принял с восторгом и уже сел писать вольную.

Тут, на его невезение, молодой барон-студент привез в гости к родителям свою симпатию, которой собирался делать предложение по всем правилам. Гордо показал Бади отцовские владения, сетуя разве что на ополовинивших птичники хищных зайцев (математик сквернейше разбирается в зоологии, и наоборот, узкая специализация — все же бич науки).

Бади не подавала виду, но насторожилась мгновенно — уж она-то с ее охотничьим опытом знала повадки зайцев лучше. К тому же, Сварог прекрасно помнил, что она рассказала о себе: оказалась единственным ребенком, наследников мужского пола не имелось, так что отец, как было принято в том мире, поневоле научил ее азам грамоты, военного искусства и, что важнее всего, управлению помещьем. Она задала несколько наводящих вопросов, сообразила, что дело нечисто, объездила три деревни из пяти, осмотрела в белиуме* роскош-

* Белиум — поселение, не имеющее статуса деревни.

ное по деревенским меркам хозяйство управителя, под благовидным предлогом попросила у сердечного друга кипу хозяйственных документов — и к исходу второго дня окончательно поняла, что к чему.

Разоблачать с ухватками актрисы провинциального театра жулика-управителя она не стала — не та девочка. Оказавшись одна в отведенной ей комнате, достала из кармана таш и связалась с Латераной. На завтра на вимане-невидимке прилетели Канилла и Гаржак, приземлились в ближайшем лесочке, вывели из виманы лошадей и преспокойно приехали в замок. Барон (которому Бади уже приглянулась в качестве невестки) гостеприимно принял ее друзей — в сельской глуши не избалованный визитерами благородный народ вообще гостеприимен.

Наскоро отдав должное гостеприимству (довольно скудному по выше изложенным причинам), трое обаятельных молодых людей поехали на фазенду управителя. Большой гуманист Гаржак сгоряча предложил без затей вздернуть управителя на воротах, но тут же самокритично признал, что поторопился — следовало учинить вдумчивый допрос. На собственном дворе с трясущимся от страха прохвостом провели недолгую, но обстоятельную беседу в три ратагайских нагайки, не обращая внимания на причитания чад и домочадцев — все трое видели и не такое. После чего Гаржак, быстро отыскав в чулане добротную веревку, сноровисто изладил на перекладине ворот петлю, рывкнув рыдающей супружнице, чтобы живенько принесла мыла, чтобы обстояло по всем правилам.

Под этой петлей управителя и принялись вдумчиво допрашивать. Вскоре он, заливаясь слезами и соплями, в главном признался. После чего его на аркане отволокли в замок, и там он перед баронским семейством принес уже обширное покаяние. Барона и баронессу стали отпаивать сердечными каплями — а будущий математик, разъярившись не на шутку (он все же был не мягкотелый гуманитарий), выдал троице карт-бланш на любые действия (он и сам порывался в них участвовать, но Гаржак его быстро убедил остаться в замке, чтобы при-

смаатривать за беспомощно возлежавшими в креслах родителями и суеящимся лекарем — а на деле, чтобы не путался под ногами у специалистов).

Первым делом лихая троица быстренько раскулачила в пользу барона нажитое неправедными трудами хозяйство управителя, оставив ему, впрочем, одну-единственную дойную коровушку — решили, что двое малолетних детишек прохвоста ни в чем не виноваты, и лишать их молока было бы слишком жестоко. Однако немаленькую кубышку управителя увезли в замок — она занимала три большущих глиняных корчаги, так что пришлось позаимствовать у соседа управителя телегу с лошадыю. Времени хватало, солнце еще не поднялось к полудню, так что троица объехала все пять деревень, где собрала крестьянские сходы и ознакомила массы с положением дел, пообещав им много веселого, если будут и дальше спуская рукава кое-как ковырять барскую землю. Пятерых старост и пятерых деревенских писарей сместили и тоже раскулачили — управитель рассказал о них много интересного, все получали свою долю за активное соучастие.

Поскольку, когда они закончили, уже смеркалось, дружеский визит к графу, новому владельцу моста и прилегающего куска земли на берегах речки отложили на завтра. Утром поехали, на сей раз прихватив с собой молодого барона как «полноправного представителя истца» — Гаржак знал законы назубок, чтобы не ломать голову, какие он снова нарушил на королевской службе. Легко догадаться, что ничего похожего на скучную процедуру судебного земельного спора не было. Для не-принужденности беседы Гаржак враз запалил с четырех концов амбар графа с пшеничкой последнего урожая. Зажигательный порошок из арсенала «волчьих сотен» не подвел, заполыхало на совесть. Верхами примчались граф и поддюжины его головорезов из шайки, благолепия ради числившейся личной дружиной. И, словно в невидимую стену, уперлись в две больших золотых байзы, самых доподлинных — наказание за их подделку было таково, что отвращало и самых беззастенчивых аферистов. Как полагается, «право меча и веревки, огня

и воды». Совершенно законным образом Канилла с Гаржаком могли лишить голов, перевешать и перетопить все население провинции, от самого благородного до последнего бродяги, а провинцию выжечь дотла. Жуткие были байзы и выдавались исключительно редко, но Сварог решил, что его особо доверенным людям такие пригодятся и злоупотреблять они не будут.

В отличие от барона с баронессой, деревенских анахоретов, граф часто бывал в Латеране, хоть и не принят при дворе. Так что с ходу понял, с чем столкнулся. И обрел невероятно блаженный вид. Его бандюги проворно разбежались, как и столпившиеся было у пожарища селяне, а графа Гаржак сдернул с седла и принялся допрашивать с помощью таких культурных методов, как плетка и зуботычины, а так же обещание вздернуть на ближайшем суку. Не прошло и квадранса, как граф признался, что «старинные документы» заказывал в Тамирате, городке, печально известном умельцами проделать что угодно, а судейским сунул взятку. После чего был отпущен на все восемь сторон света с дружеским напутствием в виде двух могучих пинков, Гаржака и молодого барона. На фоне всех этих событий визит четырех молодых людей в суд прошел удивительно мирно. Стучавшие по углам зубами судейские в два счета аннулировали принятое в пользу графа решение и восстановили справедливость, а к вечеру граф самолично доставил в замок барона собранную за три года мостовую пошлину, трясясь от страха и уверяя, что тут все денежки до грошика.

И вовсе уж мирной стала поездка в гости к ростовщику — к нему имелось меньше всего претензий, сей субъект с своим ненавидимым многими ремеслом занимался, держа должным образом оформленный патент, и процент брал не выше предусмотренного законом. Он всего-навсего добровольно и с песней добросовестно сожрал баронские векселя и закладные, причем лихая троица была настолько гуманна, что позволила мелко накрошить бумаги в чашку густого мясного бульона и даже сопроводить необычную трапезу бутылкой вина — но не затягивать.

Естественно! Жалоб в инстанции не последовало ни от графа, ни от судейских, ни от ростовщика. Уже позже, в Латеране, Канилла подыскала подходящего арендатора для залежей свинца — тот заплатил неплохие деньги и уже приступил к строительству шахты. Барон с баронессой, убедившись, что проливная на них благодать не приснилась, на Бади едва ли не молились и отчаянно жаждали поскорее увидеть ее невесткой (сама же Бади призналась Сварогу: ей с сердечным другом хорошо, но все же не настолько, чтобы начинать всерьез думать о замужестве).

Кончился танец — и к Сварогу направилась Канилла с виолоном наперевес — его персональным, щедро украшенным золотыми цветами болотного горичвета, черно-лаковым. Такая уж традиция незаметно сложилась: после третьего танца Сварог услаждал слух присутствовавших музыкой и пением (продолжительность концерта зависела от его настроения). Сейчас настроения не было ни малейшего, но не следовало нарушать беззаботное веселье и показывать озабоченность. А потому он как ни в чем не бывало браво ударил по струнам:

— Я разглядываю камень
в испуге:
между датами —
черта,
как след от пули!

След от пули!

След

багряного цвета...

Значит, все-таки

была

пуля эта!

Значит, все-таки

смогла

долго мчаться!..

Именно мрачноватая «Баллада о надгробном камне» как нельзя лучше подходила к его настроению. Вернув виолон Канилле, он показал понятным всем жестом, что на сегодня с него хватит — и публика, состоявшая от-

нюдь не из придворных льстецов, не настаивала. Кто-то весело воскликнул:

— «Морские приключения»!

Его поддержали одобрительным гомоном — это была одна из любимых игр, ей и Сварог иногда отдавал должное.

Закипела веселая суэта: принесли из угла стол, расстелили огромную карту некоего фантазийного моря-океана с россыпью островов и значков, изображавших коварные мели, внезапные шторма и морских чудовищ, опасных и не особенно, из большой коробки доставали фишки в виде серебряных корабликов тончайшей работы, янтарные фигурки чудищ и сундуки с сокровищами, найденными на необитаемых островах.

Бади держалась чуточку в стороне — она многие игры любила, а в «Семь странников» выигрывала чаще остальных, а вот в «Морские приключения» резалась чисто по обязанности, чтобы не отрываться от коллектива — возможно, все потому, что ее неведомая родина была чисто сухопутной державой в глубине континента.

Видя, что наступил подходящий момент, Сварог подошел, коснулся теплого локтя девушки и негромко спросил:

— Бади, можешь выйти со мной на минутку?

Она удивленно вскинула брови, но преспокойно ответила:

— Конечно, ваше величество.

И вышла за ним в широкий, ярко освещенный коридор, стуча хрустальными каблучками, очередным писком женской моды. Пройдя десяток шагов, они оказались на широкой галерее, тянувшейся вдоль выходившей на флигеля и парк стороны «Медвежьей берлоги». Много окон флигелей светилось, несмотря на вечернее время, — дежурная смена нескольких учреждений, имперских и таларских, работала вовсю. Над темными верхушками деревьев сияли в ясном небе звезды и во всей полноте светил стоявший высоко Семел. Посмотрев на него «другим зрением», Сварог увидел ту же самую каротину: от Семела немаленьким пучком тянулись поло-

сы бледно-желтого света, над вершинами деревьев по-маленьку истончавшиеся, делавшиеся все прозрачнее — и наконец, исчезающие совсем.

— Посмотри на Семел, Бади, — сказался серьезно. — Так, как тогда на Тропах смотрела на Нериаду... впрочем, тогда я еще не знал, что и это именно Нериада... Сможешь?

— Конечно, — с тем же легким изумлением сказала Бади, но ничего не спросила. — Сию минуту...

Она подняла лицо к ночному небу и всматривалась не более минуты, потом сказала:

— Ничего похожего на тот случай. Там из одной точки вылетали пучком полосы синего света, неслись к земле, как пущенные стрелы, гасли, им на смену выдвигались новые, и так длилось, пока я смотрела... А сейчас полосы светло-желтые, и они протянулись, словно бы оставаясь неподвижными...

— Это я тоже вижу, — сказал Сварог. — Но только это. А ты тогда увидела и кое-что еще, то, что стояло за светом... Что скажешь насчет э т о г о?

— Сейчас посмотрю еще раз, для надежности. Ага, все то же самое. Ничуть не похожее. Те синие стрелы так и светились злом, что глаза кололо и под черепом неприятно отдавалось. А сейчас ничего подобного нет, нет зла... но нет и тени добра. Оно... это... как бы подходящие слова подыскать... равнодушное, безучастное. Словно дождь или снег. Больше я ничего не могу сказать, — добавила она чуточку виновато. — Ровно столько умею...

— А это нечто вроде явления природы или что-то рукотворное?

— Не знаю, — вовсе уж виновато сказала Бади. — Я такого и в прошлый раз не могла определить, не умею... Я вас подвела?

— Наоборот, очень помогла, — сказал Сварог чистую правду. — Значит, ни зла, ни добра, нечто равнодушное и безучастное, как явление природы. Ну, что ж: пойдем в зал, пока о нас не стали сплетничать игроки...

— Ни за что не станут. Вы же должны знать, что в Ассамблее Боярышника никогда не сплетничают, здесь не

придворный бал, люди хорошие, до пошлых сплетен не опускаются...

— Знаю, — сказал Сварог. — Это я неуклюже пошутил.

— Что-то случилось?

— Честное слово, не знаю, — сказал Сварог чистую правду. — Просто нужно было внести ясность, вот и все...

— Я могу чем-то помочь?

— Я пока не знаю, нужна ли вообще помощь.

— Вы только прикажите, а я уж... все, что в моих силах.

К его облегчению, они были у входа в зал Ассамблеи, и разговор естественным образом прервался. Все толпились вокруг стола, раздавались азартные возгласы, игра в разгаре. Только поодаль одиноко сидел Гарн с бокалом. Все было ясно: и успехи, и неудачи в «Морских приключениях» зависели исключительно от выпавших на костях символов, и корабль Гарна, едва выйдя из гавани, после пары-тройки бросков бесповоротно погиб, напоровшись на дакату или «клятого осьминога», и генерал вышел из игры, что его, ручаться можно, особенно не огорчило... Гарн предпочитал «Странствия шпионов», зависевшие не от слепого случая, а от сообразительности игрока.

Прекрасно, что получилось именно так: все увлечены игрой, а необходимый Сварогу Гарн не у дел...

— Ну что же, Бади, — сказал Сварог как мог беззаботнее. — Можешь посидеть и выпить вина, все равно игру эту ты не особенно любишь, в отличие от «Сильванского ревеня», каковую любовь я с тобой разделяю...

Бади направилась к столику с упомянутым напитком, а Сварог подошел к Гарну и тихонько сказал:

— Пойдемте, поговорим, генерал...

И направился в дальний угол зала — все были увлечены игрой, веселый гомон и стук костей не смолкал, но все равно следовало оказаться как можно дальше от посторонних ушей. Они присели на диванчик в углу, Сварог взял чистый бокал и, не раздумывая, налил себе келимаса с острова Ройре с семью впаянными у горлыш-

ка золотыми цветками морской фиалки, означавшими число лет выдержки. Гарн без колебаний последовал его примеру — что-то, а воздержание от спиртного среди его достоинств никогда не числилось.

Вопросы у Сварога были подготовлены заранее, и он без промедления задал первый:

— Гарн, как у вас в школе обстояло с астрономией?

На Той Стороне астрономия была именно что астрономией, он об этом давно узнал, читая в первые дни тамошние газеты.

Вполне возможно, т а к о й вопрос Гарна удивил, но бывший глава СД, а ныне заместитель Сварога по девятому столу (прекрасно себя зарекомендовавший в этом качестве) оставался невозмутимым и в большинстве ситуаций серьезнее. Его голос звучал ровно:

— Как и со многими другими предметами, командир. Был ближе к отличникам, но не особенно — лишь чуточку ближе, чем к «хвостистам». Твердый середнячок, как большинство класса. Только по истории и логике держал отличные оценки, их-то я любил. Потом успехи в логике помогли в службе. Ну, а что касается астрономии, здесь оставался середнячком. Тогда она меня не особенно занимала, и потом не пригодилась в службе.

— Понятно. А что помните о движении планет и их виде на ночном небе?

— Ну, школьные сведения... Расстояния и периоды обращения забыл начисто, за исключением четырех, входивших в Лигу. Движение по небу остальных помню, как всякий культурный человек...

— И как выглядел Семел?

— Семел? Ах да, у нас он звался Лайр... Выглядел как крупная звезда, разве что в отличие от дальних звезд явственно двигался по небу, не помню, по каким правилам. В сильные бинокли и телескопы смотрелся как желтый кругляшек размером с монетку в пять кобунов.

Расспрашивать, какой именно величины была монетка в пять кобунов, не было необходимости: и так ясно, что и х н и й Семел, то бишь Лайр, обращался по своей орбите, отстоящей от орбиты Талара на многие милли-

оны лиг — быть может, быть может, примерно на том же расстоянии, которое ложным образом приводит «Краткий курс».

— А как вы отреагировали, когда увидели, что Лайр выглядит вовсе не крупной звездой, а огромным диском?

Гарн по своей обычной привычке скупно улыбнулся:

— Откровенно говоря, никак. В первую же ночь мы, понятно, эту величественную картину увидели... собственно, первым увидел ребенок, пошел угощать белку и прибежал с криком: «Папа, мама, посмотрите, что на небе!» Что ж, удивительное было зрелище. В первый раз такое видели. А потом... Понимаете ли, я не интересовался, почему обстоит именно так. Нужно было в сжатые сроки усвоить громадный объем гораздо более важной информации, просмотрел «Краткий курс» и этим ограничился. До сих пор работа, которую вы мне поручили, ни коим боком не касалась астрономии, даже слова такого ни разу не звучало. Разве что...

— Ну-ну!

— Мне однажды пришло в голову, что Лайр находится ближе к Талару, чем это утверждает «Краткий курс» — иначе почему он на здешнем небосклоне так велик? Но подробностями я интересоваться не стал, не до того было в водовороте более серьезных дел...

В точности как я, подумал Сварог, все время отвлекали важные и серьезные дела, не было ни потребности, ни желания всерьез интересоваться небесной механикой... Он спросил:

— Что ваша астрономия знала об обитаемости Лайра?

— Достаточно много. Еще до моего рождения туда летали автоматические зонды, а когда я пошел во второй класс, начались пилотируемые экспедиции. Ничего особенно интересного. Атмосфера близка по составу Четырем Мирам, тамошние люди неотличимы от нас. Вот только пребывали в самом что ни на есть первобытном состоянии: не знали ни прирученных животных, ни земледелия, только в нескольких местах начались первые попытки плавить медь и свинец. Все орудия войны и труда были исключительно из камня, кости и дерева, — он го-

ворил гладко, словно отвечал урок. — Довольно быстро интерес к Лайру сошел на нет: колонизация планеты была делом отдаленного будущего, о ней рассуждали только фантасты — еще не наступило перенаселение, не было нужды в колонизации Лайра. А добыча полезных ископаемых обошлась бы слишком дорого, в ней тоже пока что не было нужды. Интерес к Лайру был, если можно так выразиться, утилитарно-специфическим.

— А конкретно?

— Там были самоцветы и красивые минералы, неизвестные в Четырех Мирах. Из них стали делать украшения, роскошные — для богачей, попроще и поменьше — просто для зажиточных. Ценились гораздо выше, чем обычные драгоценные камни. У первой моей супруги трудами тестя и немного моими их был целый ворох. Были и живые достопримечательности — зверюшки и птицы для богачей, и даже... До сих пор не знаю, как их назвать, рабыни, вероятнее всего. Иные молодые дикарочки были крайне очаровательны, и на них целеустремленно охотились. Но это уже была роскошь, доступная только миллионерам и политикам, — своего рода взятка, ценившаяся выше вульгарных денег или акций. У одних они оставались только служанками, а у других исполняли и другие обязанности...

— И как они у вас приживались? — деловито спросил Сварог.

— За редчайшими исключениями, крайне легко. Представьте первобытную дикарочку, попавшую в мир, набитый, с ее точки зрения, сущим чудесами. Быстро осваивались и примирались со своей участью. А некоторые дамы из высшего света покупали в прислугу молодых мужчин... ну, вы понимаете. Вообще-то, как показали исследования, при соответствующем образовании они кое в каких областях ничем не уступали нам — тот же самый мозг. Другое дело, что этим никто не занимался — рабы стоили очень дорого, у ученых таких денег не было. Редко-редко, благодаря филантропам, они получали в свое распоряжение один-два... экземпляра, и все. Естественно, никто не ставил задачи хоть в малей-

шей степени цивилизовать дикарей — опять-таки кроме фантастов. Как-то я у Айлы от скуки прочитал один романчик. Антиутопия, как это у литераторов называлось. В будущем, отстоявшем от нашего времени примерно лет на триста, к нам привезли пару миллионов лайранцев, сначала их использовали как неквалифицированную рабочую силу, потом их детям в массовом порядке начали давать такое же образование, как нашим. Ну, мозги те же... Когда образованных стало достаточно много, они создали тайное общество и решили захватить господство над планетой, а людей сделать рабами. Автор накропал еще несколько книг из той же серии — о схватке двух рас за власть над планетой, но они меня уже не интересовали, это Айла читала взахлеб...

— И это все, что вы можете рассказать об этих самых лайранцах? — спросил Сварог, когда Гарн что-то уж надолго замолчал.

— Нет, — словно бы после короткого колебания признался Гарн. — Но это чисто личные впечатления, они вам вряд ли интересны...

— Мне сейчас интересно все, — решительно сказал Сварог. — Разумеется не буду настаивать, если по каким-то причинам вы хотите держать это при себе.

— Ну что вы, — усмехнулся Гарн совершенно спокойно. — Там нет ничего извращенного и постыдного, дела житейские, можно сказать... Как мужчина мужчине... У нас тоже была служанка-дикарочка, Верайтила. Обычно их у нас переименовывали — имена у них были длинные, трудные для произношения. Вот и давали более привычные и распространенные. Очаровательная была девушка... — на его лице отразилась характерная мужская мечтательность, сама по себе о много сказавшая Сварогу, но он промолчал. — Сначала она пару лет и в самом деле была только служанкой, не особенно и занятой домашней работой: Шинилла, как и другие великосветские дамы, рабыню держала исключительно для престижа и как знак богатства и положения в обществе, чтобы вызывать зависть тех подруг, которым была недоступна такая роскошь. Потом... Потом у меня и Шиниллы

окончательно испортились отношения... ну, у вас же есть на меня обширное досье. Жили под одной крышей, не разводились, но стали совершенно чужими людьми, иногда неделями не виделись, благо дом был достаточно велик, и мы с Верайтилой, ну, вы понимаете. Возможно, кто-то меня упрекнет, но я и сейчас не вижу в этом ничего постыдного, я ее вовсе не принуждал...

— Я не моралист, — усмехнулся Сварог. — Думаю, на вашем месте я поступил бы точно так же, если между нами, мужчинами...

Гарн облегченно вздохнул:

— Тем лучше. Шинилла, я уверен, обо всем довольно быстро узнала, но ее — да и меня — такое положение дел полностью устраивало. Пару лет продолжались самые тесные отношения, потом я познакомился с Айлой, и они постепенно стали затухать. Верайтила очень обижалась. А там и Шторм грянул... Но вы, наверное, и так все знаете?

— Ну что вы, Гарн, — сказал Сварог. — Вас вовсе не изучали под микроскопом. Об Айле Канилла Дегро узнала совершенно случайно... Возможно, следовало забрать к нам эту очаровательную дикарку, не усмотрели...

— Пожалуй, хорошо, что обернулось именно так, — почти не раздумывая, ответил Гарн, — Нехорошо так говорить, но все же... Она была славная девочка, мне жаль, что она погибла, но если бы она оказалась здесь, получились бы излишние сложности. Это не душевная черствость, что-то другое...

— Это то, что называется «жизнь на грешной земле», — понятно кивнул Сварог. — Иногда все так причудливо запутывается... Ладно, оставим это. Это все, что вы можете рассказать о лайранцах?

— Пожалуй... Что еще? Да, был еще один уникальный случай. Одна дикарочка исключительно благодаря собственным трудам сделала неплохую карьеру и даже приобрела некоторое состояние. Она была служанкой — и не только одного эксцентричного миллионера. Он умер. Обычно наследники либо оставляли лайранок в прежнем качестве, либо преспокойно продавали!

Это делалось совершенно легально. Только наследники этого фабриканта были членами общества за отмену рабовладения. Появилось и такое, действовало исключительно в рамках закона, пыталось доказать, что это низко — держать в рабах и рабынях людей, не отличавшихся от нас ни внешнестью, ни умственными задатками. Общество было немногочисленное, особых успехов не добилося: рабовладельцы его брезгливо игнорировали, а остальным, никогда с рабами не сталкивавшимся, было, в общем, наплевать. Хотя среди образованной молодежи хватало сторонников антирабовладельческих идей. Среди подобных бунтарей, увлеченных какой-то идеей, попадаетса самый разный народ, от мирных идеалистов до экстремистов. Быстро оформилось радикальное крыло, они взорвали несколько бомб...

— Подозреваю, в местах, не имевших никакого отношения к рабовладению? — усмехнулся Сварог.

— Конечно, — кивнул Гарн. — Обычно так и бывает. Однако они убили и нескольких человек, имевших прямое отношение к охоте на дикарей и работорговле. Так что СД занимался этими радикалами... Так вот, к тому времени уже десятка два рабов получили свободу, а с ней и все гражданские права — законы это позволяли. Правда, никто из освобожденных не разбогател и высоко не поднялся, за исключением этой Тейлы, получившей фамилию Каарт, но тут уж чистейшей воды везение: она случайно попала на глаза одному воротиле из шоу-бизнеса, стала звездой респектабельного мужского глянца, даже, как писали бульварные газеты, собиралась за него замуж по его инициативе, но тут грянул Шторм. Самое занятное, здесь должны сохраниться ее фотографии. Можно поинтересоваться у капитана Брагерта...

— Понятно, — фыркнул Сварог.

Брагерт в свое время собрал большую коллекцию красоток с Той Стороны, тех самых звезд респектабельного мужского глянца. С полдюжины из них красовались на стене его кабинета в девятом столе, по поводу чего комендант однажды поинтересовался у Сварога, не есть ли это нарушение устава... С одной стороны,

нет писанных параграфов, регламентирующих правила украшения служебных кабинетов, с другой — красотики самого легкомысленного облика создают самую что ни на есть нерабочую атмосферу.

Вот тут Сварог был с ним решительно не согласен. Ментально вспомнил одну из своих командировок в жаркую Африку, когда две недели взаимодействовал с кубинцами и часто бывал у них в расположении. И в казармах, и в кабинетах офицеров в немалом количестве красовались аккуратно вырванные из «Плейбоя» и ему подобных сеятелей разумного, доброго и вечного снимки красоток, а сами журналы лежали на виду, и отцы-командиры этого совершенно не пересекали. И это нисколько не влияло на рабочую атмосферу: дрались кубинцы, как черти...

В Империи, что правда, такое было не в ходу, — а вот таларские гвардейцы и моряки имели привилегию, которой остальная армия тихо завидовала. В казармах не возбранно висели недорогие гравюры и рисунки самого фривольного содержания, а у офицеров в кабинетах считалось хорошим тоном держать на стенах непременно выполненные красками копии картин известных художников (эротическая живопись на Таларе была весьма развита и порой представлена знаменитыми мастерами кисти). Единственным исключением был маршал Гарайла — у него повсюду висели картины и гравюры с изображениями лошадей.

Примеров этих Сварог приводить не стал, попросту после короткого размышления сказал коменданту: по его глубокому убеждению, подобные украшения кабинетов ничему не мешают, наоборот, поднимают тонус сотрудникам помоложе. Комендант, ходячее олицетворение субординации (хотя до девятого стола в военной службе не был), с ним не стал дискутировать, а вскоре сам повесил у себя неплохую копию «Синеглазой купальщицы» Дамара Тередата — явно по велению души, подхалимство ему категорически не свойственно (оригинал и еще несколько картин жившего лет сто назад знаменитого снольдерского художника висели у Сварога в Латеранском дворце).

Одним словом, кабинет Брагерта остался в неприкосновенности. А через пару месяцев, когда у него завязался-таки серьезный роман с Тариной Тареми, Брагерт сам убрал всех красоток в шкаф и повесил снимок Тарины в концертном платье из программы «Увядающие цветы»...

— Вот и все, пожалуй, что я помню о Лайре и его обитателях, — сказал Гарн. — Что-то изменилось?

Все же умница и твердый профессионал. Это Бади Магадаль бездумно бухнула: «Что-то случилось?» — а Гарн нашел более обтекаемую формулировку, как и подобает генералу спецслужбы.

— Изменилось, — сказал Сварог. — Это все, что я могу сейчас сообщить. У меня мало от вас секретов, просто я не знаю, когда вас придется вводить в игру, а она только что началась, вы прекрасно знакомы с такими ситуациями...

— Разумеется, — сказал Гарн без тени неудовольствия.

Кивнув ему, Сварог отошел в другой дальний угол, достал «портсигар» и просмотрел кое-какие документы из архива проекта «Изумрунные тропы» — как он и предполагал, научные отчеты о Лайре и его обитателях тоже были в свое время из пребывавших в открытом доступе архивов Космической академии Той Стороны.

Там было немало снимков этих самых обитателей — в самом деле от людей Четырех Миров отличаются только примитивной одеждой (ткачества еще не изобрели, обходятся шкурами и плетением из трав), да в обычае некоторых племен разукрашивать лица краской. Скорее похожи на артистов, одетых и загримированных для съемок фильма из первобытной жизни — такие иногда снимают до сих пор, и литература как Империи, так и Талара вниманием первобытных не обходит (главным образом авторы бульварных романов, но есть и серьезные философские романы).

Согласно отчетам, прогресс на Лайре не рвался вперед семимильными шагами, но и не плелся по-черепаши. Многие племена уже не просто лепят глиняную посуду, а научились обжигать ее на огне. Там и сям изо-

бретены и распространяются лодки-долбленки, рыбацкие сети из жил животных вместо прежних плетеных из прутьев вершей, оставшихся, впрочем, в употреблении, каменные, костяные и деревянные орудия достигли большого совершенства, как и выделка украшений. По крайней мере, в шести местах отмечены первые попытки одомашнить нелетающих птиц и зайцев. Проанализировав темпы развития собственных далеких предков, ученые сделали выводы: обитатели Лайра движутся по пути прогресса примерно с той же скоростью. Ну, понятно — «мозги те же»...

Отсюда следует вывод: при спокойном развитии лайранцы за тысячелетия достигли бы нешуточных успехов. Шторм им удалось бы пережить с гораздо меньшими потерями, чем жителям Трех Миров (на одном из которых человечество оказалось вообще стерто с лица земли) — у них попросту не было развитой цивилизации, которую катаклизм сокрушил бы. Но потом пришел апейрон... и неминуемо повлиял неизвестным образом и на лайранцев, как-то ускорил, надо полагать, прогресс — уже через восемьсот лет после Шторма Фаларен счел жизненно необходимым создать «Бешеного Жнеца», абсолютно ненужного против дикарей, живущих в каменном веке, но, надо признать, необходимого против развитой технотронной цивилизации. Чтобы создать систему, способную уничтожить биосферу Семела целиком, должны были быть весомейшие основания. Вряд ли тут действовал принцип «У страха глаза велики» — не зря Фаларен ограничился пассивной защитой против ларов, нисколько не озаботившись средствами нападения — а ведь имел к тому все возможности...

Далее гадать бессмысленно. «Что тут думать, прыгать надо!» Ну, предположим, ситуация ничуть не напоминает бородатый анекдот о тупом прапорщике, но все равно, бессмысленно ломать голову над загадкой Семела, нужно не позднее чем через часок претворить в жизнь задуманный план — конечно, чертовски рискованный, но жизненно необходимый. К тому же, властью вице-канцлера, не требующей санкции Яны, Сварог уже

предпринял кое-какие шаги, продублировав «Бешеного Жнеца» кое-какими системами, основанными уже на боевой мощи Империи.

Убрал «портсигар» в карман — и почти тут же за игорным столом раздались аплодисменты и веселые восклицания. Сварог посмотрел туда: ага, выиграла Тарина Тареми. Еще один случай испытать то самое подобие отцовских чувств: она и на Той Стороне была девочкой с характером, и здесь не подкачала — после пары дней депрессии (как было практически с каждым тамошним жителем, исключая разве что бывшую женушку Гарна), по заверениям Латрока, помаленьку пришла в норму. Графиня, принятая в Келл Инире, хозяйка летающего манора, дает концерты в Империи (где и до того ее песни пользовались успехом), с личной жизнью все прекрасно — они с Брагертом, издали видно, веселы и вполне счастливы. Вообще, творческие люди с Той Стороны адаптировались гораздо быстрее других, ничем не уступая Гарну.

Он поймал на себе пытливый взгляд Каниллы и придал лицу самое беззаботное выражение. Безусловно, не способное Каниллу обмануть. Очаровательная умница, верная сотрудница, к тому же на четвертушку дриада явно уловила некую неправильность происходящего. В Ассамблее Боярышника она беззаботно веселилась, как все остальные, — но в то же время, будучи главой Ассамблеи, зорко следила за «подопечными», как насадка за цыплятами. От нее, несомненно, не укрылось, что Сварог ненадолго выходил из зала с Бади Магадаль — Кани прекрасно понимала, что ни о каком флирте речи быть не может. И должна была догадаться, что его разговор с Гарном не походил на обычную светскую болтовню. Наконец, видела, как Сварог работал с «портсигаром». А ведь никогда прежде он не занимался в Ассамблее делами...

Что ж, так даже лучше. Все равно пора действовать — а Канилле в предстоящей операции отведена одна из главных ролей. Решительно встав с обтянутого синим шелком дивана, Сварог без всякой спешки направился к Канилле и отвел ее в сторонку, что осталось незамечен-

ным всеми остальными: они как раз весело дискутировали, отнести стол назад в угол и потанцевать или сыграть еще во что-нибудь другое (эти дискуссии всегда кончались открытым голосованием, где большинство подчинялось меньшинству).

Спросил спокойно:

— Кани, у тебя наверняка были на этот вечер самые лирические планы?

— Ну да, — Ответила Канилла спокойно. — Мы с Гаржаком не виделись неделю... — и тут же у нее на лице появилось прекрасно знакомое Сварогу выражение. — Значит, все лирические планы летят к черту? Вы про них сказали в прошедшем времени, «были». И Янка так и не появилась, хотя твердо собиралась... И с Бади вы зачем-то выходили, и с Гарном беседовали с очень серьезным видом, и «портсигар» достали, и лицо у вас было напряженное... никогда раньше вы на Ассамблее так себя не вели... Рев боевой трубы, а?

— Он самый, что б ему провалиться, — сказал Сварог. — Ты мне нужна, дело срочное и серьезное.

На очаровательном личике Каниллы не отразилось ни малейшего недовольства — только здоровый охотничий азарт и готовность к бою. И Сварог не в первый раз не без гордости подумал: отличная сподвижница выросла, не без толики его воспитания...

— Сошлись на неотложные дела, вынудившие тебя уйти, — сказал Сварог. — Прежде такого не случалось, но вряд ли кто-нибудь удивится, все знают, где ты служишь. Переодеваться и брать оружие нет необходимости — никакой драки не предвидится, мы летим в Хельстад. Я пошел на посадочную площадку, ступай следом, буду ждать тебя в браганте на обычном месте...

Канилла спросила с самым равнодушным видом:

— Что-то серьезное, командир?

— Есть все основания полагать, что это — Белая Тревога, — тихо сказал Сварог, с радостью отметив, что оба они совершенно спокойны.

НУЖНО ПРОВЕСТИ РАЗВЕДКУ БОЕМ...

За пультами в компьютерном зале Велордерана сидели все трое — но Сварог с Яной оказались не более чем наблюдателями, потому что ничегошеньки не смыслили в α -физике. Работала одна Канилла — за пультом в лихорадочном темпе (нисколько не пошедшем в ущерб делу, так как работали Обезьяны и Золотые Гномы) смонтированных хитроумных агрегатов, аналогичных тем, что стояли в девятом столе, Технионе и Магистерииуме. Ее тонкие пальцы привычно порхали по световой клавиатуре. Легкомысленное зеленое платье — последняя мода Той Стороны — и перстни с крупными сапфирами плохо гармонировали с двойной шеренгой компьютеров, кладезем высокой ученой премудрости, но такими пустяками, ничуть не влиявшими на работу, следовало пренебречь.

Золотые Обезьяны бездействовали в полной боевой готовности — работы им пока что не находилось, как и Мяусу, истуканчиком стоявшему возле кресла Сварога. Экран перед Сварогом — и перед Яной тоже — оставался пока что девственно чистым. Он только раз взглянул на экран Каниллы и, разумеется, ничего не понял в мельтешении непонятных символов, колонок цифр, разноцветных диаграмм разнообразного вида, всей этой

таинственной путанице высокого знания, с которым так лихо управлялась Канилла, — ее лицо оставалось спокойным, сосредоточенным, а значит, продолжалась рутинная работа.

Не стоило пристальным взглядом отвлекать занятого делом человека, да еще такого чуткого, как Канилла. Сварог взглянул на Яну — она сидела тихая, мрачная, задумчивая, так что сердце чуточку щемило, но жалости, к счастью, не было, что отрадно: она не чувствовала ни безнадежности, ни тоски — не тот характер, не та ситуация, не стоит заранее опускать руки, не тот случай...

Яна знала все, что знал он. Сварог решил утром поговорить с ней откровенно, сработала въевшаяся в плоть и кровь воинская субординация: как-никак Яна была Верховным главнокомандующим (хотя в Эдикте об императорской фамилии этот пост именовался гораздо более пространно и пышно), и никак не годилось скрывать от нее информацию, имевшую огромное значение для Империи. Он ни разу не смотрел на себя в зеркало, но Яна, несомненно, прошла те же стадии, что и он. Сначала изумление, да что там, несказанное ошеломление. Когда она познакомилась с «доказательной базой» — смесь ярости и тягостного раздумья. И наконец — упрямая злость и готовность к бою. Она улетела в Келл Инир рыться в личном архиве императоров — и, кропотливо все перерыв, привезла одну-единственную бумагу, но какую! Решение Палаты Пэров, высочайше утвержденное императором: некий герцог Далант, лорд Атеттон приговаривался к вечной строгой ссылке на Сильвану. Сварог давно изучил такие тонкости. Строгая ссылка означала, что ссыльный остаток дней проведет без права выхода за пределы поместья, каждый его шаг и каждое слово будут фиксироваться соответствующей аппаратурой. Обычная ссылка давала свободу передвижения по Сильване, выбор места проживания и даже гражданскую службу. Строгая применялась крайне редко, в исключительных случаях. Формулировка прелюбопытная: «За попытку злокозненно применить оптику

к наблюдениям ночного неба и склонении к тому же двух жителей Талара».

Сварог тут же помчался в компьютерный зал Велордерана, но часовые поиски дали ничтожный результат. Нигде, от Палаты Пэров до самого низшего коронного учреждения, не было ни малейших сведений о лорде Атеттоне, как будто и не жил такой. Нигде не было ни словечка о запрете на применение оптики для «наблюдения ночного неба», так что решительно непонятно, на каком основании Атеттона вообще притянули к ответу, да еще вклеили строгую ссылку. Единственное упоминание о нем — годы жизни и смерти в гербовой книге Гербоводческой коллегии. По этой записи лорд умер холостыми бездетным четыреста тридцати одного года от роду (хотя строгая ссылка разрешает жениться и иметь детей). Причины смерти вопреки обычной практике не указаны. О судьбе двух склоненных к предосудительным занятиям жителей земли нигде никаких сведений нет.

Сейчас бессмысленно гадать, было ли вечное холостячество лорда следствием его собственной воли или результатом негласного запрета. Равно как и гадать, отделались ли таларцы пожизненным заключением в замке Клай, или все для них кончилось даже печальнее. Возможно, и холостяком его оставили для вящего соблюдения тайны — но какое сейчас имеют значение эти подробности? Главное, с человеком расправились беспощадно, больше трехсот лет продержали пусть в комфортабельной и большой, но в сущности, одиночной камере всего лишь за попытку посмотреть в телескоп на ночное небо... А это о многом говорит.

После чего состоялся военный совет из двух человек, больше пока и не нужно. Своих соображений Яна не внесла, всецело одобрив план Сварога и заверяя, что окажет всю возможную поддержку и защиту — обещание, исходившее из уст императрицы четырех миров, самую чуточку прибавляло оптимизма и в этой невеселой ситуации. Решительный разговор по душам с Канцлером отложили до лучших времен, когда появится серьезная конкретика. А когда Сварог привез в Хелльстад Канил-

лу, она оказалась третьей посвященной и прошла те же стадии, разве что в отличие от них двоих она сгоряча прокомментировала ошеломляющие новости конногвардейскими словечками, но быстро унялась, понимая, что солдатской матерщиной делу не поможешь...

Сварог встрепенулся — Канилла, издав короткий удовлетворенный возглас, убрала пальцы с клавиатуры, откинулась на спинку кресла и уставилась в потолок с видом полного довольства собой. Слева на нее с яростной надеждой уставилась Яна. Сварог сгорал от нетерпения, но молчал — никогда в подобных случаях Канилла не тянула длинную театральную паузу.

— Ничего особо сложного, командир, в задачке не было, — сказала Канилла где-то даже и буднично. — Действительно, задачка не из сложных, никакой не ребус. Это «третий ручеек Кондери», никаких сомнений. Уж это-то можно утверждать совершенно точно. Только «ручеек». Радиант излучал импульсно, а здесь мы имеем дело с чем-то стабильным. Ограничивается ли его поведение только такими характеристиками, не знаю — мы до сих пор не изучили «ручейки» полностью...

— Так... — сказал Сварог. — В прошлый раз излучение Радианта периодически несло некую информацию. Тогда вы не смогли ее расшифровать, но точно установили, что она есть. Как теперь обстоит?

— Если только по аналогии с другими, немного изученными... Другого способа все равно нет. В отличие от «пятого» ручейка, «третий» стабилен, проще говоря, пребывает в совершеннейшем покое. Пользуясь ненаучными сравнениями, «пятый» напоминал быстрый горный ручей, а «третий» — как стоячая вода. Если по нему и приходит время от времени какая-то информация, сейчас ничего подобного не фиксируется. Вот и все.

— А как насчет второй части работы?

— Вот тут некоторые подвижки есть. Вывожу вам на экран.

Она коснулась клавиши, и перед Сварогом появились две строчки загадочных символов, перемежавшихся группами цифр, обе строчки содержали равное ко-

личество знаков. Впрочем, загадочными были только знаки верхней строчки, он не знал значения тех, что из нижней, но видел их немало, когда Канилла работала с «пятым» ручейком: излучением Радианта...

— Ага! — сказал он радостно, видя, что совершеннейшим невеждой все же не предстает. — Знаки в нижней — какие-то математические и физические символы, верно?

— Совершенно верно, командир. Сначала я не знала, как к этому ребусу подступиться, а потом пришло в голову: если уж это тоже «ручеек», что, если попытаться перевести эти иероглифы в нашу систему записи? Получилось, с нашими компьютерами все заняло бы гораздо больше времени, но здешние квантовые — чудо! Обратите внимание: все четыре группы цифр в обеих строчках полностью совпадают...

Сварог присмотрелся и кивнул:

— Точно...

— Ну вот. Это — какой-то короткий сигнал, который, надо полагать, может быть передан по «ручейку». Каково его содержание, пока что установить невозможно, получится только зафиксировать, если он последует. Вы же знаете, как обстоит с изучением «ручейков»...

Разумеется, он прекрасно знал. Вульгарно говоря, хреноватенько обстоит, хотя дело и не топчется на месте. Официальная физика во главе с академиком Уртало, корифеем и зубром, как раз и топчется на месте, что академик убедительно объясняет с помощью заумной профессиональной терминологии, от которой не смыслящие в науке слушатели (в том числе Канцлер со Сварогом и Марлоком, чьи интересы лежат в другой плоскости) быстро сатанеют и сворачивают беседу. Марлок сказал как-то: по его глубокому убеждению, и речи быть не может о сознательном саботаже, исключительно о могучей инерции мышления, много раз приносившей немало вреда в самых разных областях науки. Самолюбие Уртало и его коллег, конечно, уязвлено тем, что им утерла нос девчонка-недоучка с двумя классами Лицея, но главная беда совсем не в том... И Уртало, и его спо-

движники со студенческих лет твердо верили, что «ручейки Кондери» — опровергнутая временем теория, заблуждение великого ученого, — не впервые в истории науки случается. Столетиями работали, писали научные труды, справедливо росли в научных чинах и воспитывали в том же духе смену.

Революционные открытия, переворачивающие вверх дном привычную картину мироздания, они физически неспособны впустить в сознание настолько, чтобы полноценно работать в этом направлении. И это хуже всего. Саботаж, в общем, нетрудно обнаружить и пресечь чисто спецслужбистскими методами, но все спецслужбы мира не в состоянии ничего поделаться с инерцией мышления. Представьте географа, жизнь положившего на изучение плоской Земли, обросшего учениками и последователями, создавшего свою могучую научную школу, автора учебников географии, по которым учатся студенты и школьники всего мира, академика пожилых лет. Вполне возможно, он еще окажется в состоянии принять ошеломляющую новость, поверить, что Земля — и в самом деле — шар, но вот решительно не сможет работать дальше с учетом этого открытия. Поздно переучиваться, все его взгляды и способности покоятся на идее плоской Земли, все его труды, ставшие макулатурой, в этом убеждении написаны. Против Коперника выступили лучшие умы своего времени, столпы и корифеи науки, а не одни лишь «невежественные церковники» — среди которых, кстати, было немало людей образованных и ученых...

Нужны другие — молодые: дерзкие, талантливые, достаточно независимые, чтобы не принимать слепо, на веру глаголемое авторитетами, но и достаточно гибкие, чтобы не записывать авторитетов в «старые маразматик». Такие у Сварога в девятом столе есть: перешедший из Магистериума Дальбет, двое магистров, порекомендованных Марлоком, и, наконец, Канилла Дегро. Но их только четверо — которым предстоит практически с нуля, на пустом месте, создать новую научную дисциплину — α -физику. Катастрофически мало. Золотые

Обезьяны бессильны помочь: они великолепные расчетчики, наблюдатели, операторы сложнейших агрегатов и лучших компьютеров, но мыслить в силу своей природы не могут. Берут на себя работу, которую вместо любого из них у людей выполняла бы пара десятков инженеров, лаборантов, техников — и только...

— У меня все, — прилежно доложила Канилла.

И взглянула выжидательно — как смотрела и Яна, вот только в глазах Каниллы не было того напряженно-го, тревожного ожидания, с каким на Сварога смотрела Яна. Скорее уж восторженный азарт юного гвардейского кадета, почтительно взирающего на битого-рубленого полковника в ожидании сигнала к атаке.

Никакой юной бесшабашности — этими детскими хворями Канилла давно переболела. Тут другое. Канилла Дегро — верный и надежный боевой товарищ, отличный оперативник, заслужившая офицерские погоны и награды, хотя порой и дают о себе знать мелкие родимые пятна лихой юности, вроде того случая, что недавно сделал ее первопроходцем «гладильни». Но не более того. Она безупречно выполнит приказ и справится с трудным заданием, пару раз ходила под смертью — но на ней, к ее счастью, не лежит та ответственность, что тяжким грузом легла на плечи императрицы и вице-канцлера, который вдобавок и король королей...

Не годилось медлить. И Сварог, как всегда в такие минуты, не чувствуя ничего, кроме холодной деловитости, спросил Яну (откровенно говоря, чисто для порядка):

— Я начинаю?

Яна молча кивнула с застывшим лицом, и он встал, обычной походкой вышел в коридор. Из роскошного кресла несуетливо, с чувством собственного достоинства поднялся брат Ролан, боевой монах из Братства святого Роха, что был со Сварогом на Нериаде и ходил с ним на Радиант. Как и тогда, он был одет в добротный костюм горожанина средней руки. Невысокий, кряжистый, средних лет, с короткой окладистой бородой, как все монахи. Еще один верный и надежный человек, не раз ходивший под смертью, в этой операции прямо-таки

незаменимый. Невозмутимый крепыш, ровесник Сварога.

Сварог остановился перед ним. Брат Ролан сам не захотел идти в компьютерный зал, сказав просто:

— Лучше я здесь подожду, ваше величество. Ни к чему мне тупо таращиться на непонятную научную премудрость... Вот только! С вашего позволения, скажу: эти железные хранилища знаний и нам бы оказались крайне полезны — очень уж тягомотно каждый раз в бумагах копаться с рассвета до заката...

Сварог ничего ему не сказал, но про себя решил: как только выдастся подходящее время, снабдить компьютерами и Багряную Палату, и все четыре монашеских Братства. Канцлер, как обычно, возражать не будет — лишь бы все было потаенно. Работе на компьютерах подходящих кандидатов быстро обучит Канилла Дегро, у нее прекрасно получится, судя по предшествующему опыту — даже мэтра Анраха, отбивавшегося поначалу и руками, и ногами, в конце концов, мягко и ненавязчиво убедила и обучила...

Не было места ни прочувствованным прощаниям, ни высокопарным словесам — два взрослых человека, привыкшие смотреть в лицо опасности, порой смертельной, все уже сказано... Сварог позволил себе лишь скупой жест прощания, какой с давних пор в ходу у военных, и сказал негромко:

— Храни вас бог.

Брат Ролан ответил привычно:

— Полагаюсь на милость его.

— Мяус, проводи нашего гостя, ты знаешь куда, — распорядился Сварог.

Брат Ролан энергичным шагом направился за проворно семенившим Золотым Котом. Глядя им вслед, Сварог не испытывал ровным счетом никаких особенных чувств: еще в прошлой жизни ему случалось посылать людей на верную смерть. И иные возвращались. А уж здесь... Точно так же и его в той безвозвратно ушедшей жизни порой посылали на верную смерть — а в этом мире изменилось лишь то, что на смертельно опасные

дела он отправлялся исключительно по собственной инициативе.

Не теряя времени, он вернулся в зал, уселся на свое место, тронул указательным пальцем нужный квадратик световой клавиатуры и приказал спокойно:

— Начать операцию «Орбита».

Таковы уж правила: и компьютеру необходимы конкретные команды, вот и пришлось дать операции название. Почти сразу же прозвучал приятный голос, в котором, правда, угадывалось нечто электронное:

— Флотилия стартовала, — и несколькими секундами позже: — Четвертый зонд вышел в заданную точку, флотилия пошла по заданной траектории.

Почему-то голосовые доклады показались Сварогу предпочтительнее букв на экране — и он, не мудрствуя, использовал голос Глаина с «Рагнарока». Не такая уж мудреная и сложная операция началась, оставалось самое поганое порой занятие — сидеть и ждать.

Флотилия идет к Семелу на немыслимой для космических аппаратов скорости — но все равно достигнет цели лишь через несколько минут, потому что это не излюбленное фантастами мгновенное перемещение в пространстве, а всего лишь высокая досветовая скорость. Флотилия невеликая, чего для первой разведки вполне достаточно: стандартный орбитал восьмого департамента, стандартный зонд Фаларена по образцу тех, что уже были использованы (более совершенных подземный завод Хелльстада сконструировать, как выяснилось, самостоятельно не в состоянии), обычный межпланетный брагант, которым управляет киберпилот, а пассажиром сидит брат Ролан. Что же, вновь тот самый случай, когда воюют не числом, а умением, тем более что о каких-либо военных действиях или их подобию говорить рано.

Задача перед зондами поставлена простая: еще на подлете фиксировать все излучения искусственного характера (конечно, только те, что известны бортовой аппаратуре), а потом, войдя в атмосферу, пройти над планетой ниже облаков, на высоте птичьего полета проле-

теть заданное расстояние, ведя чисто оптические наблюдения — а потом, вульгарно выражаясь, улепетывать со всех ног. Для первой разведки достаточно. «Заданное расстояние» — и то сто лиг...

Пятый зонд остается на суточной орбите над Семелом, примерно в тридцати пяти тысячах лиг от него, и задача у него узкая: отслеживать перемещения трех других аппаратов, рассредоточившихся согласно диспозиции над видимой с земли стороной Семела. Информация от них поступает не прямо в компьютеры, а на служащий ретранслятором четвертый зонд, повисший на суточной орбите над Хелльстадом. Если у потенциального противника (будем пока что использовать эту проверенную временем привычную формулировку) есть с в о и средства слежения за Таларом, они могут и не установить сразу, откуда именно стартовали незванные космические гости — с равным успехом они могут оказаться посланцами и Империи, и Хелльстада. Какой-то выигрыш времени обеспечен... Или нет? Черт, ничего неизвестно...

Чтобы не отвлекаться от главного, все заснятое обоими зондами и брагантом, каким бы любопытным оно ни было, будет не на экраны выводиться, а ляжет в память компьютеров, откуда будет извлечено самое большее через полчаса. А главное, первоочередное — миссия брата Ролана...

Сварог как всякий лар мог определить, что столкнулся с чем-то ч е р н ы м, имеющим отношение либо к Великому Мастеру, либо к нечисти рангом гораздо ниже, только оказавшись с таковым или таковой лицом к лицу. Все хелльстадские знания такого положения не изменили. Это на Талар вход Великому Мастеру навсегда прегражден — а по остальным планетам он и его прислужники могут разгуливать невозбранно. Это с Талара оставшиеся без хозяина служители ч е р н о г о однажды припустили наперегонки, так что не осталось ни одного, и Братства, впервые в своей истории оставшись без исконного таларского врага, перенесли всю свою деятельность на Сильвану, ушли на подмогу тамошним сподвижникам — и работы у них еще невпроворот...

На Семеле все иначе. Там может обретаться и Великий Мастер, и его ближайшие подручные, и с в о и черные — в любом количестве. В немалом числе — учитывая, что Семел в двенадцать раз больше Талара.

Чтобы внести ясность, и необходим брат Ролан. Он — из тех, кого называют Видящими, один из самых сильных. Оказавшись в какой-либо местности, он может определить присутствие ч е р н о г о в радиусе лиг пятисот (Грельфи тоже обладала этим умением, но простиравшимся не далее лиг двадцати). Когда боевой монах летел со Сварогом на Нериаду, при подлете, у самых границ атмосферы выяснилась любопытная вещь: этим з р е н и е м (назовем его так за отсутствием других терминов) брат Ролан способен охватить из космических высей в с ю обращенную к нему сторону планеты. Оказалось, то же происходит, когда братья Видящие подлетают к Сильване на корабле ларов, том самом, имеющем вид золотого исполинского парусника. Братства вовсе не держали эту информацию в тайне от Сварога, просто он их о многом никогда не спрашивал — так что в чем-то это напоминало общение с хельстадскими роботами: не задав конкретного вопроса, не получишь ответа...

Так что брат Ролан еще на подлете определит, как на Семеле обстоит с ч е р н ы м и. Это его умение не подводило ни на Таларе, ни на Сильване, ни на Нериаде, следует ожидать, что не подведет и на Семеле. Что-то, а черное зло везде одинаково, подчиняется одним и тем же законам, подобно облакам, дождю или ветру. И не зависит от природных условий планеты — никакой роли не играет, что на двух из них есть зима, снег и морозы, а на Таларе — нет...

Есть вопросы, на которые пока рано искать ответы. Если работа зондов увенчается успехом и какую-то информацию они получают, как поступить — выждать или сразу отправить к Семелу уже полсотни зондов? Если флотилию постигнет судьба зондов Фаларена, чего ждать — появления неких парламентаров или ответного удара? Невозможно отделаться от впечатления, что не-

кие переговоры все же б ы л и. Иначе, почему прошло трое суток между исчезновением зондов и созданием «Бешеного Жнеца» и системы «Зенит»? Иначе, почему Фаларен больше никогда не отправлял новые зонды? Как хотите, а это поведение человека, точно знающего, как обстоят дела...

Как бы там ни было, есть основания не чувствовать себя бессильным. В добавление к «Бешеному Жнецу» Сварог создал вторую эскадру из сотни аппаратов (поскольку условия задачи требуют названия, она получила наименование «Вихрь» — первое, что пришло Сварогу в голову, и он не стал ломать голову, подыскивая другое). Собственно говоря, это было натуральное пиратство: Сварог с помощью Элкона перехватил управление боевыми орбиталями четырех типов, привел их в девятый стол, а там недавно обзавелся кое-какой аппаратурой, с разрешения Яны предоставленной Технионом. И синтезаторы за пару часов изготовили по двадцать пять копий каждого типа (все это время стараниями Элкона поступала куда следует информация, что орбиталы не украдены, а пребывают на прежних местах, на боевом дежурстве). Сотня излучателей — «Белый шквал», «Протуберанец», «Огненный дракон» и «Алый гейзер». Сейчас эта сотня находится в полной боевой готовности на дне залива Паглати и готова стартовать по сигналу, примкнув к «Бешеному Жнецу».

Вот, кстати, еще один вопрос, на который пока нет ответа: зачем в Империи неустанно модернизируются боевые излучатели и на вооружение поступают новые образцы? Для решения прежних задач — всевозможных а к ц и й против замков ларов и уничтожения Талара — вполне достаточно уже имеющихся. Однако «Огненный дракон» поставлен на боевое дежурство два года назад, а превосходящий все прежние модели «Алый гейзер» и вовсе в прошлом месяце. Сейчас на орбите Талара внушительная армада сотни в три орбиталов — для насущных потребностей что-то многовато. Интересная подробность: в каждом из четырех Элкон обнаружил небольшой блок, словно бы «спящий» и не

принимающий никакого участия в функционировании орбитала. И сказал: есть основания думать, что по некоему сигналу именно этот блок возьмет на себя управление и выполнит какую-то задачу, которой нет в бортовой программе. Это позволило продвинуться дальше и выдвинуть еще одну версию: при необходимости Канцлер (а кто же еще?) готов использовать армаду совершенно по д р у г о м у адресу. А это, пожалуй, позволяет не подозревать его в измене, в том, что он — агент вероятного противника. Он просто-напросто держит некоторые крайне важные секреты в тайне от императрицы и своего вице — а это, как сказал бы какой-нибудь судья по уголовным делам, совсем другая статья. Собственно, нет в законах статьи, предусматривавшей бы для Канцлера наказание за сокрытие от императрицы какой бы то ни было важной информации. Канцлер просто-напросто мастерски пользуется прорехами в законодательстве — как, между нами говоря, порой поступает и Сварог.

Еще один вопрос без ответа, самый важный сейчас: что, если последует ответный удар, и защита Хелльстада с ним не справится? Бессильными против Семела окажутся и «Вихрь», и «Бешеный Жнец»? Кто бы на Семеле ни обитал, вряд ли там остановился научно-технический прогресс и застыло на одном уровне военное дело. Так ни бывает. Правда, оптимизма прибавляет то, что Фаларен не мог не задаваться этим же вопросом — однако за четыре с лишним тысячи лет не усовершенствовал и не модернизировал ни «Вектора», ни «Бешеного Жнеца», хотя все возможности к тому имел...

Начался спокойный голос брата Ролана.

— Вижу полушарие целиком (он уже трудами Сварога освоил кое-какую полезную терминологию). Никаких следов ч е р н о г о.

И тут же голос из компьютера:

— Зонды и брагант вошли в верхние слои атмосферы.

И далее докладывает, что флотилия, разойдясь в намеченные точки, снижается. До поверхности планеты двадцать лиг... двенадцать... три... одна... высота

птичьего полета! Брат Ролан сообщает теми же словами: никаких следов ч е р н о г о. Вот и первый успех! Первая тройка зондов Фаларена оборвала связь, будучи на высоте двенадцати лиг, вторая дюжина — едва войдя в верхние слои атмосферы (полное впечатление, что некая система обороны сначала отреагировала поздновато, но вторую флотилию встретила уже на дальних подступах — получив приказ? Поди догадайся...). Все три аппарата уже движутся над планетой в полном соответствии с планом — но до сих пор с ними ничего не произошло, что это, как не успех?

Зонды идут со скоростью опытного путника — не более шести лиг в час. Брагант летит вдесятеро быстрее. Но у брата Ролана свои задачи. Все три аппарата прилежно докладывают о пройденном пути — никто пройденного у нас не отберет... Успех!

— Наблюдаю внизу перемещение существ, по первому впечатлению, крайне похожих на людей, — доложил брат Ролан.

Сварог не стал задавать вопросы: все, что видит боевой монах, снимает аппаратура браганта, гораздо более зоркая, нежели невооруженный человеческий глаз, все данные поступают на пятый зонд, минуя четвертый, а оттуда в компьютер. То же и с двумя зондами.

— Первый зонд обнаружил скопление биологических объектов, в соответствии с программой остановился и начал съемку.

— Второй зонд обнаружил скопление наземных объектов, похожих на искусственные сооружения. Остановился и начал съемку.

И однотипное сообщение всех трех аппаратов:

— Не зафиксировано никаких следов излучений искусственного происхождения, фон естественный на прежнем уровне.

То же самое было доложено чуть раньше, когда флотилия еще не вошла в верхние слои атмосферы. Что ни о чем еще не говорило: совсем недавно на всем белом свете только у прохвоста Брашеро имелись устройства, способные фиксировать «ручейки» и даже наладить

связь с их помощью. Что поделать, невозможно создать датчики излучения, о котором никто не подозревает.

— Связь с первым зондом потеряна. Средствами визуального наблюдения зонд не фиксируется.

— Связь со вторым зондом потеряна. Визуальным наблюдением зонд не фиксируется.

Сварог открыл было рот, чтобы дать команду браганту покинуть планету на максимальной скорости...

— Связь с брагантом потеряна. Визуальным наблюдением не фиксируется. Во всех трех случаях имели место визуальные эффекты, не сопровождавшиеся искусственными излучениями и не вызвавшие изменения фона естественных. Информация передана.

Не было времени поддаваться эмоциям и чувствам. С застывшим лицом Сварог распорядился:

— Четвертому и пятому зондам — самоуничтожение.

И тут же убедился, что команда выполнена. Не осталось ни малейших материальных следов разведки боем — на всякий случай все концы в воду. Не было меня там, гражданин начальник, не верите — обыщите...

Он ждал, глотая дым быстрыми затяжками. В голове назойливо вертелось знакомое:

— Я стою, стою спиной к строю.

Только новобранцы — шаг вперед.

Нужно провести разведку боем.

Для чего? Да кто ж там разберет...

В отличие от героя песни мы прекрасно знаем, для чего была предпринята разведка боем. Но в полном соответствии с песней брат Ролан пошел добровольцем. И не вернулся. Яростно хочется верить, что он не погиб, а взят в плен, но даже если и так, кому предъявлять ультиматум: либо вы освобождаете нашего человека, либо от вашей цивилизации остается один пепел, а планета разлетится на кусочки, которые, в свою очередь, будут уничтожены, чтобы не захламляли Солнечную систему космическим мусором?

Нельзя исключать, что на Семеле полностью уверены, что страшный удар не причинит им ни малейшего вреда, что они от него надежно защищены. Нельзя

вообще утверждать, что там е с т ь кто-то разумный. А поскольку предусмотреть следует все без исключения варианты, н у ж н о учитывать и такой: там нет разумных существ, б о л ь ш е нет, остались некие могучие автоматические системы, тупо выполняющие программу в отсутствие хозяев. Вести с ними переговоры невозможно, как невозможно вести их с грозовой тучей или мареном...

Сварог по-прежнему не допускал в сознание горечи и боли, обретавшихся где-то на дальних подступах. Он далеко не впервые отправлял людей на верную смерть, а потому чувства человека, наделенного таким правом, разительно отличались от чувств мирного романтика, прекраснодушного идеалиста. И еще, до конца боя некогда поддаваться обычным человеческим чувствам.

Он попросту ж д а л. Привычно и осторожно, как распластавшаяся на толстом суку каталаунская рысь. Как всегда бывает в подобных случаях, стрелки часов ползли, как улитки, даже секундная. Прошло восемь минут... девять, десять, а о т в е т к и до сих пор нет, «ручеек» остается прежним, неизменным, никаких сигналов, ни уже известного, ни других с Семела не идет. Значит, нечего рассиживаться. И он сказал громко:

— Ну, будем смотреть, что они там успели заснять...

И вывел на все три экрана запись первого зонда. Приблизил заснятое, смотрел теперь не с высоты птичьего полета, а словно бы из окна второго этажа не столь уж и высокого дома.

Ничего необычного или удивительного. Под ним, совсем близко, шло походом конное войско. Лошади неотличимы по виду от тех, что обитают в трех обитаемых мирах — как и люди. Начищенные кольчуги искусного плетения, металлические шлемы, мечи и кинжалы на поясе, копья с широкими лезвиями. Луков и арбалетов не видно. Сбруя, доспехи и оружие, как и следовало ожидать, чуть отличаются, но вовсе не выглядят чем-то диковинным, поражающим воображение. Примерно так они и отличаются на трех планетах. Что немаловажно: сразу видно — все одного фасона. Значит, и здесь

присутствует своя стандартизация, сделано по единому образцу, а это подразумевает определенный уровень развития, ничего от времени, которое можно назвать ранним Средневековьем. Огнестрельного оружия, даже примитивного, не видно. Обладая кое-каким опытом войны уже в этом мире, он без труда определил, что это воинство ничуть не похоже на конный отряд, возвращающийся после битвы. На кольчугах и шлемах ни следа свежих ударов, не видно ни одного раненого, лица едущих знакомой короткой рысью всадников исполнены характерной дорожной скуки. И, судя по физиономиям, по ухватке, посадке в седлах, это не мобилизованные для очередной кампании неуклюжие землеробы, а вполне даже профессиональные вояки, каких он на Таларе не рассмотрел. Оружие держат и доспехи носят привычно, в седлах держатся уверенно, конями правят умело. Даже если это не простое перемещение войск, если там идет война, всадники на нее, скорее всего, только едут, довольно далеко от бранного поля, иначе выражение лиц было бы другим — навидался, как же, сам однажды войско водил против «белых колпаков» Дали...

Картина вдруг исчезла, совершенно безо всяких световых эффектов, вроде тех, что до сих пор можно увидеть порой на экране исправно работающего телевизора во флотском доме отдыха: только что ехали всадники — и экран опустел.

Второй зонд. Картина в первый момент показалась дикой, странно неуместной — потому что никак не сочеталась с верховыми кольчужниками, ехавшими по пятеро в ряд. Несколько секунд понадобилось, чтобы привыкнуть к увиденному и допустить его в сознание...

Зонд повис над г о р о д о м — не тем, к которому Сварог привык на Таларе, на земле, очень похожим на иные мегаполисы Земли или Той Стороны, наподобие Саваджо или Кардоталая. Высоченные здания, иные четких геометрических форм, вертикальные параллелепипеды, кубы и полушария, другие напоминают взметнувшуюся высоко и застывшую морскую волну, огни большого пожара, витые спирали. Самые причудливые формы, не-

виданные прежде, но все равно казавшиеся знакомыми человеку, видевшему по телевизору города Земли или вживую — два города ларов на Сильване...

Зонд неторопливо поплыл над городом, двигаясь вполовину медленнее, чем пешеход. Широкие улицы, покрытые идеально ровным с черноватым отливом, ряды несомненных уличных фонарей, явные светофоры на перекрестках. У тротуаров (похоже, замощенных разноцветной плиткой в виде ромбов) — сплошные ряды разноцветных обтекаемых предметов, которые не могут оказаться ничем другим, как автомобилями. Чутьочку вычурный мост через широкую спокойную реку — такое впечатление, не старинный, как-то очень уж гармонично сочетающийся с домами — а среди домов нет двух одинаковых и не видно ни одного, в котором можно заподозрить жилой. А впрочем, еще неизвестно — иные стеклянные громады (некоторые даже зеркальные, в них отражаются белые облака, лазурное небо и солнце) могут оказаться и жилыми...

И нигде ни одного человека, ни малейшего шевеления на улицах, набережных, на мосту. Между тем город вовсе не выглядит заброшенным, запустелым, покинутым жителями — нигде ни следа хотя бы небольших разрушений. На реке длинный причал, у которого стоят остроносые яхточки с опущенными парусами, и суденышки побольше, как две капли воды похожие на плавающие игрушки богачей из Саваджо и Кардоталья, с небольшими, чисто декоративными мачтами — и они выглядят новехонькими, но возле на палубах нет ни единого человека. Ну, предположим, сохранность домов и корабликов ни о чем еще не говорит — доштормовые здания Хелльстада тоже кажутся возведенными вчера.

Изображение вновь пропало, словно свечу задули.

Запись, сделанная с браганта...

Тьфу ты! В первый миг Сварог слегка отшатнулся от экрана — и не сразу понял, что видит, — столько там было хаоса, мельтешения, суеты...

Ах, вот оно что! На равнине, поросшей невысокой густой травой с незнакомыми сиреневыми цветами, ки-

пела самая натуральная битва. Вот только ее участники выглядели отдаленнейшими предками ехавших куда-то кольчужников. А уж с городом не сочетались категорически. Раскочмаченные, с ярко-синими и ярко-красными перьями в волосах, в чем-то вроде балахонов из чего-то вроде грубой домотканины и шурах, но не просто мешками надетых на тело, а, такое первое впечатление, разрезанных на кусни и сшитых в виде открывших колени балахонов. Схватка состояла из множества поединков. Противники ожесточенно дубасили врага дубинами с осколками камней в намерении, пырялись копьями с корявыми древками с широкими наконечниками, не похожими на металлические, и чем-то наподобие мечей, словно бы сделанных без особого мастерства из черного полупрозрачного стекла. Валялись убитые, корчились раненые, их без всякого гуманизма добивали, при этом иные победители сами получали в спину или по затылку, рушились с искаженными болью бородатыми рожами. Омерзительное было зрелище — первобытная война без правил во всей своей неприглядности и зверстве.

Как и в первых двух случаях, запись обрывается внезапно, так, словно аппаратура сама прекратила съемку, чего не могло быть, зонды и брагант загадочным образом пропали из поля зрения визуального наблюдения без каких-нибудь внешних эффектов. Летели и внезапно растворились в воздухе, в ясном безоблачном небе. Точно так, как зонды Фаларена — разве что продержались дольше. Теперь нужно посчитать и секунды. Первый зонд работал пять минут четырнадцать секунд, второй — четыре минуты сорок две секунды, брагант — три минуты сорок восемь секунд. Полное впечатление, что поглотившая их неведомая сила помаленьку набирала темп.

Сварог посмотрел на часы. С момента исчезновения аппаратов прошло уже двадцать три минуты, но не последовало ни ответа, ни активности в «третьем ручейке». Непонятно, чем это считать, внушающим некоторый оптимизм событием или ничего не значащей деталью.

...Сварог наполнил бокал из дымчато-фиолетового марранского стекла выдержанным келимасом до краев — и забросил в рот половину, не озаботившись закуской. Яна с Каниллой пили гораздо умереннее, пригубляли, а он ничего не мог с собой поделаться — когда ушли из компьютерного зала в Вентордеран, очень скоро навалились горечь и боль. Правда он следил за собой: совещание еще не кончилось, и следовало сохранить ясную голову. Но потом, он прекрасно понимал, сорвется — кончится совещание, начнутся походно-полевые поминки, не первые в его жизни и не последние, увы.

— Ну что же... — сказал он, отставив бокал. — Похоже, есть что обсудить. Версий и гипотез выдвигать не будем — рано. Обговорим то, что известно, и то, о чем следует подумать уже сейчас. По старой военной традиции начнем с младшего по званию, — и посмотрел на единственную отвечавшую этому определению сейчас лейтенанта гвардии Каниллу Дегро. — Начнем с записей. Конные копыеносцы нас не должны интересовать, с ними никаких неясностей, а вот две остальных... Есть соображения? Мы просмотрели обе записи раз десять, покадрово...

— Конечно, соображения есть, — тут же сказала Канилла. — Налицо некая несообразность, нестыковка. В одной точке планеты ездят всадники, вооруженные и экипированные, если искать аналогии в истории Талара, по меркам довольно высокоразвитого общества, возможно, пребывающего в шаге от огнестрельной военной техники. Во второй — стоит город, относящийся к гораздо более высокому уровню развития, я бы сказала, к Той Стороне перед самым Штормом. В третьей — примитивным оружием дерутся два первобытных племени. Ткачество и шитье одежды уже начали осваивать, но металлов не знают: наконечники копий каменные, а мечи, если вновь привлечь историю, из чего-то вроде вулканического стекла. Все три точки разделены тысячами лиг, но это прекрасно укладывается в ту картину, что мы сейчас наблюдаем на Той Стороне. Возможно, уже значительно позже Шторма какой-то катаклизм за-

хватил всю планету, и в разных районах развитие шло по-разному. Возможно, была война...

— В городе ни малейших разрушений, — сказал Сварог. — И вовсе не похоже, что жители покинули его внезапно, на проезжей части не видно ни одной машины, все аккуратно припаркованы у тротуаров и домов.

— Во-первых, в этой войне могло применяться неизвестное нам оружие, — без промедления ответила Канилла, явно обдумавшая и это. — Во-вторых, война могла не затронуть все без исключения города, особенно те, что находились в глубоком тылу. Логично?

— Логично, — признал Сварог.

— Рассуждения о войне — чисто умозрительная гипотеза, ее пока что не стоит обсуждать за отсутствием точной информации. Но я думаю, стоит допустить версию о всепланетном катаклизме, после которого развитие в разных местах Семела пошло по-разному, в точности как на Той Стороне.

Она была права. За два с лишним года, прошедших после Шторма, проект «Изумрудные тропы» несколько не завял, наоборот. Историки воспрянули и пришли в форменную ажитацию: появилась возможность собрать массу сведений о первых годах после Шторма — мало того, увидеть все своими глазами. Так что на Той Стороне работало множество народу, располагавшего целыми роями орбиталов — в том числе в первую очередь и наблюдали за орбитальными станциями герцога Тагароша, из которых и возникла Империя.

Другое дело, что Сварогу, хотя он и оставался куратором проекта, все раздобытое было решительно ни к чему с практической точки зрения, шла ли речь об имперских делах или о земных королевствах. А потому он давно уже ограничивался беглым просмотром отчетов, исключительно в свободное время, а текущие дела с превеликим облегчением переложил на профессора Коултана из Техниона, молодого, толкового и энергичного.

Однако Канилла права. Можно, пожалуй, допустить версию о некоем катаклизме, затронувшем всю планету.

То, что сейчас происходит на Той Стороне, в чем-то напоминает то, что показывают две записи. В разных местах обстоит совершенно по-разному. Где-то группы людей, которых можно смело назвать «племенами», укрепились в понесших минимальные разрушения городах (в одном даже уцелела АЭС и дает ток), завладели складами огнестрельного оружия и медикаментов — и даже некоторое время пользовались автомобилями, легкомоторной авиацией и бронетехникой, пока не иссякли запасы горючего. Где-то сельские жители из тех, что понесли небольшой урон, создали этикие вольные крестьянские республики, вместо ставшей бесполезной сельскохозяйственной техники вернулись к косам-серпам-плугам, и там, где есть кузнецы и годный для обработки металл, если и не процветают, то и с голода не мрут. Но где-то, в особенно пострадавших районах, ходят толпы, крайне напоминающие именно что первобытные племена...

Да что там, достаточно вспомнить Землю: в одно и то же время в одних ее уголках возводили феерические небоскребы и стартовали космические корабли, а в других кочевники гоняли стада, как сотни лет назад, а то и возле убогих шалашей мастерили каменные топоры.

— А планы какие-нибудь наметились? — спросил Сварог.

— Можно послать к Семелу уже сотню зондов, — сказала Канилла без особой убежденности. — Вот только это означало бы жуткий риск с непредсказуемыми последствиями, так что не стоит...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Мы это уже проходили... — он посмотрел на часы. — Сорок две минуты, а со стороны Семела не последовало никаких ответных мер. Но все равно, не стоит пока нарываться.

— Есть другая идея, гораздо более безопасная, — сказала Канилла уже гораздо увереннее. — Послать к Семелу зонды о т т у д а, с Той Стороны. Что бы там ни произошло, оформилось, если можно так сказать, далеко не сразу, прошло восемьсот с лишним лет, прежде чем Фаларен послал туда зонды и наладил систему защиты

и ответного удара. А вы ведь сами обнаружили, что всю свою компьютерную технику и подземные заводы он обустроил уже лет через двести после появления Хелльстада. Так что не вижу особенного риска. После Шторма и прихода апейрона минуло всего-то два года...

— Резонно, — сказал Сварог, чуть подумав. — А поскольку ты эту идею выдвинула, тебе ее и претворять в жизнь, вместе с Элконом, конечно. У вас двоих нет особенно важных дел, те, что есть, по большому счету, рутинна. Продумай подробный план и лети к Элкону, даю все полномочия, как куратор проекта, приказ напишу.

Спохватившись, он посмотрел на Яну — как-никак старшей по званию на этом военном — а каком же еще? — совещании была именно она. Яна спокойно кивнула:

— Как выражались императоры былых времен, да и ты сам сейчас, на земле, быть по сему. Все правильно. По крайней мере, будем точно знать, что т о г д а происходило на Семеле...

У Сварога мелькнула жестокая, но необходимая мысль: если вдруг обнаружится, что угроза со стороны Семела очень уж т я ж е л а я и жуткая, можно пойти обходным путем. Нормальные пираты всегда идут в обход... Проще говоря, перебросить на Ту Сторону аналоги «Бешеного Жнеца» и «Вихря», ударить всей этой мощью по тамошнему Семелу, наверняка в этих условиях совершенно беззащитному. Технически это совсем нетрудно сделать. Безусловно, получится грандиозный хроноклазм, но если не будет другого выхода, если вновь, как было с Токерангом и веральфами, во всей страшенькой неприглядности встанет вопрос «Или мы, или они», придется рискнуть. В конце концов, все эти тысячи лет Семел не оказывал никакого влияния на жизнь Империи... я в н о г о, уточним скрупулезности ради. Забавы Фаларена в облике короля Шого, по большому счету, не оказали ровным счетом никакого влияния на жизнь Талара...

Однако этой мыслью пока что ни с кем не следует делиться — просто потому, что рано, масштаб исходящей

от Семела угрозы пока что неизвестен, неизвестно даже, есть ли угроза вообще, строго говоря...

— Что-то еще, Кани? — спросил он, заметив характерное движение Каниллы, с которым был уже давно знаком.

— Ага, — кивнула Канилла. — Только разговор на сей раз пойдет не о Семеле. И объявление астрономии лженаукой, и запрет разглядывать небо в оптику не могли сложиться сами по себе, стать результатом каких-то заблуждений. Не родился же сам по себе «Закон о запрещенной технике»? Обязательно были люди, которые придумали некий план и претворили его в жизнь. И это были очень умные люди. Я помню, что вы говорили мне, когда мы летели в Хелльстад. Прямые запреты порождают многих любителей запретного. Гораздо выгоднее внедрить в массовое сознание мысль, что разглядывать звезды в оптику столь же неприлично, как выйти на улицу без штанов — и дальше уже не нужно прилагать никаких усилий, пойдет по накатанной... Как будто читали Лебона... Я, правда, не помню дословно, как там сказано... Командир, у вас найдется здесь Лебон?

— Само собой разумеется, — ухмыльнулся Сварог. — И здесь, и в Латеране всегда под рукой. Посмотри на полке.

Канилла вскочила и энергично направилась к стеллажу из силванской горной березы в противоположном стрельчатому окну углу кабинета. Стала разглядывать надписи на корешках. Там всего-то было полдюжины полок, оставшихся от Фаларена, к которым Сварог добавил немного своего.

И не одну любимую с детства беллетристику вроде приключений трех мушкетеров, капитана Блада, дона Руматы и еще дюжины романов, стараниями Яны принявших именно тот вид, который ему помнился с пионерских времен. Стояла там и пара книг посерьезнее. Оказавшись на ронерском престоле и плотно занявшись государственными делами, он довольно быстро понял, что не стоит полагаться только на свой интеллект, не самый могучий в этом мире, будем самокритичны.

И советов царедворцев, понаторевших в управлении государством, маловато, да к тому же есть опасность попасть от них в некоторую зависимость. Толковый король просто-таки обязан поражать окружающих дельными мыслями, якобы пришедшими в голову ему самому, — к восторгу льстецов и молчаливому уважению людей посерьезнее.

Имелись полезные трактаты на эту тему, например сивланца Чей Чедогона или профессора Ремиденума Антенара. Однако они были чересчур обширны и писаны высокопарным слогом. Шевельнулись смутные воспоминания из прошлой жизни...

В свое время ему довелось — если честно, исключительно для скоротания скуки — пробежать и «Государя» Макиавелли, и «Психологию масс» Гюстава Лебона. Дальнейшее было совсем просто: Яна извлекла из его памяти обе книги, и они легли на стол Сварогу в первоизданном виде, восстановленные до запятой. И помогли ему управлять королевствами. Стали своего рода «Руководством для начинающего короля». Яна тоже отнеслась к ним с большим интересом, проштудировав от корки до корки. Более того: вычистив из обеих книг все реалии истории Земли и оформив в виде рукописи (анонимной) Сварог дал их читать таларским ближайшим сподвижникам: Интагару, Брейсингему, Старой Матушке и полудюжине других. За исключением, понятно, маршала Гарайлы — там ни словечка не было о кавалерии.

У всех книги имели большой успех. Интагар даже сказал, что, по его сугубому мнению, этих книжников надо немедленно принять на государственную службу, хотя бы для начала приставить к Лемару, трудившемуся на ниве сочинения королевских манифестов в одиночку, и немного огорчился, когда Сварог с ходу придумал убедительную отговорку. Сказал, что оба книжника уже умерли (что истине полностью соответствовало)...

Канилла наконец отыскала Лебона, вернулась на свое место, принялась увлеченно перелистывать, пробегая взглядом страницы наискосок, Сварог с Яной терпеливо ждали.

— Ага, вот оно! — воскликнула Канилла и громко прочитала вслух: «Толпа не умеет мыслить критически и внимлет не аргументам, а неким красивым убедительным образам, созданным умелыми ораторами. С реальностью, как правило, эти образы не имеют ничего общего... Неспособность толпы правильно рассуждать мешает ей критически относиться к чему-либо, то есть отличать истину от заблуждений и иметь определенное суждение о чем бы то ни было. Суждения толпы всегда навязаны ей и никогда не бывают результатом всестороннего обсуждения... Легкость, с которой распространяются иногда известные мнения именно и зависит от того, что большинство людей не в состоянии составить частное мнение, основывающееся на собственных рассуждениях», — она громко захлопнула книгу и положила ее на стол.

— Отсюда в категорию толпы можно смело зачислить не только темные массы, но и ученый мир, всех образованных людей. Отсюда вытекает еще одна версия. — Она сделала театральную паузу — было у нее такое обыкновение, но только в тех случаях, когда время не поджимало. Яна молчала, хотя, по лицу видно, догадалась, о чем идет речь, и Сварог заговорил:

— Ну, нетрудно сделать логические умозаключения... Ни один человек, будь он хоть гением, не в состоянии проделать такое в одиночку. Необходима организация, система, тайное братство, наподобие монашеских, следов которого мы не нашли ни на земле, ни в Империи. Правильно?

— Правильно! — воскликнула Канилла. — Какая-то тайная организация, старательно внедрившая в умы ложную картину мира... и, я так подозреваю, до сих пор зорко следящая, чтобы ложь не оказалась разоблачена. Они и сейчас где-то рядом. Можно пойти дальше и предположить, что это еще и тайный орган управления...

— Вот уж с чем не соглашусь, — энергично возразила Яна. — Видите ли, императоры давным-давно создали систему, позволяющую быстро обнаружить, если

кто-то попытается управлять в обход них. В технические подробности нет смысла вдаваться, а суть такова: в моем Кабинете, как и в Кабинетах предыдущих монархов, есть Зеленый Невод — система, держащая под надзором все компьютерные сети имперских органов управления. Есть какие-то алгоритмы... Словом, любая попытка наладить с в о е управление, будет очень быстро выявлена. Полторы тысячи лет назад тогдашнего канцлера казнили как раз за попытку создать втайне от императора параллельную структуру власти — а около десяти его ближайших соратников из видных сановников навсегда отправились в замок Клай. Это один из личных секретов императорской фамилии, мне в свое время о нем подробно рассказал дядюшка Элвар, но в вас-то я уверена...

— Пожалуй, так даже легче, — подумав, заключил Сварог. — Не тайный орган параллельного управления, а тайный орган по умалчиванию и искажению некоторых фактов. То есть, гораздо более слабый противник, с которым гораздо легче бороться, чем с тайной структурой власти. И все равно, сам собой напрашивается вопрос: к т о? Такой орган просто обязан кто-то возглавлять, стоять на самом верху. Лично я подозреваю, что все замыкается на Канцлера. Есть возражения?

Возражений не было, Канилла молчала, а Яна задумчиво обронила:

— Самая подходящая кандидатура, второе после монарха лицо в Империи...

— Каковое, цинично выражаясь, не так уж трудно сделать н и к а к и м лицом, — усмехнулся Сварог. — Когда ты... ну конечно, не ты, а та черная погань, что сидела у тебя в мозгу, отправила Канцлера в отставку, он и не пробовал сопротивляться. Печально сидел у стола с отключенной спецсвязью, не порывался и пальцем пошевелить...

— Дай подумать... — сказала Яна.

Сварог и Канилла терпеливо ждали. Прошло не больше пары минут, но, когда Яна заговорила, ее лицо оставалось все таким же озабоченным:

— Тогда все обстояло совершенно по-другому... Он не знал ни о веральфах, ни о том, что его сменил на посту их ставленник. Не видел в происходящем ничего необычного, угрожающего. Имел все основания думать, что его могут вскоре вернуть на прежний пост. Такое уже раз случалось при дедушке и два раза при отце. Отправляли его в отставку, называя вещи своими именами, сторяча — и очень быстро обнаруживали, что погорячились, что преемники во многом ему уступают и следует вернуть... Ты сам как король разве с такими коллизиями не сталкивался?

— Пару раз, — сказал Сварог. — Но вовремя оставливался, не успев шлепнуть печать под указом об отставке... — И терплю прохвоста Лемара, которому самое место если не на Треугольной площади, то на Стгаре, мысленно добавил он. Потому что прохиндей пока незаменим на своем месте...

— Сейчас совсем другая ситуация, — уверенно сказала Яна. — Т е п е р ь мало его просто снять. Нужно узнать у него все о причинах искажений в серьезных и не очень документах, о сокрытии правды, узнать точно, существует ли эта организация до сих пор. А Канцлер — крепкий орешек...

— Арестовать его, и дело с концом! — выпалила Канилла и продолжила спокойнее: — Под благовидным предлогом вызвать в Хелльстад и арестовать, а потом допросить, как следует. Здесь же ему никто и ничто не поможет, и никуда он отсюда не сбежит...

— Не столь уж шальная идея, Яна, — сказал Сварог. — Много шансов на то, что он увидит в вызове в Хелльстад только желание соблюсти повышенные меры безопасности. Пару раз так и случалось. А здесь, — он почувствовал, как губы кривит недобрая усмешка. — Помнишь, он когда-то мне подсунул порошок корня лотоса, после которого человек говорит чистую правду, не способен солгать в ответ на прямые вопросы? Я прекрасно знаю, где можно этот порошок достать, и быстро.

— Янка, у тебя в руках гвардия, армия, Серебряная бригада и много чего еще! — напористо сказала

Канилла. — Мы же только что решили, что никакой тайной, параллельной системы управления быть не может. Никто и не пискнет...

— Другими словами, вы меня подталкиваете пойти на тиранические меры? — бледно усмехнулась Яна.

— Если дело требует? — заявила Канилла. — Можно подумать, ты Агору разнесла, Палату Пэров и Тайный Совет распустила, все прочие новшества ввела с оглядкой на общественное мнение!

— Ты знаешь, она права, — сказал Сварог. — Как монарх монарху скажу: иногда жизнь заставляет быть тираном и сатрапом... да ты и сама это прекрасно знаешь.

— Уговорили, буду тиранствовать, — сказала Яна с той же бледной (но не беспомощной и не растерянной!) улыбкой. — Только не будем пороть горячку. Нужно все тщательно продумать. Я тщательно проработала план, как использовать все силы, какими располагаю, — она посмотрела на Сварога. — А ты не спеши обдумай, как в чрезвычайной ситуации использовать все, чем ты располагаешь. Если бы еще знать совершенно точно, кто из военных и управленцев представления не имеет об истинном положении дел и не состоит в сговоре с Канцлером.

— Это решаемо, — сказал Сварог. — У меня ведь в девятом столе есть аппаратура, позволяющая точно определить, когда лар врет, а когда говорит правду... пожалованная мне милостью Канцлера. Под благовидным предлогом приглашу к себе с дюжину ключевых фигур, поодиночке, конечно. И подумаю, как построить беседу, чтобы они до поры до времени ничего не заподозрили. Я как-никак вице-канцлер и чиновник Кабинета императрицы, согласно субординации прилетят, как миленькие. Знаешь что? В ближайшее время смогу проделать ту же процедуру с принцем Диамер-Сонирилом. Через три дня он должен прилететь в Хелльстад с ежегодной инспекцией — а поскольку так предписывает Его Величество Параграф, прилетит непременно, минута в минуту. К этому времени в большом кабинете, где его согласно тем же парагра-

фам предстоит принимать, смонтируют «установку правды». Вот и поговорим... Гораздо труднее придется с принцем Элваром...

— Ты и его подозреваешь в причастности? — фыркнула Яна. — Вот уж кто бесконечно далек от государственной деятельности и большинства государственных тайн, так это дядюшка Элвар...

— Да я и сам так думаю, — сказал Сварог. — Просто вновь создалась та поганая ситуация, когда для пущей надежности и очистки совести подозревать приходится всех... ну, или почти всех, кроме себя самого и вас, конечно. Бывали уже такие... Я одного боюсь, что мы можем ненароком разворошить осиное гнездо и не заметить этого. Ну, ладно, в конце концов есть два важнейших обстоятельства. Мы знаем, где... ну, не будем говорить противник, скажем обтекаемо — «противостоящая сила»... хотя мы до сих пор не уверены, что противостояние есть. Если там и в самом деле, согласно одной из версий, остался лишь какой-то автоматический центр, который лишь сбивает чужие аппараты, а на внешнюю экспансию не способен, не имея такой программы... И еще. Прошло... — он глянул на часы, — три часа двадцать минут, а никакой реакции не последовало... Это придает бодрости, верно? По-моему, мы все обсудили?

— Думаю, все, — сказала Яна. — Кани, я вижу, тоже согласна. Завтра с утра займемся каждый своим делом...

— Мне выпала самая легкая задача, — с усмешкой сказала Канилла.

— Завидуешь? — без малейшей подначки поинтересовалась Яна.

— Скорее уж наоборот, Янка, — серьезно сказала Канилла. — Прости за откровенность, но я в глубине души чуточку рада, что задача мне досталась самая легкая. Не придется взваливать на хрупкие девичьи плечи тяжкую ношу. В невысоких чинах есть свое преимущество.

— Ничего, — сказал Сварог. — Дорастешь до высоких чинов, обязательно тяжкая ноша появится.

— Умеете вы утешить и ободрить, командир.

Перехватив их многозначительные взгляды, Сварог с превеликой охотой наполнил их рюмки эликсиром изобретения короля Кардоша, так и не удостоенного за это памятника неблагодарными потомками. Сам налил до краев вместительный бокал и жахнул, по-гвардейски отставив локоть, по гвардейскому же обычаю пренебрегая закуской. Медленно отпуская нешуточное напряжение — но горечи и боли не убавилось...

Так обстояло и потом, когда уселись за стол. Яна с Каниллой лишь пригубливали эликсир короля Кардоша, а Сварог опрокидывал полные бокалы. Порой это помогало в такие вот минуты, а порой и нет, как обстояло и сейчас, словно в песок лил. Ни Яна, ни Канилла при всем их уме и доброте не могли его понять, никогда такого сами не испытывали — когда человек, которого ты послал на верную смерть, с ней и встретился. От того, что он знал, на что идет, нисколько не легче...

Не помогали и песни, но он, как не раз прежде, бил по струнам:

— *Над могилами нашими
обелисков не ставили.
Может, мы еще встретимся
в нашем отчем краю.
То ли в море уплыли мы,
то ли в небе растаяли,
Но, погибнув за Родину,
мы — живые в строю...*

Всегда в строю. Брат Ролан как раз и растаял в небе. В чужом небе. Он стоял у Сварога перед глазами, невозмутимый, всегда готовый к бою, и вновь звучал его голос, слова, сказанные, когда они после уничтожения Радианта улетали с Нериады: «Лорд Сварог, после того как вы закрыли Великому Мастеру пути на Талар, любовью приверженец Единого Творца у вас в долгу. А за долги чести полагается платить...»

Вот боевой монах и заплатил...

Потом без всякого перехода — как это свойственно изрядно поддавшим гитаристам — заиграл гораздо более бравурное, в р е з а л марш Акабарского гвардейского полка:

*— Я воспитан был в строю,
а испытан был в бою,
украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке,
а другой — в лихой атаке,
в ночь, когда гремел во мраке
барабан!*

Окружающее не троилось, даже не двоилось, но пьян он был уже изрядно. Что ж, у Яны среди прочих ценных качеств имелось и такое: когда он (что случалось все же редко) не просто выпивал, а откровенно надирался, вот как сейчас, Яна никогда не попрекала его ни словом, ни взглядом, разве что смотрела участливо с хорошо скрытой грустью. И заботливо предлагала: «Ты бы закусывал...»

Пьян изрядно. Ничего страшного, ни капли безалаберности — откуда ей взяться в такой момент? На боевом дежурстве оставалась Яна — ей и должен был доложить Мясус, она в случае прямой угрозы, какой-либо серьезной агрессии и даст команду на старт и «Бешеному Жнецу», и «Вихрю». Сварог передал ей пароли — а Мясус получил должный приказ, который принял без малейших возражений: в его программе ничего не говорилось о запрещении королю Хелльстада передавать кому бы то ни было какую-то часть своих полномочий. И дозволения не было — но что не запрещено...

Вот он, Мясус, истуканчиком сидит у двери, со свойственным роботам величайшим терпением ждет приказаний. Золотому Коту такое не в новинку: он часто присутствовал как на застольях покойного короля с удостоенными приглашения к столу гостями, так и при дружеском общении Фаларена с очередной красоткой — разве что, когда общение перемещалось в постель, король его отправлял восвояси, все же соблюдая некие собственные правила приличия.

Яна впервые за все время унылого застолья сказала:

— Ты бы закусывал... Пора бы...

— Закуска — совершенно неуместный порой атрибут, — ответил Сварог. — Ну ее к черту...

Налил себе полный бокал, уже проливая на скатерть, отправил келимас по принадлежности и взглянул на часы в затейливой золотой оправе — опять-таки на следство предшественника. Уже пошел пятый час после разведки боем, а ответа до сих пор нет, Семел сохраняет полнейшее спокойствие, подобно Мяусу и Золотым Обезьянам. Означает ли это, что там больше нет разумных существ, что остались только роботы, не умеющие проявлять инициативу? Нет смысла ломать голову, рано...

Эту «Балладу об ускакавшем рыцаре» чаще всего пел здешний военный народ, поминая погибших, так что она была как нельзя более к месту. Вот только Сварог сам чувствовал, что язык у него заплетается почище морского узла. И поставил виолон, прислонил к вычурной ножке стула. Получилось неуклюже, инструмент с жалобным блямканьем струн обрушился на пол. Пренебрегая этим, Сварог налил себе еще, посмотрел на девушек и произнес вроде бы членораздельно:

— Девчонки, вы золотые, но как я вам завидую... Вам не приходилось никого посылать на смерть и, дай бог, не придется, а вот мне, душа чует, случится еще не раз... Прекрасно понимаешь, что на войне другого выхода нет... А тут вдобавок неизвестно еще, есть ли война, но это ничего не меняет...

— Ты бы закусывал... — сказала Яна.

— И Мяусу никогда не придется, — упрямо продолжал Сварог. — Вот кому легко живется: понятия не имеет, что такое смерть...

И налил себе еще, совершенно не щадя скатерть.

ПЕСТРЫЙ ФЛАГ КАПИТУЛЯЦИИ

Пробуждение было кошмарным.

В голове увлеченно рубилась с лязгом и звоном стали целая орава то ли рыцарей, то ли просто разбойников. Разлепив глаза, он некоторое время привязывал себя к реальности, к точным географическим координатам — и наконец, после парочки неудачных попыток сфокусировал взгляд, увидев высоко над собой изумрудного цвета потолок в красивых узорах белой лепнины. Теперь он знал, на какой планете находится: лежит на необозримой королевской постели в Изумрудной спальне Вентордерана. Уже кое-что.

Справа слышались раскаты грома — вернее, легкие шаги появившейся в поле зрения Яны, уже полностью одетой, только без повседневных украшений. Яна присела на краешек постели, посмотрела на него без малейшей укоризны — на ее лице не было и тени озабоченности, одна легонькая насмешка, как всегда в случаях такого его пробуждения. Это позволяло сделать некоторые умозаключения, Сварог оказался на них способен, хотя из всего организма, обездвиженного жутким похмелем, двигаться могли только глаза. Портьеры обоих окон оказались плотно задернутыми, он не мог определить время. Проговорил слабым голосом:

— Который час?

Губы тоже, вот радость, могли двигаться.

— Без трех минут полдень, — ангельским голосом сообщила Яна.

— Значит, все спокойно? — спросил Сварог (оказалось, он способен испытывать радость и облегчение).

— Совершенно, — сказала Яна. — Прошло уже почти одиннадцать часов, а Семел не дает о себе знать. Может, там и на самом деле больше нет тех, кто способен управлять сложной машинерией? Остались только автоматические системы, согласно программам исправно сбивающие вошедшие в атмосферу чужие аппараты, но не имеющие приказа на ответный удар? Крепость королей тысячи лет работала самостоятельно...

— Бесплезно ломать голову, — выговорил Сварог, поморщился от этаких усилий.

— Трещит головушка? — поинтересовалась Яна.

— Еще как...

— Тебе принести нэльга или напоить эликсиром?

Душа просила доброго нэльга, но сейчас для такого лекарства категорически не время...

— Эликсир, — сказал Сварог.

Яна принесла хрустальный графин с розовым эликсиром, налила в серебряную стопку и, осторожно приподняв голову Сварога, влила в него отрезвительное питье, не пролив ни капли — имелся некоторый опыт. Эликсир холодным щекочущим шариком прокатился по горлу, по телу от пяток до макушки прошла теплая волна, и Сварог как обычно почувствовал себя так, словно пил вчера только прохладительное. Сел на постели и огляделся. Лежал одетый, только сапоги стояли рядом с постелью.

— Память немного подводит? — заботливо спросила Яна. — Конец застолья не помнишь?

— Не помню, — сознался Сварог.

— Ничего страшного. Ты твердил, какие мы с Кани счастливые, потому что нам никого не приходится посылать на смерть, потом подозревал Мяуса и принялся его лобызать, уверяя, что он тоже счастлив. Не удержал его, и Мяус кувыркнулся на пол, что перенес стоически.

— Ну да, ему от прежнего хозяина и не такое приходилось выносить, — сказал Сварог. — А потом?

— А потом я проявила коварство, — лукаво глядя, призналась Яна. — Я тебе подсунула большой стакан «мозгобая», ты его браво осушил и вырубился. Иначе еще долго сидел бы и талдычил свое все более нечленораздельно...

— Садистка... — проворчал Сварог.

«Мозгобоем» здесь именовалось то, что на Земле звалось «ершом» — водка с нэльгом. Единственный, кто мог долго хлебать его баклагами, — принц Элвар.

— Опытный лекарь, — поправила Яна. — Потом кликнула Золотых Истуканов, и они торжественно унесли тебя сюда. Сняла сапоги, конечно...

— Очаровательно, — сказал Сварог чуть сварливо. — Сапоги с меня снимает не кто-нибудь, а Императрица Четырех Миров. Пыжусь от гордости, боюсь лопнуть...

— Ну, милый... — ослепительно улыбнулась Яна. — Строго говоря, я сейчас не более чем королева Хелльстада. Хотя дядюшка Элвар как-то рассказал, что император Таурман, мой прадедущка, часто заканчивал свои застолья именно так. Была даже придворная должность лейб-носителей, за нее придворные интриговали и враждовали. Они и только они несли императора в спальню. А прабабушка его разувала, хотя некоторые и порывались ввести еще должность лейб-разувальщика.

— Я всегда знал, что у тебя здоровая наследственность... — сказал Сварог. — Канилла улетела?

— Даже не позавтракав, только кофе выпила. Ей не терпится заняться зондами, места себе не находила. В остальном, как рапортуют военные, за время моего дежурства никаких происшествий не произошло.

— Ты что, не ложишься?

— Какой тут сон... Ах, да! — спохватилась она. — Тебя кто-то вызывал еще на рассвете, но я не обеспокоилась — это не происшествие, ты мне все объяснил про сигналы вызова...

Она грациозно встала, прошла к столу и вернулась с «портсигаром» в руке. И в самом деле, не было причин

для беспокойства. А вызов... Судя по тому, что он последовал на рассвете, речь шла не о пустяках.

Сварог включил «портсигар» — ага, Интагар. Он и до того не выходил на связь по пустякам — а коли уж потревожил Сварога на рассвете, когда обычные люди десятиый сон досматривают...

Когда Интагар появился на экране, его лицо отражало некоторую растерянность — чувство, почти несвойственное верному бульдогу.

— Я так понимаю, ничего не случилось? — спросил Сварог без тени тревоги или беспокойства.

— Ровным счетом ничего, государь. Скорее уж подходит слово «произошло», — Интагар покрутил головой, что у него означало нешуточную растерянность. — Все спокойно, все под присмотром, но я в толк не возьму, что оно означает. Такого прежде не случалось... Ваше величество, если только у вас нет неотложных дел, не могли бы вы прилететь? Задача не по моему разумению, у меня мозги перепутаются, если буду и дальше ломать голову...

— Сейчас прилечу, — сказал Сварог, не на шутку заинтригованный, и отключился.

Достал из воздуха большую фарфоровую чашку кофе, коричневую в золотых цветочках, моментально разделался, отправил в небытие и взялся за правый сапог.

— Интересно... — сказала сидевшая рядом на постели Яна, все видевшая и слышавшая. — Сколько его знаю, первый раз таким вижу. Интагар и растерянность — совершенно не вяжется...

— Особенно если учесть, что «все спокойно, все под присмотром», — поддакнул Сварог, взявшись за левый сапог.

Растерянности в министре тайной полиции уже не чувствовалось, он докладывал прилежно и бесстрастно, как обычно:

«Ранним утром в порту пришвартовался лоранский пароход „Косатка“. Я чуть погодя связывался с людьми из Морского бюро. Пароход этот им известен, обычный

пассажирский, для „чистой публики“ — дворян, Сословий из двух высших Гильдий. Самый обычный маршрут: из порта Колантон по морю, через Аки по Ителу. Каюты рассчитаны на пятьдесят пассажиров, но на берег, согласно списку, сошли только пятеро: некая лоранская герцогиня Талита Коури, две ее камеристки и двое молодчиков — эти значатся лакеями, но, по докладу моих людей, гораздо больше смахивают на хватких телохранителей — впрочем, у путешествующих знатных особ это не редкость. Подорожная в полном порядке, слуги в нее вписаны, печать снольдерского посольства в Лоране наличествует. На первый взгляд, бумага не носит признаков подделки. Пароход не принимает в Латеране пассажиров, их просто нет — но капитан заявил, что будет отстаиваться в порту по обычной формуле „до изменения обстоятельств“. Речному праву это не противоречит, лишь бы капитан аккуратно платил „солнечные“. Это позволяет думать, что герцогиня попросту зафрахтовала пароход, а это весьма недешевое удовольствие. После провозждения всех формальностей герцогиня и ее люди отправились на постоялый двор „Красавица Латерана“...»

— Да уж, денег у нее куры не клюют... — проворчал Сварог.

Как всякий достаточно долго проживший в Латеране, да вдобавок в качестве короля, он прекрасно знал, о каком заведении идет речь, хотя сам еще не бывал там, случая не выпало. Постоялый двор высшего класса, куда допускаются только дворяне, причем все зависит не от генеалогического древа и титула, а исключительно от толщины кошелька — самые высокие цены в городе, но и комфорт соответствующий, включая кареты к услугам постояльцев, вообще все блага, какие себе могут позволить богатые путешественники. Самый маленький «номер» — из трех комнат, самый большой — из шести с приемной и помещениями для слуг — в каких с удовольствием бы поселились и захудалые дворяне, но им, конечно, цены в «Красавице Латеране» не позволяют об этом и мечтать...

— Апартаменты она заняла шестикомнатные, — продолжал Интагар. — Они там всегда есть свободные, но

эти снял секретарь лоранского посольства — очевидно, для пущей надежности. Снял в день, предшествовавший выходу парохода из Лорана — несомненно, заранее получив распоряжения. Именно так, не просьбу кого-то из знакомых, а именно распоряжения, теперь есть все основания так думать.

— И какие же? — спокойно спросил Сварог.

— Уже п о т о м мои люди проверили гербовые книги Лорана. Никакого дворянского рода Коури в Лоране нет, ни простого, ни титулованного. Иногда такие штучки выкидывают авантюристы-самозванцы, но и благонамеренные дворяне часто путешествуют под вымышленными именами, законы это не запрещают — правда, нельзя присваивать себе титулы, на которые человек не имеет права, но в случае разоблачения виновника ждет лишь солидный денежный штраф, и только. Именно поэтому титулы часто себе присваивают те самые авантюристы — за присвоение дворянского звания, если не имеешь на это права, полагается тюремный срок, так что присвоение заодно и титула — преступление второстепенное. Но тут совершенно другой случай, — и он выпалил с видом человека, очертя голову прыгающего в одежде и сапогах в холодную воду: — Ваше величество, это королева Лавиния Лоранская собственной персоной! Никаких попыток хоть как-то изменить внешность! И платье пошито по лоранской моде — прямоугольный вырез, кружевные рукава, спина из черного кружева...

Вот теперь Сварог понимал, отчего министр тайной полиции пребывал в явной растерянности. Он и сам едва не вытаращил глаза от изумления, однако королю полагалось поменьше выражать эмоции даже в разговоре с ближайшим соратником, так что он легко справился с собой и спокойно спросил:

— Насколько я помню, такого прежде не случалось? Чтобы король или королева приезжали в другую державу тайно, под вымышленным именем?

— Вот именно, ваше величество! Конечно, бывают неофициальные визиты для тайных переговоров, но в та-

ких случаях всегда долго обговаривают все дипломаты обеих держав. Но чтобы вот так... Единственный пример, который припомнил мой ученый консультант, — король Валеро Хитроумный, который на войне переодевался и сам ходил на разведку во вражеский стан. Но жил он, если и жил, в очень уж давние времена, никаких летописей и хроник не осталось, так что книжники его полагают легендарной персоной наподобие Шунгута-Семь-Мечей, или принца Люциара, или мага Шаалы, таким же сказочным героем многочисленных историй...

— Интересно, как ее опознали?

— По чистой случайности, государь. Есть один человек, раньше служил в заграничной разведке, был послан в Лоран и ухитрился даже проникнуть в королевский дворец, три года прослужить коридорным лакеем в том крыле, где размещаются личные покои Лавинии Лоранской. Чуть ли не каждый день видел королеву. Очень, говорят, хваткий человек... вот только полгода назад на чем-то провалился, но оказался везучим — хоть и получил пулю в колено, ухитрился ускакать от погони, добраться до Колантона, отлежаться у связного и вернуться домой. Он был на хорошем счету, а до пенсионера еще далеко — но в заграничной разведке не нашлось подходящих бы для человека его невеликого ранга с и д я ч и х мест. А ему нужно было именно сидячее, он ходил еле-еле, пулю лекари так и не стали извлекать... Два чиновника из заграничной разведки — родственники, один попросил другого устроить способного человека — такое часто бывает, дело житейское... Сидячее место нашлось, как раз пошел на пенсион один из наших людей в таможене речного порта, вот его и зачислили. Я об этом ничего не знал, такие мелкие назначения проходят через подчиненных гораздо ниже положением. За четыре месяца он себя хорошо зарекомендовал, служил исправно. Он и поднял тревогу, помчался, точнее, в его случае, поковылял к человеку, возглавляющему наше отделение в порту. Тот сначала отнесся недоверчиво — кто о таком слышал? Но бывший разведчик клялся всеми мыслимыми клятвами, что ошибиться

не мог, что это — Лавиния Лоранская, которую он видел в ее дворце сто раз: ее фигура, ее осанка, походка, излюбленные жесты... Так горячо уверял, что ошибки быть не может — и в конце концов мой департаментский секретарь подумал, что дело и в самом деле выглядит чуть странновато: никаких других пассажиров на пароходе не было, он на неопределенное время остался в порту. Хватает чудаковатых богачей, на свои прихоти швыряющих золото горстями, но тут еще дело шло о лоранцах, за которыми давно о с о б ы й присмотр... Он доложил мне, а я, подумав, велел привезти таможенника ко мне. И он не похож на хвораго умыслом, наконец, и в самом деле превеликое множество раз видел вблизи лоранскую королеву. Я с некоторых пор, когда оказался на службе вашего величества, привык к мысли, что возможны самые невероятные вещи... Вот тут мои люди и взялись за лоранские гербовые книги. Однако далее развернуть работу попросту не успели. События рванулись вперед...

Он эффектно молчал, глядя по-особенному, картина была знакомая: любил Интагар, как и Канилла Дегро, театральные паузы. Сварог к этой их милой привычке относился, в общем, благодушно: у обоих они никогда не вредили делу и наблюдались, исключительно когда время позволяло этакие штучки...

И все же он нетерпеливо сказал:

— Не тяните кота за хвост, Интагар, я стораю от любопытства, как любой на моем месте.

Интагар вынул из-за широкого обшлага шитого золотом придворного кафтана конверт, подал Сварогу. Стандартный конверт: в левом верхнем углу стоит синий штемпель с эмблемой королевской почты — почтарский рожок на фоне гусиного пера. Все конверты трех разных размеров так маркированы, продаются в почтовых конторах и писчебумажных лавках, что приносит короне немалый доход: конверты без штампа почта попросту не принимает.

Сварог оглядел его с двух сторон. Одна-единственная надпись, аккуратным крупным почерком: ЛИВЕНЬ. Ну, такие вещи королю полагается знать: это слово на язы-

ке тайной полиции означает сообщение о чем-то чрезвычайном. Вот только используется, переводя на армейские мерки, чиновниками от полковника и выше. Нетрудно сделать вывод: термин могли употребить либо высокопоставленные служащие министерства, либо глубоко пропихнувшие в иные тайны иностранные шпионы. А держав, засылающих к Сварогу шпионов, только две...

— Примерно через полтора часа после того, как вся компания поселилась в «Красавице Латеране», письмо принес к главным воротам дворца и передал охране человек, судя по их докладу, лет сорока, неброской внешности, одет, как латеранский небогатый гильдейский. Сказал: «Господину Интагару в собственные руки», развернулся и неторопливо пошел восвояси. Не было оснований его задерживать. Конверт тут же принесли мне, и я связался с теми, кто ведет наблюдение за... — он помедлил, — за женщиной, как две капли воды похожей на королеву Лавинию. Судя по словесному портрету, это один из ее лакеев, по донесению «топтунов» именно он с конвертом в руке сходил во дворец и вернулся на постоянный двор, я так прикидываю, она, немного отдохнув от долгого путешествия, и отправила письмо.

— И что в нем? — спросил Сварог, так и не заглянув в конверт, аккуратно вскрытый с одной стороны ножницами, — хотелось сначала выслушать мнение Интагара, как первого читателя.

— Мне не полагалось, государь, — сказал Интагар. — Я только вскрыл конверт так, чтобы на всякий случай оставить печать в неприкосновенности. Запечатано каким-то округлым предметом, не исключено, набалдашником женской трости — у герцогини была при себе такая. Хотя любой дворянин воспользовался бы личной печатью с гербом... если речь не идет о чем-то противозаконном, когда личность отправителя следует сохранить в тайне. Однако обратите внимание на цвет сургуча...

Ну, Сварог сразу обратил: синий. В переписке, неважно, идет речь о королевской почте или доставленном иным способом письме, используется десятка два видов разноцветного сургуча. Конверт без почтового штемпеля,

значит, должен быть доставлен частным посыльным — что и имело место быть. Синим сургучом в таких случаях пользуются друзья или просто добрые знакомые.

— Вот никогда не подумал бы, что у меня есть в Лоране друзья или добрые знакомые, — проворчал Сварог. — Есть некоторое число лоранцев, питающих ко мне самые добрые чувства, — те, кому я пожаловал земли предков, когда-то принадлежавшие Лорану. Но они все живут в Пограничье или Хорене, все поголовно дворяне, значит, у всех есть гербовые печатки. Наконец, послание явно исходит из Лорана...

Он двумя пальцами вытащил из вскрытого конверта второй, поменьше. Гораздо выше по качеству, чем рядовые почтовые, и это понятно, если учесть, что вместо почтовой маркировки вверху, в середине, оттиснут золотом лоранский королевский герб — такими конвертами пользуются короли, отправляя письма, написанные ими собственноручно, и никто другой не имеет права ими пользоваться, очень уж суровое наказание за это причитается. Под короной изображен синим стилусом человеческий глаз со зрачком и ресницами, в сочетании — высшая степень секретности, «только для глаз короля». Ничего удивительного, что Интагар не отважился самолично распечатать — за такое полагается смертная казнь, будь ты хоть углежог, хоть герцог. И надпись теми же чернилами: «Королю королей Сварогу Баргу в собственные руки» — надо полагать, для вящей надежности.

Помяв пальцами конверт, чтобы определить, где он пуст, Сварог аккуратно оторвал один краешек сбоку — не стоило в собственном кабинете сорить на ковер крошками сургуча.

Длинный прямоугольник белоснежной бумаги высшего сорта с затейливыми водяными знаками и тисненым золотом лоранским королевским гербом.

«Скромная путешественница хотела бы засвидетельствовать почтение королю королей. Соблаговолите написать, куда я должна приехать. Питаю надежды, что наша встреча закончится гораздо приятнее той, что некогда случилась в Канцелярии земных дел».

Л.

Интагар уставился едва ли не просительно. Усмехнувшись, Сварог подал ему письмо, а когда министр, вмиг прочитав, вернул, вспомнил бессмертную кинокомедию и понюхал листок. Ну, конечно, не неизвестные здесь «Шанель № 5», но дамские духи стойкие, приятно-го запаха, явно из дорогих.

— Интересно, правда? — спросил Сварог. — Похоже, она считает, что в переписке меж нами уже не нужно соблюдать излишнюю конспирацию. Синий сургуч, синие чернила... Вот уж кого нельзя назвать моим другом и даже доброй знакомой, так это Лавинию Лоранскую. Убила бы, дай ей волю... Насколько я знаю ваши методы, в «Красавице Латеране» уже не протолкнуться от ваших людей.

— Ну, не такая уж толпа, — скромно потупился Интагар. — В том знании, где остановились лоранцы, я заменил своими людьми всех — двенадцать коридорных лакеев и смотрителя с помощником. Еще дюжина сыщиков заняла позиции вокруг здания.

— Ну что же, скромненько... — усмехнулся Сварог.

— Я так думаю, пригласить ее нужно не во дворец, а в «Медвежью берлогу», в наш флигель...

— Будем помнить о хороших манерах, Интагар, — усмехнулся Сварог уже во весь рот. — Короли никогда не гнушались самолично отправляться в гости и к знатым дамам, и к красивым простолюдинкам. В данном случае, понятно, никаких игривостей, но речь все-таки идет о даме. Я сейчас прикажу оседлать моего... а впрочем, нет необходимости, да и время терять не стоит. У вас ведь, я знаю, всегда заложена парочка дежурных карет, вот и поедем прямо сейчас. Только смените камзол на что-нибудь поскромнее, у вас ведь целый гардероб для таких случаев. Сам я, по-моему, выгляжу довольно скромно — не бедный дворянин, и все тут. Что вы мнетесь? Что-то не так?

— Все так, государь, но... Быть может, для пущей надежности все же вызвать ее к нам?

— Вздор! — сказал Сварог искренне. — Она, конечно, та еще гадючка, но все же не огнедышащий дракон из сказок. С ней всего четверо, и их ради той же надежно-

сти предварительно повяжут ваши люди, которых там полно. А одна-одинешенька она мне нисколько не опасна. Разве что попытается пырнуть кинжалом, но в этом случае я отлично справлюсь и сам. Я с ней встречался дважды — в Канцелярии земных дел и у меня на свадьбе в Вентордеране, уж вы-то не можете не знать, вы там были. Ну, и общался в Виглафском ковенанте. Могу вас заверить: это самый обыкновенный человек без примеси чего-то д р у г о г о...

— Но мы же не уверены полностью, что женщина в «Красавице Латеране» и королева Лавиния — одно и то же лицо... — сказал Интагар, по своему обыкновению не возражая прямо, а отпуская замечание нейтральным тоном. — Что, если там нечто д р у г о е?

— Даже если и так, не стоит праздновать труса, — решительно сказал Сварог. — Нет на Таларе ничего такого д р у г о г о, что я с маху не мог бы опознать за человеческой личиной. И ничего такого, с чем я не смог бы справиться...

Выдвинув верхний ящик стола, он достал два полезных инструмента, выполненных в виде небольших черных пистолетов, показал их Интагагару и положил в карманы кафтана. Добавил:

— Это шаур и торч. Я вам давным-давно показывал их действие, вряд ли вы забыли, вы ничего не забываете... Есть ли что-то, чего мне следует опасаться, вооружившись таким образом?

— Пожалуй, нечего, — признал Интагар.

— Ну, тогда смените кафтан, поедem, — сказал Сварог, не скрывая нетерпения. — Не вежливо заставлять даму мучиться неизвестностью. Откровенно признаться, я сгораю от любопытства, да и вы наверняка тоже...

...Если употребить термины Земли (порядком уже подзабытые), «Красавица Латерана» представляла собой целый гостиничный комплекс — чуть ли не югер, обнесенный затейливой чугунной оградой с несколькими воротами и дюжиной калиток, три длинных трехэтажных здания с кучей архитектурных излишеств, с дюжину до-

миков поменьше, возведенных в том же стиле, — рестораны для тех, кто не любил большие залы и многолюдство, уютные гнездышки, где принимали девиц известной профессии (конечно, высококлассных) те, кто не хотел приводить их в свои «нумера», роскошные бани, театрики. Конюшни, каретные сараи, круглые сутки дымящиеся поварни, ледники, аллеи, обсаженные красиво подстриженными кустами, пышными деревьями, домики для служителей и прочего персонала... Одним словом, райский уголок для обладателей тугих кошельков.

Карета остановилась у широкого крыльца самого помпезного (и самого дорогого) здания, Сварог вылез первым, огляделся. И, как всегда, не смог определить, кто именно из тех, кого он видел, — люди Интагара. Двое в зеленых балахонах сноровисто подрезают кусты, третий укладывает срезанные веточки в тачку, еще один, сразу видно, поправляет расшатавшийся камень, двое дворян в изящной, как игрушечка, беседке сидят за бутылкой вина, двое в мантиях и беретах Сословия Софы чинно прохаживаются поодаль, степенно беседуя явно о каких-то высоко ученых материях, еще один дворянин обзорекает окрестности со скучающим видом заезжего зеваки (да и одет по ронерской моде), еще двое приземлились на вычурной лавочке и сосредоточенно размышляют над шакра-чатуранджем, отрешившись от всего мира, два стекольщика вставляют окно на втором этаже... Агентом Интагара, как показывает житейский опыт, может оказаться любой из них, а то и все сразу. Вполне можно питать те же подозрения насчет пожилой, но отнюдь не дряхлой баронессы, греющейся на солнышке, и ее лакея, выжидательно застывшего у столика с чайным прибором.

Не стоило забивать голову такими пустяками, и Сварог первым поднялся по широкой лестнице с затейливыми перилами — без неуместной для дворянина поспешности, но и не плетясь. Обширный вестибюль напомнил его Изумрудную спальню в Вентордеране: выдержан в зеленых с золотом тонах — потолок и стены, мозаичный пол и драпировки. Большие картины

в позолоченных рамках изображают буколические лесные пейзажи и могучие дубы. Ну да, иные лекари-мозгоправы считают, что зеленый особенно приятен для глаз и благотворно влияет на расстроенные нервы.

Смотритель за лакированной конторкой, его помощник и двое коридорных лакеев выглядели безукоризненно, хоть пиши с них бытовую картину «Образцовые служители постоянного двора» — но едва они с Интагаром вошли, все четверо характерно подобрались при виде начальства. Только они подошли к конторке, служитель доложил:

— Все пятеро в апартаментах. После того, как лакей вернулся, никто не выходил. Квадранс назад герцогиня заказала «кофейный поднос» для себя одной. Доставлено. Посетителей не было. Никаких других просьб пока что не последовало. Распоряжения будут?

— Принесите поднос, — сказал Сварог, вспомнив, что он некоторым образом выступает в роли гостеприимного хозяина. — Бутылку келимаса, пару бутылок вина, соответствующие закуски, все на двоих. Самое лучшее, что здесь найдется.

Смотритель вопросительно воззрился на Интагара — Сварог был в «маске», при перстне нетитулованного дворянина, и по одежде не выглядел вельможей. Интагар веско сказал:

— Исполнять.

— Исполнять... — как эхо повторил «помощнику» «смотритель», и тот шустро кинулся в одну из боковых дверей — их тут было несколько.

— Пойдемте? — посмотрел на Интагара Сварог. — Какой этаж, кстати?

— Второй, — предупредительно сообщил ему «смотритель», явно уже сообразивший, что грозного министра сопровождает персона, имеющая право отдавать приказы, — тугодумов Интагар не держал.

Они поднялись на второй этаж по широкой, покрытой ковром (опять-таки зеленым в золотых узорах) лестнице с цветущими в лакированных деревянных кадках кустами бледно-розовых глициний и желтых картуний

(что поделать, зеленых цветов тут не водилось отроду). Оказались в длинном коридоре, куда выходило всего четыре двери — ну да, все номера шестикомнатные, и у каждой двери истуканчиком застыл коридорный лакей, конечно же, в зеленой ливрее с золотыми позументами и гербом гостиницы на левой стороне груди.

— Остальные три апартаменты пустуют, — тихо сообщил Интагар. — Но я на всякий случай поставил четырех. Все равно она не знает, свободны другие апартаменты или заняты, а люди нам на всякий случай не помешают... Она занимает вон тот, где на двери золотая роза, — в заведениях такого полета обычные цифры считаются вульгарными.

— Соберите-ка их всех у двери, — сказал Сварог, прекрасно знавший, что у верного бульдога есть жесты на все случаи жизни.

И точно — остановившись перед дверью, украшенной золотой розой, Интагар поднял руку с растопыренными пальцами и сжал их в кулак. К нему проворно стянулись четверо в ливреях, самую чуточку оттопыренных оружием.

— Обстановка? — тихо спросил Интагар.

— За дверью приемная, — так же тихо доложил один из мнимых лакеев. — Слева шесть кресел и дверь в апартаменты, справа сидит лакей, рядом с ним две двери в комнаты для слуг, обе закрыты. Когда принесли кофе, она сказала, что обойдется без помощи коридорного или своего лакея, хотя иные барыньки капризничают, сами сахар не положат...

— Неприхотливая... — проворчал Сварог. — Диспозиция простая: когда я свистну, тихонько входите, тихонько засовываете лакея в комнату для слуг: заодно посмотрите, сколько их там. И присматривайте за ними. Если окажется, что кто-то из прислуги в апартаментах, без церемоний извлекаете его оттуда. Мы с герцогиней должны остаться наедине, как два голубка...

Теперь уже четыре вопросительных взгляда скрестились на Интагаре, но лица сыщиков остались невозмутимыми, они молчали, хотя у каждого наверняка в го-

лове вертелось: «А чего этот хмырь вместо министра распоряжается?» Хорошо все же иметь в хозяйстве многочисленную и высококвалифицированную тайную полицию...

— Выполнять, — негромко обронил Интагар, и это, без сомнения, было прекрасно услышано и принято к сведению.

— Начали, — сказал Сварог.

Открыл дверь и вошел. Комната в точности соответствовала описанию, навстречу ему поднялся с кресла здоровяк в ливрее без гербов, низко поклонился с полным уважением и выжидательно спросил:

— Ваша милость?

— Я хотел бы увидеться с герцогиней.

— Как прикажете о вас доложить?

— Обойдемся без строгого соблюдения этикета, — сказал Сварог, вмиг определивший, что видит перед собой самого обычного человека.

И, приобернувшись к неприкрытой двери, негромко свистнул. Ворвались сыщики, двое скрутили лакея, поставили к глотке ножи, и один душевно посоветовал:

— Молчать, как учтивая задница в гостях.

Двое других проворно кинулись к дверям, распахнули их — в одной из комнат, и в самом деле прельстивших бы захудалого дворянина, обнаружились обе камеристки, в другой — второй лакей. Туда забросили схваченного, и двое остались нести стражу, поигрывая короткими кистенями. Вошел Интагар, шепотом осведомился:

— Ваше величество, вы намерены пойти один?

Это было произнесено нейтральным тоном, но в глазах министра плескалось яростное любопытство.

— Конечно, — сказал Сварог. — Два визитера, вломившиеся незваными к слабой женщине — это уже перекор, «филин» к «трем семеркам»... — и ободряюще сказал: — Не грустите, я вас включаю в беседу...

Достал двумя пальцами из грудного кармана рифленный шарик величиной с большую горошину, протянул Интагару — тот, не в силах скрыть промелька радости, сунул его в правое ухо и устроил там указательным пальцем.

Они так поступали не впервые — когда по тем или иным причинам собеседник Сварога должен полагать, что разговор ведется с глазу на глаз, но Интагар должен все слышать. Почти по классикам: камень был не камень, а объектив телепередатчика, обруч был не обруч, а рация. Микрофоном был «алмаз» в золотой булавке, согласно последней моде скалывавший шейный платок. Имелась и другая, с сапфиром-объективом, но сейчас в ней не было нужды, и она осталась в столе в кабинете.

Коснулся указательным пальцем золотого завитка: и «алмаз» мигнул зеленым — микрофон включен. Сварог провел перед лицом ладонью, убрав очередную «маску», и в истинном своем облике открыл высокую резную дверь. Слева от нее красовался затейливый золоченый рычаг звонка, который следовало, судя по прорези, опустить вниз, но короли стоят выше таких пошлостей, как звонок в дверь — в своем королевстве Сварог повсюду у себя дома.

Коридор, куда выходят шесть дверей. Тишина — ну, конечно, оккупация приемной прошла молниеносно и почти бесшумно, а дверь солидной толщины и прикрыта плотно... Стараясь ступать тише, он двинулся в коридор, открывая одну дверь за другой: спальня пуста, кабинет пуст... ага, со свиданием!

Обширная столовая, слева — длинный стол, рассчитанный на дюжину персон, справа за маленьким, круглым, сидит Лавиния, до этой секунды безмятежно кушавшая кофий.

Сняв бадагар, Сварог раскланялся по всем правилам политеса, доведя галантность до абсурда: не так, как монархи ведут себя при встрече, а гораздо ниже и церемоннее, словно простой дворянин перед коронованной особой.

Самообладание у Лавинии, как раз собиравшейся налить себе еще чашечку, оказалось железное: она не выронила кофейник, как сделал бы при похожих обстоятельствах комиссар Жюв в одном из любимых фильмов Сварогова детства, не вскочила, как героиня театральной мелодрамы, даже кофе не пролила. Но с изумлением

справилась далеко не сразу. В ее красивых и выразительных карих глазищах зажглась нескрываемая тревога, не удивительная для человека в ее положении.

— Я вас приветствую в «Красавице Латеране», венценосная сестра моя, и в той, что в кавычках, и в той, что без оных, — сказал Сварог радушно, как и полагалось гостеприимному хозяину.

Поскольку оставаться с покрытой головой в присутствии дамы галантному кавалеру неприлично, подошел к широкому малахитовому подоконнику и положил на него бадагар — рядом с дамской сумочкой из алого бархата, украшенной золотыми цветами робискуса. Бесцеремонно приподнял ее согнутым указательным пальцем, тут же убедившись по легкости, что там нет ни пистолета, ни кинжала, ни иного инструмента для дружеской беседы, какие вела Лавиния в молодости, во время битвы за трон и в течение первых лет, когда трон был довольно шатким седалищем. Все это время держал очаровательную стерву в поле зрения — в ее платье не укрыть никакого оружия, но, когда имеешь дело с Лавинией Лоранской, расслабляться не следует... Дольше проживешь.

Она отставила кофейник и встала, прямая, как исправно натянутая струна виолона — красавица в палевом платье с кружевными рукавами в тон, черные волосы уложены в затейливую прическу из тех, какие Канилла Дегро позаимствовала на Той Стороне, — они уже начали из Империи проникать в земной бомонд — скрепленную заколками с крупными рубинами. В ожерелье, диадеме и перстнях тоже рубины, как нельзя лучше гармонировавшие с цветом волос и глаз. Выглядела она гораздо моложе своих лет, на двадцать с небольшим — но Сварог прекрасно знал причину такой метаморфозы и нисколько не удивился. Сказал все так же вежливо, старательно избегая иронии:

— Что же вы стоите, г е р ц о г и н я? Присядем же и побеседуем, как любил выражаться один знаменитый священнослужитель.

— Никогда о таком не слышала, — настороженно отозвалась Лавиния.

Ну конечно, откуда ей знать о кардинале Ришелье? Однако села и даже положила ногу на ногу, изо всех сил стараясь казаться невозмутимой. Сварог сказал небрежно:

— Он давно умер, его не помнят.

И тоже сел, что этикет теперь позволял. Едва войдя, он вмиг определил, что Лавиния осталась самым обычным человеком, точно такая, как во время их последней встречи, разве что помолодела и похорошела. Надо полагать, такой она и была в двадцать два года, когда ее долго осаждал один из первых придворных ловеласов, какой-то граф — и, по неисповедимому капризу от Лавинии не добившийся взаимности, принял безотказный яд, болван...

Она заговорила первой:

— Надеюсь, все мои люди живы?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог с милой улыбкой. — Я тиран, но не зверь, к чему причинять им вред? В начале беседы должен признать, что восхищен вашей смелостью, честное слово. Вы пошли на определенный риск, приехав в гости вот так запросто. Конечно же, такую красавицу я не бросил бы в сырое подzemелье с грязной соломой и крысами, но мало ли в глуши уединенных замков? Или вы осведомили об этом визите... — он сделал многозначительную паузу, — кого-то в Империи, на чье заступничество надеетесь?

— Никого я не осведомляла, — ответила Лавиния с такой же улыбкой, только все же чуточку натянутой. — Не чувствую надобности в защите и п о ч т и не допускаю, что вы посадите меня под замок.

— Я же сатрап, развращенный безнаказанностью в силу известных причин, — улыбаясь еще шире, сказал Сварог.

— Не старайтесь выглядеть хуже, чем вы есть, — ответила Лавиния, вернув улыбку. — Есть все основания думать, что вам присуща некая старомодная порядочность, известное благородство. Это не комплимент, вы не придворная красотка, а я не мушкетерский лейтенант. Все, что я о вас знаю, позволяет считать, что некое благородство вам присуще до сих пор.

— Считайте, что я умилился, — сказал Сварог. — Но не забыл, что вы трижды подсылали ко мне убийц с глупыми ножиками...

Она небрежно взмахнула рукой:

— Ну, в отношениях меж коронованными особами это такая житейская мелочь... Вы же не станете отрицать, что за последние три года я таких шуточек более не позволяла? Вот видите. И я не сделала ничего такого, из-за чего стала бы для вас с м е р т е л ь н ы м врагом. Есть и другое, гораздо более существенное обстоятельство. Давайте уж будем друг с другом предельно откровенны. Дело отнюдь не в вашем благородстве, а в вашем трезвом расчете. Если вы заточите меня в уединенный замок и даже отрубите голову, совершенно никакой выгоды от этого не получите, даже на медный грош. Ровным счетом никакой. Вы ведь шпионите за Лораном давно и обстоятельно, и не только теми возможностями, какими располагают обычные земные короли. Вы должны прекрасно знать, что собой представляет мой Тайный Совет. Не так ли?

— Прекрасно знаю, — кивнул Сварог.

Ну, как же... Восемнадцать человек: способные управленцы, талантливые военные, искусные финансисты. Ни единого пустомели или бездаря, вот уж поистине золотые мозги королевства, нужно признать...

— И о моей тайной наследнице знаете? Признайтесь откровенно.

— Знаю, — сказал Сварог.

— И об обоих завещаниях?

— И о них знаю.

Лавиния и здесь проявила завидную предусмотрительность и трезвый расчет. Ее единственному сыну исполнилось пятнадцать, он пока что не строит с е р ь е з н ы х планов против матушки, но вьюнош амбициозный и честолюбивый, поручить штурвалом королевства уже сейчас не прочь. Особых способностей к этому у него нет, но, по достовернейшим данным, крайне восхищен недавним примером Лжеэдмунда Горротского, севшего на трон в те же годы, сопляк самонадеянный.

Своей а р м и и у него нет, но вокруг уже замаячили доброхоты, готовые с превеликим рвением взять на себя роль верных сподвижников. К счастью для Лавинии, это сплошь люди, не имеющие в королевстве никакого влияния. Один уже под благовидным предлогом лишился головы, двое отправились в ссылку, остальные притихли. Лавиния полгода назад протащила через свой ручной уитенагемот закон об изменении порядка престолонаследия — теперь лоранский монарх имеет право сам назначать себе преемника. И преемницу она нашла: незаконная внучка отца ее покойного мужа, нетитулованная дворянка, обитающая в скромном поместье родителей, девица лет шестнадцати, не глупая, но бесцветная, ничем не примечательная, идеально подходящая на роль марионетки. Кроме обнародованного закона есть два тайных завещания: одним она лишает сына прав на престол, другим возводит девчонку в звание «королевского бастарда» (законы это допускают), вторым передает ей трон в случае своей безвременной кончины (причем приняты меры, чтобы безвременную кончину не организовал именно что Тайный Совет). Сварог не считал, что полностью осведомлен о тайнах лоранского двора, однако, зная Лавинию, не сомневался, что есть какие-то устные инструкции. По которым разжалованный из наследных принцев отпрыск быстренько скончается от разбитого сердца или поест не тех грибочков. Примеров, когда именно так поступали с самыми что на есть родными кровиночками, предостаточно в истории Талара и Земли, и не только там...

Одним словом, даже если Сварог предастся дикому зверству и велит молодчикам Интагара придушить Лавинию в этой самой столовой (а они без колебаний исполнят и не такое), выгоды ему от этого не будет на медный грош, тут Лавиния права. Ни малейшей смуты, заметных шатаний и беспорядков в Лоране не произойдет, эти восемнадцать исправно выполняют писанные и неписанные инструкции. Наверняка Лавиния отдала приказ вроде: «Если я не вернусь через две недели...» — при ее-то уме, хитрости и коварстве нетрудно было до этого

додуматься. Значит, следует отпустить ее восвояси, когда станет окончательно ясно, с чем она заявила в гости.

— Мне кажется, я знаю, о чем вы думаете, — сказала Лавиния с легкой улыбкой, уже без тревоги.

— Я никогда не считал вас недалекой, — серьезно сказал Сварог. — Вы умница. Чтобы победить в схватке за трон, мало было одних хитрости и коварства, нужен был и незаурядный ум. В некоторых поступках вы его, простите великодушно, не проявили, но такое с каждым может случиться, примеров множество... Да, я прекрасно понимаю: если вы вдруг... исчезнете из этого мира, мне от этого не будет и тени выгоды. А вспоминать эти истории с покушениями... Это было бы чересчур мелкой мстью. Так что слово чести: вы в совершеннейшей безопасности и можете уплыть в любой момент...

— Я вам верю, — так же серьезно сказала Лавиния.

Как нельзя более кстати открылась дверь, и двое «лакеев» (из тех, что стояли в вестибюле) внесли два больших серебряных подноса, уставленных, отсюда видно, всем, что душа пожелает (с королевским столом все же не сравнится, но гурмана поразит в самое сердце). Повинуясь жесту Сварога, установили свою ношу с краю большого стола и бесшумно улетучились.

— Позвольте предложить вам скромное угощение, венценосная сестра моя? — спросил Сварог. — Вы еще не обедали, да и я тоже, а ведь самое время... Надеюсь, вы не предложите мне первым опробовать вино и яства?

— Ну, конечно, нет, — сказала Лавиния. — Отрава — совершенно не в вашем стиле... да и не в моем тоже. Яд преспокойно могли подлить в кофе или подмешать в пирожные, вы ведь уже знали, кто я такая, когда я заказывала кофе, только законченный идиот стал бы меня убивать, не узнав, с чем я заявила.

— Лавиния, вы великолепны, — искренне сказал Сварог. — Честное слово, я с вами отдыхаю душой. В последнее время как-то перевелись по-настоящему достойные противники, такая мелочь суется наперерез, что даже противно. Вы — совсем другое дело.

— Вот т а к о й комплимент мне очень приятен, — улыбнулась Лавиния, грациозно вставая. — Сразу видно, что сделан от чистого сердца...

Она встала — Сварог из галантности тоже поднялся, у него давно это получалось автоматически, грациозной походкой прошла к подоконнику (сделавшему бы честь Хозяйке Медной Горы), вынула из сумочки что-то легкое и повернулась к Сварогу лицом, развернув и держа обеими руками кусок ткани размером с носовой платок. Разумеется, никакой это не платок — уменьшенная копия флага парламентаров в черно-золотую клетку, по старинной традиции гарантирующая парламентару полную неприкосновенность в стане противника и безопасное возвращение в свой.

Какое-то время царила самая непринужденная атмосфера — они пили из пузатых бокалов ало-искристую «Медвежью кровь» и отдавали должное яствам. Видно было, что Лавиния изрядно проголодалась — как и Сварог. Похоже, лоранская королева уже избавилась от тревог и уединенного замка более не опасалась. И пошла даже дальше: прежде чем откусить очищенный силванский банан или согласно застольному этикету покромсать его серебряной ложечкой, розовыми губками и розовым язычком вытворила с ним та-а-кое... Окончательно успокоилась и озоровала... Сварог притворился, будто ничего не заметил, — чему она, конечно, не поверила.

— Давайте вести разговор в этом ключе? — предложила Лавиния. — Я — полноправный парламентар.

— Вообще-то согласно традициям это правило действует только на войне...

— О, традиции... — Лавиния сделала пренебрежительную гримаску. — Вы уже поломали столько освященных веками традиций, и здесь, и в Империи... Давайте усовершенствуем и эту?

— Согласен, — сказал Сварог. — В первую очередь оттого, что парламентар обязан говорить только правду, ничего не скрывать и не обманывать.

— Не имею ничего против...

Она уселась на прежнее место, аккуратно положив черно-золотой кусок ткани слева от себя (парламентеру и полагалось устанавливать флаг слева от себя, с той стороны, где сердце). Вынула из позолоченной (а может, золотой шкатулки) длинную сигарету (коричневая бумага, желтый фильтр), умело прикурила от имперской «вечной зажигалки», приложив кончик сигареты к круглой выемке на верхнем конце, глубоко затянулась и выпустила ароматный дым. Это, ручаться можно, не преследовало целью произвести на Сварога впечатление — очень привычно и буднично проделано. Он и ухом не повел: во-первых, был знаком с этой ее привычкой благодаря хелльстадской наблюдательной аппаратуре, во-вторых, прекрасно знал, кто ее снабжает табачком высшего класса, кто дарит всякие мелочи вроде зажигалки.

— Давайте подробно поговорим об отношениях меж нашими странами, точнее, прекращении отношений, — сказала Лавиния уже насквозь деловито. — В Лоране совершенно нет месторождений серы... по крайней мере, рудознаты их до сих пор не нашли. А без серы не сделать пороха. Залежи свинца на полуночи, за горами Адантел, практически истощены, и новых опять-таки не нашли. А без свинца не сделать ни пуль, ни картечи. Богатые залежи свинца есть на Утраченных Землях — тех, что до вторжения Глаз Сатаны принадлежали нам. Но сейчас они под вашей властью: как часть Пограничья.

— Надеюсь, вы не намерены вновь требовать, чтобы эти земли передали вам? — нейтральным тоном прожженного дипломата спросил Сварог. — Позвольте напомнить: довольно давно Канцелярия земных дел рассматривала ваше прошение и не удовлетворила его, поскольку вы в свое время...

— У меня хорошая память, — отрезала Лавиния. — И я сейчас не собираюсь к этой теме возвращаться, поговорим о вещах гораздо более серьезных. До определенного времени мы добывали свинец на Утраченных Землях, покупали серу и свинец в Снольдере, Ронеро, Горроте, Святой Земле и трех Вольных Манорах. Теперь

остался только Горрот — но есть только свинец, всю добываемую серу они пускают на свои нужды. Все остальные категорически отказались нам продавать и то, и другое. Предельно странное поведение для торговцев, вы согласны? Они каким-то волшебством абсолютно перестали заботиться о своих прибылях, хотя наши люди предлагали двойную цену, а кое-где, ради опыта, согласно моему приказу давали даже и пятерную. Торговцы разводят руками и твердят, что загружены заказами на год вперед... но при этом в глазах у некоторых неприкрытое сожаление — еще бы, отказываться от столь выгодной сделки... Но есть вещи важнее прибыли — например, королевские кары послушникам. Никаких ваших письменных распоряжений нет — но не всегда строгие распоряжения отдаются письменно, мы оба это прекрасно знаем. Вдобавок все до одного корабли со свинцом, идущие из Горрота к нам, захватывают пираты... плавающие без флага рыцари удачи, официально не служащие ни одному государству. При этом в наши порты благополучно добирается большая часть кораблей с грузами, гораздо более ценными, чем свинец, которыми рыцари удачи заинтересовались бы в первую очередь. Но вот, поди ж ты, они питают какую-то болезненную страсть именно к свинцу. Мы с одним из адмиралов решили произвести опыт. Из Горрота шесть кораблей со свинцом вышли под конвоем шести многопушечных фрегатов. Недалеко от мыса Скаури на них напала пиратская флотилия в полтора десятка вымпелов и не успокоилась, пока не пустила ко дну все грузовые суда. Два фрегата пострадали, но в порт вернулись все до одного — признаться, у них был приказ особенно не упорствовать и пуститься в бегство якобы по причине численного превосходства фрегатов пиратов и неумелых действий капитанов. Это тоже дало пищу для размышления, адмирал первое время места себе не находил от изумления. Рассказывал, что порой пираты сбивались во флотилии и побольше, но исключительно ради богатой добычи. А эти о добыче не думали совершенно, как и торговцы о прибыли. А ведь ни торговцы,

ни пираты никогда не были прекраснодушными идеалистами. Согласитесь, это странно...

— В нашем мире столько странностей, — сказал Сварог, не моргнув глазом.

— Еще одна странность, — невозмутимо продолжала Лавиния. — Безусловно, у вас хорошо налажена разведка в портах Горрота. Однако человек крайне опытный, один из руководителей нашей заграничной разведки, клянется: переговоры о свинце велись в таких условиях, с такими мерами предосторожности, что в тайну ни за что не могли бы проникнуть шпионы-люди. И, кстати, другой человек его дополнил: не только люди, но и механические глаза и уши обычных летающих шпионов восьмого департамента, которые, к тому же, могут слышать и видеть только то, что происходит под открытым небом. Правда, он же говорил, что есть и другие средства, позволяющие слышать и видеть то, что происходит под крышами, — они, никаких сомнений, были применены и применяются до сих пор... В частности он не вдавался, но заверил, что такие средства есть... в том числе и в вашем распоряжении. Разумеется, никаких вещественных доказательств у меня нет, но для меня ясно, кто за всеми этими странностями стоит... — и она послала Сварогу выразительный взгляд, не представлявший загадки.

Сварог выругался про себя в семь матросских загибов.

Третьим департаментом Канцелярии земных дел не одно столетие заведует граф Тиалус, лорд Тауман, пожилой, но еще не старый, всем в Империи известный как неутомимый ловелас. Крутящий скоротечные романы как с красотками Келл Инира, так и с иными таларскими знатными дамами, а то и особами более низкого звания. Об этой его страстишке давно известно супруге, но она, уже равнодушная к иным радостям плоти, относится к этому благодушно и не раз говорила подругам-сверстницам: «Что поделать? Остается только порадоваться за него, коли уж он еще в состоянии предаваться этим забавам, которые меня давно не интересуют».

Примерно год назад все резко изменилось. Встретившись на балу в Келл Инире с Лавинией, граф, до того об-

щавшийся с ней редко, в официальной обстановке Канцелярии, в о с п ы л а л. Подобное не раз случалось и за облаками, и на земле, и, наверное, еще тысячу раз случится: стареющий бабник по уши влюбился в молодую красотку нестрогих правил. Бал для парочки закончился в маноре графа, оборудованном под любовное гнездышко, — и они там до сих пор встречаются не реже раза в неделю. Лавиния ему устраивает упоительные ночи — и беззастенчиво к а ч а е т из разнеженного любовника всю информацию, какая ее интересует.

Начиная со второй их встречи, Сварог каждую держал под наблюдением. Для чего не потребовалось всобачивать с в о ю технику — оказалось, Гаудин давным-давно установил и там микрофоны. Как и подобает толковому начальнику тайной полиции, с л у ш а л многих имперских сановников и придворных. А поскольку магнитофонная запись — не видеозапись, и не всегда определишь, когда ее следует промотать, Сварогу часто приходилось слушать записи едва ли не целиком — влюбленный пингвин (как охарактеризовал подобного типа герой одного из читанных Сварогом в юности приключенческих романов) пускался в откровения нерегулярно, увидев стараниями Лавинии небо в алмазах. А Лавиния часто искусно задавала ему наводящие вопросы, чего он так и не раскусил.

Он и рассказал ей и о средствах наблюдения восьмого департамента, и кое о чем другом. А после чего, ведать о том не ведая, оказался в руках Сварога. В Империи всегда смотрели сквозь пальцы на то, что иные дарят своим земным любовницам и любовникам разную мелочевку, вроде «вечных зажигалок», «вечных стилусов» и «вечных фонариков» — лишь бы настрого запретили одаренным показывать эти сувениры на публике. То же касается имперского табачка в виде неизвестных на земле сигарет, имперских деликатесов и вин. Однако «Эдикт о поведении высородных ларов на земле» строго запрещает делиться с жителями земли какой бы то ни было д е л о в о й информацией, да и прочая, чисто бытовая, строго дозируется. Стоит Сварогу положить некоторые записи на стол Диамер-Сонирилу... Нет, ка-

ких-либо наказаний не последует — но принц, ревнитель параграфов, моментально вышибет графа в отставку...

Вот только делать этого Сварог не собирался — и точно так же не намерена была что-то предпринимать Яна. Оба относились к происходящему с тем же благодушием, что и супружница влюбленного пингвина. Дело даже не в том, что граф, в принципе, был человеком не вредным, не участвовал не то что в придворных, но и во внутриканцелярских интригах, в отличие от иных своих сослуживцев, — нужно уточнить, не в силу высоких моральных качеств, а оттого, что все свободное время отдавал своей одной, но пламенной страсти. Влюбленный пингвин просто-напросто не знал никаких серьезных государственных тайн, раскрытие коих перед Лавинией могло бы повредить Сварогу или хоть в малейшей степени интересам Империи. По большому счету, глубоко плевать на то, что Лавиния знает о средствах наблюдения восьмого департамента — все равно противостоять им не имеет возможности. Точно так же не способна использовать к своей выгоде другие мелкие секреты, услышанные и выведенные в графской постели... Третий департамент — это контроль за земным человечеством, животным и растительным миром. Дело важное, полезное и нужное — иногда, хоть и крайне редко, безобидные микроорганизмы взбрыкивают, неожиданно мутируют, и тогда легкая хворь человека или животных способна обернуться смертельно опасной эпидемией или эпизоотией*, и то же самое может произойти с хворями растений. Граф — хороший специалист своего дела и толковый администратор. А посему Сварог и Яна относятся к нему благодушно. И пылкий роман (искренне пылкий только со стороны графа) продолжается. Он заваливает Лавинию подарками, недавно она с его подачи прошла в «Лазурной бухте» двухдневный курс омолаживающих процедур, благодаря чему еще долго будет выглядеть двадцатилетней. Метаморфоза эта так влюбленного пингвина восхитила, что он вполне

* Эпизоотии — эпидемии у животных.

серьезно, отнюдь не под влиянием минуты, заявил, что разведется (это согласно имперским законам возможно) и сделает Лавинию законной супругой.

Умница Лавиния не отказала прямо, но, судя по магнитофонной записи одного из их последних разговоров, отнюдь не спешила замуж. Даже долголетие ее не прельщало — какое-такое долголетие... Никак не хотела из полновластной земной королевы превращаться в рядовую придворную даму Империи, одну из нескольких сотен — и оставаться в этом скучном положении сотни лет. Только пустышек, вроде бывшей жены Гарна, такое будущее приведет в восторг — но не Лавинию, живущую по принципу: «Лучше двадцать лет прожить соколицей, чем двести вороной» (похожая пословица на Таларе известна).

И наконец, что касается курса омоложения. Сварог месяц назад сам отправлял на три дня в «Лазурную бухту» Старую Матушку, которая теперь выглядит лет на тридцать пять (и ее организм отныне именно этому возрасту соответствует). Гарайлу это привело в восторг, их отношения до сих пор продолжают, и теперь маршал (сам признался Сварогу) всерьез думает покончить наконец с вечным холостячеством и полагает, что нареченная согласится. А потому стал следующим кандидатом на курсы — куда Сварог собирается в ближайшее время отправить мэтра Анраха, Интагара и еще нескольких пожилых сподвижников из разных королевств. Как и граф, воспользовался прорехой в законодательстве — нет разрешения на оказание такой протекции обитателям земли, но нет и запрещения, разница только в том, что граф впервые этим маневром воспользовался, а у Сварога он вошел в привычку...

— Никак нельзя сказать, что мы задыхаемся от недостатка серы и свинца, — продолжала тем временем Лавиния, — нам пока что того и другого хватает и на собственные нужды, и на помощь Харлану. Вы, конечно, знаете причину?

— Конечно, — кивнул Сварог. — Года за три до смерти ваш покойный супруг, надо отдать ему должное, поступил очень умно. Назревала война со Снольдером, а в таких случаях все державы, имеющие к тому возмож-

ность, начинают действовать на торговых морских путях противника. Король учинил сильное кровопускание казне, но создал огромные запасы свинца и серы. Они вас сейчас и выручают. Правда, со временем в бочках появится дно. Вы уже довольно ощутимо сократили помощь Харлану.

— Недостаток свинца и серы тут ни при чем, — по-кошачьи прищурилась Лавиния. — Выдам вам государственную тайну, правда, не из крупных... Вялотекущая междоусобица в Харлане выгодна в первую очередь вам — не просто слабая страна, державочка, по которой гоняются друг за другом сразу три претендента на трон. И ни у одного нет реальных шансов на победу. Как только мы это поняли, не бросили нашего человека совсем, но помощь значительно сократили. Да, еще один нюанс харланской эпопеи. Ни один наш корабль, возивший туда деньги и военные припасы, ни разу не подвергся нападениям пиратов — а ведь золота они туда везут гораздо больше, чем может уместиться в карманах и дорожных сумках. Ничего не скажешь, умно... Теперь дальше. Вам прекрасно известно, что Лоран давно уже прозвали «льняным королевством», и отнюдь не в насмешку. Мы единственная держава Талара, где цветок льна стал геральдическим и встречается на многих гербах. И справедливо: наши земли, особенно те, что на правом берегу Азура, — лучшие на Таларе уголья для выращивания льна. Так обстоит с хлопком на Катайр Крофинде, рисом и виноградом в других странах... Три четверти нашего годового вывоза составляли льняные ткани, мы занимали больше половины таларского рынка льна и даже некоторую долю сильванского. И здесь в одночасье все изменилось, наши ткани попросту перестали покупать везде, кроме Горрота. Сильванскую торговлю мы удержали, благодаря имперским законам, запрещающим любые ограничения вывоза каких бы то ни было товаров на Сильвану, но это выручает плохо. Разумеется, запрет ущемил и ваших подданных, но не особенно: три низших Гильдии и крестьянство и до того обходилось домоткаными холстами. В отличие от Лорана, повсюду в ходу пословица: «Он хо-

дит в льняной рубахе», означающая, что человек такой очень богат, по меркам деревни и низших Гильдий. Цены на лен, конечно, повысились, но не более чем наполовину, и ваши торговцы довольно потирают руки... А вот у нас хлопоты и убытки нешуточные. Склады забиты льняными тканями, ткачи остались без работы, как и все, кто связан с этой торговлей, — купцы, мореходы, возчики, портовые и складские рабочие... Большие убытки ждут всех, кто занимается посадками льна, — от богатейших дворян до последних крестьян. Подступает второй в этом году сезон сева — и многие стали задумываться, стоит ли в этих условиях заниматься льном. С солью не лучше. У нас нет своей соли, мы издавна покупали ее в основном на соляных копиях острова Бран Луга. Однако владельцы всех восьми с некоторых пор, ссылаясь на падение добычи, наполовину урезали поставки. Конечно, не прекратили их совсем: есть ведь имперский закон «О жизненно необходимых товарах», куда входит и соль. Всех, кто попытается прекратить поставки соли в страну, не имеющую своей, ждет имперский суд. Но все равно, ситуация печальная. Соль взлетела у нас в цене втрое, что радует только купцов и всех, кто с ними связан. А таких гораздо меньше, чем тех, кто страдает от повышения цен: без соли не проживешь. Кое-где уже случились соляные бунты со всеми неизбежными последствиями: нападения толпы на склады и лавки, при которых больше соли втаптывается в грязь, чем растаскивается, иногда бывают и убийства. Пока что справляемся, гасим в зародыше, но следует ждать настоящей бури. История показывает: именно соляные бунты становятся самыми большими по размаху и кровопролитию, в них участвуют и крестьяне, и горожане, часто начинается с соли, а кончается всевозможной кровавой неразберихой, уже не имеющей отношения к повышению цен на соль. Вы, как деятельный король, конечно же, знакомы с историей соляных бунтов?

— Конечно, — кратко ответил Сварог, в первую очередь вспомнивший даже не таларские бунты, каких при его правлении не случалось, а знаменитый Соляной бунт на Руси, охвативший всю страну.

— Немного лучше обстоит с другими товарами. У нас перестали покупать мачтовый лес — но он и прежде составлял менее трети вывоза. Своего табака у нас нет, его поставки тоже сократились наполовину и подпадают под тот же закон.

Сварог про себя прокомментировал: что любопытно, цены на табак повысились в Лоране совсем незначительно, это странно, но никто еще не доискался до причин. А ведь, в отличие от серы и свинца, никаких стратегических запасов табака там нет...

— С винами совсем грустно — с точки зрения, к счастью, не такого уж большого числа людей. Вином с нами отказались торговать — но у нас достаточно своего, и отсутствие привозного печалит лишь тех зажиточных, кто привык к дорогим привозным винам и келимасам. Кое-какие запасы у торговцев есть, но и здесь цены взлетели. Вот эти мелочи нас не особенно печалят — в отличие от соляных, винные бунты всегда вспыхивали только тогда, когда на троне или возле трона оказывались идеалисты, решившие вдруг из самых высокоморальных целей ограничить торговлю и потребление спиртного. Мы с вами, к счастью, к таковым не относимся...

Она с намеком покосилась на свой бокал, Сварог налил ей и себе золотистого «Горного ручья» и вспомнил, как однажды его высокоморальный сановник припер проект не «сухого закона», но его бледного подобия — и едва нашел дверь...

— Теперь о морских перевозках, — продолжала Лавиния, чуточку нервно осушив свой бокал. — Еще пол-года назад Ганза отказалась ими заниматься, и так же поступили все ваши королевства, включая предельно дружественный вам Шаган. Вновь никакой грусти об утраченных прибылях... Наш собственный торговый флот обеспечивал лишь пятую часть перевозок — вдобавок из-за всего, о чем я рассказала, девять десятых кораблей встали на прикол: нечего вывозить. По чьему-то великодушию, — она послала Сварогу откровенно насмешливый взгляд, — эти «совпадения» не распространились на нашу торговлю посудой, но прибыль от этого

всегда была невеликая: товар громоздкий, хрупкий, когда речь идет о фаянсе и глине, дешевый... Есть и нечто гораздо более тягостное. Все банки, кроме горротских, вздули процент по займам втрое, а иные и вчетверо, хорошо еще не задним числом. После чего мои подданные перестали брать займы в иностранных банках, и наши финансисты представили обширный доклад, из которого явствует: везде, кроме Горрота, против отделений наших банков началась настоящая война со стороны местных — как это всегда у банкиров бывает, в совершеннейшей тишине, без огласки, но это именно не мелкие стычки, какие меж банками повсюду случаются, а не что иное, как крупномасштабная война, непохожая ни на что прежнее. Касательно и этого, и всего прочего мой Тайный Совет давно пришел к выводу: против нас развязали сущую потаенную войну с наступлением со всех сторон, она направляется из какого-то центра, — снова выразительный взгляд, не оставляющий никаких сомнений, к о г о она считает этим центром. — Все распоряжения отдаются только устно, нет ни единой бумажки, ш т а б, в существовании которого у нас никто не сомневается, состоит из небольшого числа людей — как бывает всегда на серьезной войне. Правда, т а м всегда есть бумаги, пусть и помеченные высшей степенью секретности...

Она замолчала, откровенно уставилась на нетронутую бутылку келимаса с острова Ройре, и Сварог налил ей не такую уж маленькую рюмку. Пить она умеет, и ни за что не дойдет до такого состояния, когда что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Что ж, пусть немного утешится алкоголем...

Он был самую чуточку горд собой — и в самом деле поработал неплохо, в короткие сроки сколотив крепкую команду, тот самый вычисленный лоранцами штаб, центр, начавший проводить в жизнь план «Петля». Название употребляется исключительно меж штабистами — для экономии времени. Семь человек из трех королевств и Балонга под неофициальным председательством герцога Брейсингема. Как и положено при-

личному тайному обществу, построен по принципу пирамиды: чуть ниже — полсотни планировщиков и научных консультантов (мэтр Анрах в том числе) и начальников секретных служб (куда же в таком деле без них?), еще ниже — три яруса исполнителей разной степени посвященности и разной численности. В общем, никаких Америк Сварог не открывал: по сути, еще одно государственное учреждение, разве что, в отличие от всех других, не оставляющее ни одной штабной бумажки. А один из консультантов, некий капитан имперской гвардии Элкон, изрядно облегчает штабу работу применением при необходимости квантовых компьютеров. А главное, создание такого штаба и его работа ни в одной букве, ни в одной запятой не противоречит имперским законам, принятым давным-давно и не предусмотревшим такого штаба — еще одна прореха в законе, которые Сварог давненько уж научился выискивать гораздо лучше, чем обученная охотничья собака — птички гнезда. Эти же законы не предусматривали появления земного короля и применение им хелльстадских компьютеров, на что Канцлер с самого начала смотрит сквозь пальцы, как-то сказав прямо: «Нежелательной была бы м а с с о в а я компьютеризация». Сварог, ничуть не кривя душой, заверил, что ничего подобного и в мыслях нет, на том дело и кончилось...

— Знаете, что я сделала бы на вашем месте? — спросила вдруг Лавиния, самостоятельно налив себе еще келимаса, но даже не пригубив. — Послала бы в один из крупных наших портов флотилию торговых судов, груженых солью. О нет, купцы не раздавали бы соль бесплатно, они бы, как купцам и положено, ее продавали... но ценой в полфоллиса за мерку — наша самая мелкая монетка, медяшка. В то время как цена за мерку у нас уже достигла серебряного фоллиса, то есть в двадцать раз выше. Сбежалось бы столько народу, что для наведения порядка не хватило бы и всей городской полиции, пришлось бы послать и армейскую кавалерию. Власти вкупе со мной не смогли бы этой торговле помешать: соль как «предмет жизненной необходимости» не под-

падает под торговые законы о статере*. Так что купцы вольны устанавливать любую цену, какая им заблагорассудится. А если мы попытались бы все же торговлю пресечь и арестовать, то быстро грянул бы бунт, в котором участвовал бы весь город... Разумеется, корабли должны быгть под вашими флагами... а добрые купцы объясняли бы всем и каждому: великодушный и щедрый король Сварог принял близко к сердцу невзгоды лоранцев, вздорожание соли, без которой не проживешь, и помогает всем, что в его силах, и это не последние корабли. Это вызвало бы грандиозный взрыв симпатий к вам, и не только у простого народа. Людям страшно нравится, когда снижают цены, особенно на соль. По старой традиции повсюду на Таларе так поступают при коронации нового монарха... Да что это я? Вы и сами это должны прекрасно знать, столько коронаций прошли...

— Прекрасно знаю, — кивнул Сварог.

Не стоило тратить время и объяснять, что эта традиция не сработала один-единственный раз — понятное дело, в Хелльстаде, где торговли солью попросту нет, потому что нет населения, которое этим занималось бы и нуждалось в приправленных солью кушаньях. Если не считать его самого, мэтра Лагефеля, гостей и обитателей Гун-Демии-Тенгри — но и они, и Золотые Кухари соль, естественно, не покупают, а добывают посредством бытовой хелльстадской магии.

— ...Это не комплимент, а признание очевидного факта, — сказал Сварог со светской улыбкой. — Лавиния, меня всегда восхищала острота вашего ума...

— Благодарю, — Лавиния улыбнулась, но довольно бледно.

Сварог, в общем, говорил ей правду. Вот только не стоило ее огорчать и уточнять, что десять дней назад ту же самую идею (и даже цену очаровательная стерва придумала ту же самую!) на очередном заседании штаба, не сговариваясь, выдвинули Брейсингем и глэрд Баглю. В ходе последующего обсуждения подробно обговори-

* Статер — то же, что демпинг. Преследуется торговым правом.

ли детали — не одна флотилия, а четыре, три придут в морские порты, а четвертая поднимется по реке Азур в столицу Лорана. И не по десять кораблей в них будет, а по пятнадцать — чтобы торговля шла подольше, и вести о ней успели облететь всю страну. Взрыв симпатий к королю Сварогу и в самом деле будет лишь самую малость слабее атомного. Баглю обдумал последствия, и все с ним согласились: примерно так и будет. Слухи моментально расцветят и приукрасят подробностями собственного сочинения, на которые в подобных случаях крайне щедра народная фантазия: что соль посланцы Сварога раздают бесплатно, что кораблей приплыло не шестьдесят, а сто шестьдесят, но большую их часть зловредные власти арестовали — и все такое прочее. В Лоране долго будет шумно и весело, а власти получат нешуточную головную боль. Выход кораблей из Фиарнолла планируется через десять дней, раньше не загрузить, даже работая стахановскими темпами.

— У вас, я уверена, есть в запасе и другие средства, — сказала Лавиния. — Не менее эффективные, чем те, что уже пущены в ход...

Она даже не представляла, насколько эффективные, иначе всерьез загрустила бы... Крепость Королей оставалась в руках у Сварога, и не составило бы никакого труда устроить отдельно взятому Лорану небольшой природный катаклизм. Недели через три после того как закончится второй в этом году сев и полезут первые всходы, по неизъяснимой игре стихий на Лоран обрушится точное подобие венерианского нескончаемого дождя из рассказа Брэдбери. Льющиеся без перерыва две, три недели ливни начисто уничтожат посевы всего, чем богата лоранская земля, и не будет никаких урожаев. Да вдобавок размочит дороги в кисель — со вполне предсказуемыми последствиями для народного хозяйства. Никаких массовых смертей не последует, но невзгод будет достаточно. Потом ливни так же неожиданно прекратятся, и в Лоран пойдут корабли под флагами Сварога, купцы будут продавать по смешным ценам пшеницу и горох, репу и капусту. Канцлер, заранее можно сказать, и на

это посмотрит сквозь пальцы — в конце концов, интересы Империи беды Лорана нисколько не задевают. А в означенном Лоране грянет очередной взрыв симпатий к великодушному и щедрому королю Сварогу. И наконец! Еще не исчерпаны все обычные, так сказать, средства давления на Лоран...

— Королевство в отчаянном положении! — продолжала Лавиния. — Уже сейчас цены на льняные ткани ощутимо поползли вниз — все, обладающие их запасами, стремятся выручить хоть какие-то деньги, никто уже не сомневается, что наш лен не будут покупать еще долго. Если так пойдет дальше, пословица насчет льняной рубахи у нас потеряет прежнее значение. Ну, и все остальное... Конечно, голода у нас не будет, мы и раньше были самодостаточными в сборе зерна и овощей, у нас достаточно мяса и шерсти для сукновалов. Однако будет дорожать соль (а что ж ты о табаке снова не упомянула? — подумал Сварог. — Ты же сама куришь, хотя это тебе и гроша ломаного не стоит, должна понимать, как вздорожание табака разозлит курильщиков). Сахар станет недостижимой роскошью даже для многих небогатых дворян, не говоря уж о прочих, — своего сахара у нас нет, пасек слишком мало, он и до того был роскошью, а уж когда нам откажутся продавать и сахар... Он тоже не состоит в числе «жизненно необходимых товаров»...

Все верно, подумал Сварог. Мы и в самом деле намерены прекратить с вами торговлю сахаром, а того, что с немалой выгодой для себя будут перепродавать у вас горрютцы, не хватит — а в море и пираты есть... В немалом количестве, вольные и никому не подчиняющиеся рыцари удачи...

— И вот тут уже в отчаянном положении оказываюсь я, — сказала Лавиния, стараясь выглядеть как можно невозмутимее. — Я перестану устраивать в с е х: от знати до последних замурзанных крестьян. Очень уж многие поймут, что все свалившиеся на них невзгоды олицетворяю исключительно я. Уже сейчас об этом повсюду заговорили, и эти разговоры расползаются, как раки из перевернутой корзинки — и даже гораздо быстрее. За-

говоров пока что нет, но подобная болтовня рано или поздно оборачивается заговорами. До поры до времени тайная полиция с ними справляется. Именно до поры до времени — а ведь бывают еще ситуации, когда руководство тайной полиции примыкает к заговорщикам... или попросту перестает работать серьезно, что для венценосца ничуть не лучше. Финал предсказуемый: в конце концов мой Тайный Совет придет к выводу, что пора ради собственного благополучия откупаться моей головой. В переносном смысле, понятно — давно ушел в прошлое милый обычай, когда к ногам коронованного победителя торжественно швыряли голову побежденного. Но разница невелика. Как показывает история, у меня будут лишь два варианта скорбного будущего: либо меня убьет какой-нибудь фанатик-одиночка — иногда он и в самом деле действует исключительно по собственному почину, а иногда и нет, либо я окажусь взаперти в каком-нибудь уединенном замке, где быстро скончаюсь от черной тоски или по недосмотру повара, от попавших в компот ягод волчьей красавки — в нашем мире столько фанатиков и нерадивых поваров... Все восемнадцать — люди умные, толковые, циничные и жестокие, сама таких подбирала. Менять их бессмысленно, те, кто придет им на смену, будут одержимы теми же мыслями — если только я успею Тайный Совет поменять... Самое печальное — им даже ничего не придется потом придумывать: вскроют оба тайных завещания и огласят, заверив, что теперь жизнь наладится. И я не могла этих завещаний не написать — нужно было принять все возможные меры предосторожности...

— Опасались все же оказаться под замком? — усмехнулся Сварог.

— Полностью исключать этого было нельзя, вы бы на моем месте поступили точно так же.

— Безусловно, — кивнул Сварог, припомнив случаи, когда он примерно так и поступал.

— И я прекрасно понимаю, что в полную силу противостоять вам не в состоянии, что силы очень уж неравны, — сказала Лавиния. — Буду уже предельно

откровенна... Я это поняла гораздо раньше. Сделала крупную промашку — они у всех иногда случаются. Решила, что вы — не более чем очередной каприз коронованной взбалмошной девчонки, который, как часто бывало, скоро пройдет, и у меня появятся нешуточные шансы... Ошиблась. Еще на вашей свадьбе в Хелльстаде поняла, что это у нее крайне серьезно, а потом убедилась в этом окончательно, драться с вами всерьез бессмысленно. Союз с Горротом ничему не поможет. Конечно, молодой король Эдмунд вас ненавидит за то, что вы убили его родителей...

— Вот уж в этом я не виноват, я не отдавал такого приказа, — сказал Сварог. — Случилась драка, мои люди были вынуждены...

— Эдмунд знает, что вы их не убивали собственными руками, но это ничего не меняет. Как-никак именно вы не пустили их на трон после... известной истории, называя вещи своими именами, травили как волков... Он до конца дней будет вас ненавидеть. Только мне от этого никакого проку. Даже если мы с Горротом выступим против вас вместе, победы не добьемся. Да и не будет совместного похода. Эдмунд чересчур зависит от своей знати, и неизвестно, сколько такое положение будет сохраняться. Вы — надо признать, мастерски — вывели из игры ту часть знати, что хотела лишь возврата Дике и войны с вами, поставили на тех, кому важнее добить Святую Землю, чтоб заграбастать ее рудники. Война еще не кончена, но эти люди еще долго будут править бал в Горроте... а с тем, что там потаенно происходит, я не хочу связываться (при этих ее словах Сварог насторожился, но задавать вопросов не стал, не горротские дела сейчас были самым важным). Одним словом, я в безвыходном положении. В другой ситуации я бы, возможно, попробовала подать «слезницу» в Империю — далеко не все там одобряют то, что вы делаете на Таларе. Но сейчас это бессмысленно. Императрица полностью поддерживает вас, что бы вы ни делали. Что важнее, она установила форменную тиранию — но, самую что ни на есть бархатную, без висящего над головой каждого страха наказания и уж тем более без

казней. Но суть именно такова. Не осталось мало-мальски серьезной оппозиции. Палата Пэров и Тайный Совет распущены, Агора лишена прежнего значения. Канцлер смотрит на ваши дела сквозь пальцы, ему дорого установившееся с вами деловое сотрудничество. Да и власть вы забрали нешуточную. Какие тут слезницы...

Она замолчала, допила свой келимас, нацелилась золотой вилкой на зажаренных в сухарях больших креветок, и у Сварога появилось время кое-что обдумать. Даже если бы он не слушал записи ее постельных задушевных бесед с влюбленным пингином, сразу понял бы: кто-то достаточно высокопоставленный из числа имперских сановников сливает ей немало информации о происходящем в Келл Инире и имперских учреждениях. Предположим, о роспуске Палаты Пэров она свободно могла узнать из телепередач — подобные известия, касающиеся официальных изменений в официальных бумагах Империи, доводятся и до обитателей земли, хотя большинство, если не считать венценосцев и их придворных, пропускает эти скучные материи мимо ушей, живо интересуясь лишь торжественными церемониями в Келл Инире, сериалами и прочей развлекухой — в точности как телеманы Земли, да и подавляющее большинство ларов...

А вот о нынешнем печальном положении Агоры, отношениях меж Канцлером и Сварогом и кое-чем другим, что было ему доступно в силу поста в Империи, ей протрепался разнежившийся сердечный друг, после того как в очередной раз увидел небо в алмазах. Каких бы то ни было серьезных секретов Кабинета императрицы (ее девятого стола, восьмого департамента и еще нескольких учреждений) он знать не мог. Не самый видный пост занимает. Третий департамент в Канцелярии земных дел маловлиятелен, занимается всякой рутинной. Но и того, что он уже наговорил, достаточно, чтобы автоматически применить к нему «Закон о разглашении государственных тайн», настрого запрещающий ларам делиться с кем бы то ни было из обитателей земли, например, подробностями отношений меж Канцлером и Сварогом. Дело уже не отставкой пахнет — кое-чем го-

раздо серьезнее. Что не означает еще, будто Сварог его завтра же арестует, на что имеет полное право — хваткий руководитель тайной полиции, где бы ни происходило дело и как бы полиция ни звалась, такой компромат складывает в стол, если от него нет немедленной пользы — пусть ждет своего часа, запас карман не тянет...

Лавиния отложила тяжелую вилку с гербом «Красавицы Латераны», политесно утерла губы кружевным платочком с ее короной и гербом — ну вот, можно продолжать...

Лавиния заговорила первой:

— Итак, никаких недомолвок меж нами не осталось, мы оба прекрасно понимаем, что я не могу больше драться, обезоружена и оказалась в полной вашей власти. В поединках это называется «регамлер». Полагаю, вы не будете торжествовать или злорадствовать — вы для этого слишком умны и сильны...

— И не собираюсь, — искренне сказал Сварог. — Только злой глупец в таких случаях торжествует, а у нас с вами был честный поединок, даже учитывая тех убийц с кинжалами — венценосцам такое дозволено никак не против чести, в отличие от простых дворян... Тем более, что сила с самого начала была не на вашей стороне. Я к вам не питаю ровным счетом никакой враждебности, Лавиния. Еще и потому, что вы по большому счету никакого вреда мне не причинили. Вы проявили достойное уважения упорство, вы дрались до последнего, использовали все шансы. И отказались от борьбы, лишь когда убедились... — он по примеру опытных дипломатов сделал хорошо рассчитанную паузу, — лишь когда окончательно убедились, что милейший граф Тиалус, лорд Тауман ровным счетом ничем вам не поможет в схватке со мной. Поскольку не имеет к тому ни малейших возможностей. И все, что вы из него при известных обстоятельствах выкачали, служит лишь к утолению любопытства — а оно вам не свойственно, вы для этого слишком умны и расчетливы...

Опять-таки в лучших традициях дипломатии — с невозмутимым видом, ровным спокойным голосом нане-

сти сокрушительный удар. А удар, он видел, был именно что сокрушительным. Самообладание Лавинии оставалось железным, но эмоции она не смогла наглухо затворить в себе, кое-какие обескураженность, изумление, злость просто рвались наружу, образовав на очаровательном личике чуточку забавную смесь — и на какое-то время она форменным образом потеряла дар речи.

Сварог терпеливо ждал. Поневоле вспомнилась бардовская песенка его юности:

— *Лондон — милый городок,
там туман и холодок,
а Профьюмо — министр военный —
слабым был на передок.
Он парады принимал,
он с Кристиной Киллер спал
и военные секреты
ей в постели выдавал...*

Позже, в перестройку, когда обрушилась лавина сенсационных разоблачений всех видов, систем и калибров, он узнал из какой-то газетки, что в милом городе туманного холодка лет тридцать назад дело обстояло совершенно иначе: никаких секретов Профьюмо своей постельной подруге не выдавал, да она ими и не интересовалась, и уж ни какой майор Пронин, равно как и любой другой, не прятался в трюмо. Однако сейчас происшедшее как нельзя более отвечало старой песенке — стареющий ловелас, слабый на передок коронный советник выложил очаровательной шлюхе кучу третьесортных секретов, правда, ни с какой стороны не военных... Причем шлюха, в отличие от той Кристины, которая самым живейшим образом секретами интересовалась и мастерски их выдавала, о чем разнеженный любовник и не подозревал...

Сварог терпеливо ждал, неторопливо пуская дым. Он, как и говорил, вовсе не собирался злорадствовать — но и ласково почесывать за ушком эту дикую кошку никак не следовало, пусть поймет, что это все же не благородный поединок, а уличная драка, в которой все средства хороши...

Наконец Лавиния выпалила:

— Значит, вы нас слушаете? Он мне давно объяснил, что такое микрофоны...

— Я знал, — мягко сказал Сварог.

— Может, и подсматриваете тоже? — прищурилась Лавиния.

Ну, конечно, и про миниатюрные видеокамеры он ей тоже рассказал.

— Вот уж подсматриванием никогда не занимался, — сказал Сварог. — Честно признаться, не по благородству души — откуда оно у начальника тайной полиции при исполнении обязанностей? — а оттого, что не было в этом необходимости. Это слушать приходилось всякий раз от начала и до конца — вы же понимаете, невозможно предугадать, когда... безобидные забавы сменятся крамольными разговорами.

— Все бы вам везде искать крамолу!

— Ну, Лавиния... — чуть поморщился Сварог. — Можно подумать, ваши любознательные из тайной полиции не подслушивают многих и многих, если только есть возможность приложить ухо к замочной скважине, а то и подсмотреть в потайной глазок...

— Просто я не думала, что и в Империи...

— О н не думал, — поправил Сварог. — И передал эту уверенность вам.

Классический прекраснодушный интеллигент, подумал он. В жизни не допускал, что кто-то может подслушивать м и р н о г о лара, не замешанного в заговорах или опасных политических интригах.

— Я знаю еще, что он и вам не так давно подарил три микрофона, — сказал Сварог. — Конечно, с напутствием не рассказывать об этом на земле ни одной живой душе... Интересно, как вы распорядились подарками?

— Наилучшим, как мне представляется, образом, — чуть сварливо откликнулась Лавиния. — Один подсунула любимому сыночку, а два — членам Тайного Совета, которые в случае о с л о ж н е н и й первыми начнут искать в ы х о д...

— Ну, я примерно так и прикидывал, — удовлетворенно сказал Сварог. — Он ведь вам рассказал еще, что

несдержанность на язык, а тем более владение микрофонами, да вдобавок передача их жителю земли — не провинность, за которую можно отделаться устным порицанием или увольнением, а нарушение т я ж е л о г о закона, влекущее гораздо более серьезные последствия...

В самом деле, микрофоны и видеокамеры разрешается использовать только трем имперским спецслужбам (две из которых возглавляет Сварог). Конечно, если люди, обходящие любые законы, — как граф Тиалус, раздобывший «жучки» в Магистериуме, гнездовье фрондеров... И наверняка, даруя Лавинии микрофоны, он втихомолку гордился собой: не побоялся ради любимой женщины пойти на нешуточный риск, изволите ли видеть.

— Что теперь с ним будет? — порывисто подалась вперед Лавиния.

— Я не Прокурор Высокой Короны и уж тем более не имперский судья, — пожал плечами Сварог.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я. Только от вас зависит, попадет ли докладная к прокурору! Он же совершенно безобидный человек, если и нарушил закон, то без намерения причинить кому-то вред или выгадать для себя какую-то пользу...

Сварог пригляделся к ней с живым интересом, поневоле вспомнив рассказ кого-то из классиков, который проходил в младших классах. Охотник из благородных шел с собакой по краю поля. Внезапно наперерез собаке кинулась мелкая птица и стала на нее бросаться, растопырив крылья, — защищала птенцов, ага, не обращая внимания на то, что соотношение сил заведомо не в ее пользу. Собака могла ее схарчить в один присест, но сконфузилась перед таким напором и отступила, а там хозяин ее отозвал. То ли Толстой, то ли Тургенев, неважно.

Именно такую птицу напредила ему Лавиния, и это было чуточку странно. Не подлежит сомнению, что никаких чувств она к графу не испытывает, — и никак не похоже, чтобы она рассматривала его манор как безопасное убежище на случай, если придется все же бежать из Лорана.

Он подыскал подходящую формулировку:

— Неужели вы так озабочены судьбой графа, что не думаете о собственной?

— Я же не бездушное чудовище! — прямо-таки огрызнулась Лавиния. — Почему бы и мне не иметь права на какие-то человеческие чувства? — она поникла в кресле, сказала устало: — Собственная судьба с некоторых пор меня занимает мало, как только я прикинула, чем все может кончиться... Все чаще приходит на ум, что следует поступить, как королева Боделия.

— Я плохо знаю лоранские сказки и баллады, — сказал Сварог.

— Это не сказка и не баллада, — строптиво возразила Лавиния. — Так и в самом деле случилось лет триста назад. Против королевы составил заговор старший взрослеющий сын, и она успела узнать, что ее твердо уверены не заточить, а убить прямо во дворце. У нее оставалось несколько верных, успевших к тому же набить сумы драгоценностями из сокровищницы. Они имели полную возможность ускользнуть потайной лестницей, выбраться из дворца подземным ходом, добраться до порта и по Азуру уплыть в море. Вот только она прекрасно понимала, что если уплывет в изгнание, никогда не вернет трон. Приказала своим людям спастись одним, а когда ворвались заговорщики, гордо выпрямилась и отрезала: «Я жила королевой и умру королевой!» Ее пронзили мечами. Так и было, остались воспоминания свидетелей, получившие огласку только после их смерти. Смерть королевы Боделии стала сюжетом полотен многих известных живописцев, и не только в Лоране...

— Значит, вы принимаете его судьбу близко к сердцу... — задумчиво повторил Сварог.

— Говорю вам, я не бездушное чудовище! — отрезала Лавиния и продолжала спокойнее: — Знаете, он милый и добрый, совершенно безобидный человек, в конце концов, вы сами прекрасно знаете, что это я его вызвала на откровенность и озабочена в первую очередь его участью, а не собственной. Я все равно в отчаянном положении. И не хочу последовать примеру королевы Боделии по одной-единственной причине: меня могут и не убить.

Со свергнутыми королевами оборачивается по-всякому. Королеву Даули сверг ее старший брат, когда ей было двадцать три... и она сорок один год безвыходно прожила в замке в одном из самых диких уголков гор Адантел. Не хватило решимости броситься со стены, а здоровье было железное. Как и у меня... и у меня тоже не хватит духу покончить с собой, долгие годы в глуши, в бездействии... ужас! — она непритворно передернулась. — Больше всего в жизни меня пугает б е з д е л ь е, пусть даже в роскоши и довольстве. Лучше уж кончить, как королева Боделия...

Она выпрямилась в кресле, звонкий певучий голос звучал воодушевленно — вполне возможно, она себя сейчас представляла на месте гордячки-королевы, предпочитавшей красивую смерть прозябанию в изгнании на чужбине. Сварог припомнил: в коридоре, ведущем в Янтарный зал, и в самом деле висит большая картина, судя по кракелюрам, почтенного возраста: молодая женщина в пышном старинном платье стоит у стола в роскошном помещении, высокомерно смотрит на вломившихся к ней богато одетых субъектов с мечами наголо. Ну, в Латеранском дворце множество картин на исторические сюжеты, и Сварог почти никогда не интересовался подробностями...

Он испытывал, откровенно говоря, легкую оторопь оттого, что Лавиния вдруг открылась с неожиданной стороны. Змея подкодная, мастерица интриг и коварства, однажды собственноручно зарезавшая кинжалом стоявшего на дороге в прямом и переносном смысле человека, справедливости ради нужно уточнить, что он был готов бестрепетно поступить с ней так же, но Лавиния опередила, холодная шлюха, всегда готовая заплатить собой ради существенной выгоды... но оказалось, способная на обычные человеческие чувства, которые без натяжек можно назвать благородными... Что ж, он не в первый раз с таким сталкивался, и наверняка не в последний...

— Конечно, вы вице-канцлер и возглавляете... две грозных конторы, из-за чего многие в Империи вас недолюбливают, а то и боятся, — сказала Лавиния, при-

дав себе как можно более горделивую осанку. — Но я вам скажу в лицо: по моему глубокому убеждению, иные законы Империи — анахронизм и глупость. Преследовать по закону человека только за то, что он рассказал женщине всего-навсего о некоторых дворцовых интригах и раскладе сил в верхних этажах власти... Ну в точности как великий самодур король Деберадо! Он однажды издал указ, по которому карался смертью всякий из его дворца, кто расскажет посторонним о чем бы то ни было происходящем во дворце. О чем бы то ни было. Голов за короткое время лишились человек тридцать — от благородного герцога, рассказавшего тетушке последние дворцовые сплетни, и она отправлена была на плаху вместе с племянником, до кухонного мужика, рассказавшего в трактире, что во дворце есть отдельные поварни для мяса, рыбы, сладостей...

— И как же кончил этот изобретательный законотворец? — усмехнулся Сварог.

— Печально для него и радостно для очень многих. За все, что он наворотил, его зарезал кто-то, так и оставшийся неизвестным, а наследник идиотский указ отменил. Я вовсе не хочу сказать, будто кого-то в Империи следует резать, но законы порой идиотские. Я знаю, именно вы стояли за отменой некоторых явных анахронизмов, но почему вы так непоследовательны и медлительны?

— Не хватает времени, — честно признался Сварог. — И, откровенно говоря, не чувствую себя способным на столь великий реформаторский подвиг — покушаться на все законодательство Империи, почистить его от анахронизмов и прочего мусора...

— А тем временем хороший человек оказался в хлопотах из-за этих анахронизмов, — с явной укоризной сказала Лавиния. — Причем на нем, если разобраться, лежит меньшая доля вины, а большая — на мне. Я готова ответить...

Действительно, птаха защищает птенца. Она слишком горда, чтоб просить, никогда в жизни никого ни о чем не просила — и сейчас, похоже, готова наступить на горло прежним привычкам — только не знает, как

это сделать. Что ж, не стоит доводить ее до унижения, это совершенно ни к чему...

— Остыньте, Лавиния, — сказал Сварог спокойно. — Персонально вам ничего не грозит. Самое большее, что может вас ждать, — вам оставят только доступ в Канцелярию земных дел для каких-то неизбежных официальных визитов. А прежнего доступа в Келл Инир лишат, но это в теории. Я вовсе не намерен лишать вас доступа ко двору, да и императрица на это не пойдет, она не мелочна и тоже втихомолку посмеивается над иными анахронизмами. Так что для вас не будет ровным счетом никаких последствий.

— Я не о себе в первую очередь думаю, — настойчиво сказала Лавиния.

Это явная просьба, пусть и не высказанная прямо. Ну что же, пойдем навстречу...

— Ему тоже ничего не будет, — веско сказал Сварог. — Считайте, что никаких записей не было, и я ничего не знаю. Слово чести. Только посоветуйте кое-кому быть аккуратнее с языком. В конце концов, я не единственный в Империи законный обладатель микрофонов, и не у меня одного скверная привычка их рассовывать, где попало... Мало ли что...

Лавиния прямо-таки просияла:

— Благодарю вас!

— С одним-единственным условием, — твердо добавил Сварог. — Вы никогда не расскажете своему... другу о микрофонах и записях. И вам так будет спокойнее, и ему. Вы ведь прекрасно знаете: люди, оторванные от закулисных интриг и вдруг столкнувшиеся с грубой изнанкой жизни, порой способны на самые неожиданные и непредсказуемые поступки...

— Не раз с этим сталкивалась, — кивнула Лавиния. — А вы можете в обмен на мое обещание так и поступить — убрать микрофоны? Я не в состоянии буду это проверить, придется полагаться на ваше слово — но я не слышала, что бы вы его нарушали... Понимаете ли, я впервые с таким столкнулась, и мне как-то... неприятно. Я, конечно, не монашка, а полная противоположность

монашке, но знать, что каждое слово в спальне слышит кто-то посторонний... — она передернула точеными обнаженными плечами. — Фу!

— Слово чести, микрофоны уберут в самом скором времени, — сказал Сварог.

— Слово чести, я ничего ему не скажу, — отозвалась Лавиния. — Немало нагрешила в жизни, но слово чести никогда не нарушала. Должно же оставаться что-то святое даже у таких, как мы с вами...

— Безусловно, — кивнул Сварог.

Ни малейших угрызений совести он не испытывал — как уже случалось, он нисколько не нарушил слово чести, а изящно его обошел. Обещал убрать только микрофоны, но ничего не обещал касаясь наблюдательных систем Хелльстада — о которых ни Лавиния, ни влюбленный пингвин понятия не имели. Коли уж Лавиния завела наверху любовника, слушать их следует по-прежнему: когда имеешь дело с Лавинией Лоранской, такие предосторожности не помешают. Никаких сомнений: на его месте Лавиния поступила бы точно так же...

Сварог поудобнее устроился в роскошном кресле, ничем не уступавшем мебелим Латеранского дворца, подумал мельком, что следовало бы малость повысить налоги с владельцев роскошных постоянных дворов — куда они денутся с подводной лодки? Воспользовавшись паузой, сказал мягко, но настойчиво:

— Лавиния, предлагаю сменить тему. Свободного времени у меня хоть отбавляй, с утра, вот радость, не беспокоят важными делами! А с текучкой справятся сами. И все равно... Если у вас больше нет каких-то животрепещущих тем, относящихся к вам персонально, я хотел бы выслушать ваши предложения. Зная вас, нисколько не сомневаюсь, вы приехали с хорошо обдуман-ными конкретными условиями...

...Почетной капитуляции, закончил он про себя. Вслух об этом не сказал ни слова гуманности и дипломатии ради, но оба отлично понимают, что речь идет о почетной капитуляции, и ни о чем другом...

Лавиния налила себе келимаса, неторопливо выпила, лишь чуть поморщившись — крепка на спиртное, надо отдать ей должное, — подцепила вилкой ломтик свежайшей ветчины в красном перце. Покончив с ним, закурила. Он много раз наблюдал такие лица: смесь гордости и осознание проигрыша, требующее от умного человека засунуть гордыню подальше и сделать последнюю ставку, благо обсуждение почетной капитуляции обставлено вовсе не унизительно.

Наконец она подняла холодные, спокойные глаза:

— Вы отмените все, что ввели против нас, и то же самое дружески посоветуете сделать Шагану. Они всегда прислушиваются к любым вашим дружеским советам.

— Естественный вопрос: а что я получу взамен? — спросил Сварог.

— Я обязуюсь более ровным счетом ничего не принимать против вас, ни в большом, ни в малом. Ничего абсолютно. И газеты моментально перестанут помещать какие бы то ни было выпады против вас. В противоположность тому, что делается сейчас. Вы же прекрасно знаете, как легко управлять газетами. Ничего против вас, ни на Таларе, ни в Империи. Другом не буду, но и противником — ни в малейшей степени. Могу дать в том слово чести... — пылливо уставилась на него. — Вы, конечно, прекрасно владеете лицом, но у меня, кроме опыта дипломатических баталий, есть еще и женская интуиция. Мне представляется, что у вас есть возражения против моего предложения...

— А как же ваши тесные отношения с Горротом? — спросил Сварог вместо ответа. — У вас нет писанных договоров о дружбе или военном союзе, но вы с определенного времени во многом, что направлено против меня, тесно сотрудничаете...

— Прерву всякое сотрудничество. Поскольку писанных договоров и в самом деле нет, не придется их и нарушать. Я думаю, вы ничего не будете иметь против, если Харлана наш неписанный договор касаться не будет? То, что там сейчас творится, вас полностью

устанавливает. И если ситуация изменится, мы всегда сможем договориться...

— Возражений у меня нет, но есть одно-единственное соображение, — сказал Сварог. — Мне прекрасно известны ваша неукротимая энергия и рвение в делах заграничных. Меж тем может случиться так: что в новой ситуации, той, какую вы предлагаете, вам попросту станет с к у ч н о. И вы начнете искать новые пути для приложения сил. Вы, конечно, не будете нарушать слова чести, но мало ли лазеек, чтобы изящно его о б о й т и?

— А что вы скажете, когда узнаете, что я и н а ш л а новые пути — именно что для приложения сил, но это не будет направлено против вас, ни в малейшей степени?

— Интересно, какие?

— Что ж, буду полностью откровенна. Есть план... У него нет никакого названия, он не отражен в бумагах, о нем не упоминается на заседаниях Тайного Совета, но он хорошо проработан, и меж посвященными мы его называем «Страна Аргадаиль». Вы, думаю, знаете, что это за страна?

Ну, разумеется, он знал. Никогда не зарывался глубоко в таларскую мифологию, легенды и сказки, но существует некий минимум, который король обязан знать еще и затем, чтобы не оказаться в дурацком положении, когда речь пойдет о расхожих поговорках, метафорах, сравнениях. Сказочную Страну Аргадаиль знают по всему Талару стар и млад. Эти слова часто употребляются для характеристики какой-то особенно богатой страны или места. «Настоящая Страна Аргадаиль». Примерно так же на Земле говорят: «Богат, как Крез». Счастливая и баснословно богатая страна, где жемчужниц в руках больше, чем пескарей, чистое серебро высится горами, так что его попросту рубят топорами и укладывают на повозки, а золотые самородки лежат едва ли не на поверхности земли, так что достаточно вырвать траву на полянке и пару раз ковырнуть лопатой — и через часок уйдешь богачом. Так же обстоит с драгоценными камнями. Всю эту благодать жители аргадаильцы продают за границу, покупая взамен все, что душевнике угодно,

а потому пашут и сеют, занимаются ремеслами и искусствами исключительно забавы ради, чтобы не лежать неделями кверху брюхом. Единственная деталь, опирающаяся на суровые жизненные реалии: у Аргедайля есть сильная армия, надежно защищающая от любого агрессора, вздумавшего бы покуситься на сказочные богатства Страны Счастливых как еще называют Аргедайль. Те, кто в незапамятные времена придумал сказку, те, кто разносил ее по белу свету, надо полагать, понимали, что, не будь сильной армии, алчные соседи быстренько раздербанили бы богатства, лишенные магической защиты...

Один крайне интересный нюанс: Сварог впервые слышал о «Плане Аргедайль», о нем ничего не знала агентура, которой в Лоране немало, в том числе и на достаточно высоких постах, о нем не сообщали технические средства наблюдения. А меж тем Лавиния употребила оборот «хорошо проработан» — значит, речь идет о чем-то, существующем не со вчерашнего дня и даже не позавчерашнего.

— Чтобы объяснить наглядно, мне не помешала бы карта Святой Земли... — сказала Лавиния.

Вот это никаких сложностей не составляло. Не прилагая особенных трудов, Сварог извлек из воздуха карту в узенькой золоченой рамке — в свое время озаботился многими наглядными пособиями, когда Бетта начала изучать географию.

Лавиния провела по карте овальным ноготком, покрытым золотистым лаком с блестками (имперская косметика, понятно какими путями к ней попавшая):

— Вы ведь наверняка плохо знаете географию этой, с позволения сказать, державы?

— Скверно, — признался Сварог. — Пока что не было надобности изучать вдумчиво, другое дело — мои генералы...

— Смотрите. Вот эти места обобщенно называются Эрлатан — чисто географическое понятие, как Каталун и Ратагайская пушта. Три прибрежных провинции на полуночи, отделенные от остальной страны горами Маллейг, которые входят в состав Эрлатана. Самые скуд-

ные в Святой Земле области, кое-как живущие лишь овцеводством и ячменем, даже на фоне общей бедности страны — вовсе уж нищее захолустье. Есть одна особенность: эрлатанцы вкупе с горцами испокон веков считали себя... ну, не отдельным народом, но жили несколько наособицу, во многом напоминают каталаунцев или ратагайцев. Очень редко и у них с давних пор звучали голоса, что надо бы взбунтоваться и отделиться, благо география позволяет: через Маллейг, как и через Каталаун, крайне трудно, почти невозможно провести большую армию с артиллерией и обозами. А одной конницей, отрезанной от снабжения, много не навоюет даже ваш маршал Гарайла. Однако можно перебросить кое-какие войска морем, и их будет достаточно, чтобы покончить с любым мятежом. Потому что мятежники смогут опираться исключительно на собственные силы. Это Глан в свое время, о чем ваши гордецы-подданные не любят вспоминать, благополучно отделился от Ронеро отнюдь не только благодаря отваге его обитателей и тяге к независимости. Глану всемерно помогли шесть сильных королевств, Ганза и Балонг — все, иногда по разным соображениям, стремились к одной цели: отрезать Ронеро от восходного морского побережья. Чего и достигли. Иначе вся отвага гланцев не помогла бы им выстоять против гораздо более сильной ронерской армии. С Эрлатаном все обстоит иначе. Никто не станет вкладывать в них деньги, посылать припасы и оружие, посылать войска. Никому не нужны скудные земли, способные предложить лишь шерсть и ячмень. Ни разу мятежники, как ни пытались, не нашли поддержки за границей — Эрлатан, к тому же, не имеет ни малейшего стратегического значения. Потому серьезных мятежей там практически не было — а мелкие успешно подавляли и короли, и нынешние владетели. Но теперь все изменилось в корне...

Она сделала паузу, несомненно, рассчитанную на эффект. Чтобы самую малость почесать ее за ушком и дело шло быстрее, Сварог, сделав наивное выражение лица (но все же не переигрывая), сказал:

— Быть не может...

— Оказалось, что может! — ответила Лавиния с ноткой торжества. — Оказалось, Эрлатан — сущая Страна Аргадайль... о чем, вот радость, и не подозревает. Иначе нашелся бы кто-то умный и заломил за содействие не в пример большую цену... и пришлось бы платить. Хорошо еще, они верят, что мы просто-напросто хотим немного напакостить святошам из Лаварона по чисто религиозным разногласиям. Дремучие провинциалы... Которую сотню лет никто не воюет из-за религиозных разногласий. Но они именно так и считают, не подозревая, что под ногами у них Страна Аргадайль...

На сей раз без всякой игры Сварог спросил серьезно:

— Там что, клады мага Шаалы? Ни один авторитетный историк, ни один серьезный книжник не верят этой истории. Мага Шаалы многие считают сказочным персонажем...

— Шаалы тут ни при чем, — Лавиния подалась вперед, ее глаза прямо таки блистали, голос звучал воодушевленно. — В этих местах и при королях не появлялись рудознатцы, а уж потом, когда горное дело пришло в упадок и разрабатывают только найденное еще при королях... Но я туда послала не просто шпионов, а опытных рудознатцев, они работали чуть ли не полгода, и новости, подкрепленные образцами руды, головокружительные. Там крайне богатые залежи полезных ископаемых, например оорома, кальба, а месторождения скроума и вовсе богатейшие, превосходящие все открытые к этому времени на Таларе. А ведь мои рудознатцы исследовали лишь десятую часть Эрлатана, ту, что примыкает к побережью. Они говорят, что можно ждать новых открытий, но и то, что уже есть... Вы ведь понимаете, что это означает?

Еще бы он не понимал! Ооромом здесь называется вольфрам, кальбом — хром, а скроум — это марганец. Все они, особенно марганец, незаменимы в металлургии как добавки, повышающие высокие качества стали. Нельзя сказать, что сейчас в них недостаток, но если появятся новые богатые залежи, выгода и для оружейников,

и для тех, кто льет сталь для мирных изделий, ожидается грандиозная. В самом деле, Страна Аргедайль...

Он всегда отдавал должное уму и деловым качествам Лавинии, но впервые за все время знакомства смотрел на нее с таким уважением. Красавица обошла его как стоячего, занявшись тем, до чего у него пока что не дошли руки. Упущения тут нет, просто пока что не было особенной нужды гнать лошадей...

С момента возникновения Империи лары не вели на Таларе геологической, равно как и геофизической разведки. В этом попросту не было нужды — все, что им нужно, они получали с помощью апейрона. Соответственно, никакой аппаратуры для этого никто в Империи никогда не разрабатывал, ее не существует. А вот на Той Стороне она была очень развита, включая самолеты и спутники. Так что сотрудники проекта «Изумрудные тропы» скачали сущие Гималаи научно-технической информации, по принципу «в хозяйстве и веревочка пригодится», благо располагали практически неисчерпаемыми ресурсами компьютерной памяти. Подавляющая часть этого богатства (сущая Страна Аргедайль, ха!) лежала нетронутой в архиве проекта за ненадобностью — но Сварог как-то подумал, что нужно извлечь все пригодное для разведки недр, оснастить нужной аппаратурой хельстадские летучие аппараты и запустить над Харумом армаду этак в пару тысяч разведчиков (Золотые Гномы заверили, что справятся с работой легко и быстро). В первую очередь послать их в ничейный Иллюзор: в этом плане целина непаханая, огромные земли, на которых с незапамятных времен искали клады, но никогда не появлялись рудознатцы. Однако этот наполеоновский план мог и подождать: не было пока что в нем насущной, жизненно важной необходимости, вполне хватало тех рудников, что уже имелись, и тех рудознатцев, что исправно работали и после воцарения Сварога. Вот он и откладывал это дело на потом...

Выходит, Лавиния на этом пути опередила — ну что ж, ничего страшного и тем более непоправимого. Ока-

завшись в глухой блокаде, нашла нетрадиционный выход из тех, что были ей доступны...

— Прониклись перспективами? — почти безмятежно улыбнулась Лавиния.

— Проникся, — сказал Сварог искренне. — Перспективы и в самом деле крайне заманчивые... Когда ваши рудознатцы кончили работу?

— Полгода назад. Я пока что приказала приостановить работы — во-первых, был сильный риск привлечь внимание вашей разведки, во-вторых, и разведанные к этому времени залежи разжигают воображение...

— И зная ваш деятельный характер, вы эти полгода не сидели сложа руки?

— Ну, разумеется, — улыбнулась Лавиния. — Опять-таки в глубочайшей тайне кое-чего добились. Наши агенты в Эрлатане уже подыскивали людей, которые могут стать дельными вожакими мятежа. Узнав, что на этот раз их ждет нешуточная поддержка извне и, получив немалый задаток золотом, они готовы разжечь большое возмущение. Среди народа, особенно в Маллейге, уже началась соответствующая работа. Условия самые благоприятные: до сих пор идет война с горротской армией вторжения, как водится, по всей стране власти вышибают чрезвычайные подати, гребут рекрутов, и, как частенько бывало, жители окраинного уголка рады возможности отгородиться от всех невзгод военного времени. И против них не смогут послать войска — они гораздо нужнее на войне. В Лавароне найдутся люди у власти, которые решат: в конце концов, в нынешнем скверном положении не стоит цепляться за бедную и никчемную провинцию, стоит махнуть на нее рукой...

— И кое-кто из этих людей, я подозреваю, уже получил горсть приятно позванивающих аргументов?

— Ну, конечно, — обворожительно улыбнулась Лавиния, отчего стала выглядеть совсем молоденькой резвушкой. — Такие вещи никогда не следует пускать на самотек...

— И какое же будущее отведено в ваших планах Эрлатану... Присоединение к Лорану?

— Фи, это было бы слишком явно, грубо, топорно... — снова ослепительная улыбка невинной проказницы. — Мы нашли более изящный выход. Эрлатан будет провозглашен королевством. Самое занятное, на сей раз, в отличие от Харлана, не будет самозванца или узурпатора. У меня есть человек, согласно некоторым законам имеющий права на престол в с е й страны. Да, представьте себе! Ненадолго углубимся в историю. Четыреста пятьдесят лет назад, когда о Святой Земле и слухов не было, отец Патаран занимался детским грехом и мучил кошек, когда было королевство Карратат, у короля родился очередной внебрачный сын от бедной дворяночки. Тарлано Пятый его, как и нескольких других, признал «королевским бастардом» — иногда короли таких держат в п р о к, на всякий случай. Случая никак не подворачивалось, был законный наследник, а Тарлано был крепок. И золотом любых бастардов отнюдь не осыпал. Тот, о ком идет речь, получил баронский титул и не такое уж большое поместье — как прочие, не был допущен ко двору. Он был уже пожилым, когда грянули известные события... Победив и захватив власть, отец Патаран резню дворянства начал с приказа уничтожить всех, в ком есть хоть капля крови династии Вердитаров. Королевских бастардов стали резать первыми. Их всех знали наперечет: они единственные получали в герб, благоприобретенный или пожалованный, золотого ежа — и весьма этим чванились. Так что не было нужды их искать... Барон оказался единственным, кто уцелел, его поместье было в Заречье, на самой границе, и он успел сбежать в княжество Шолет, откуда потом перебрался в маркизат Барремарс, самый дальний от Святой Земли Вольный Манор. Там и обосновался с женой и детьми. На те деньги и драгоценности, что успел увезти, купил поместье, потом, опасаясь убийц отца Патарана, с дозволения маркиза сменил имя и герб... Дальше неинтересно. Главное, мы нашли в Барремарсе его потомка, совершеннолетнего «старшего фамилии». Старинные грамоты у него сохранились, наши знатоки признали их подлинными... впрочем, если бы мы на

него не вышли, сами с м а с т е р и л и бы убедительного претендента с убедительным грамотами. Если мятеж поддержат высадившиеся там войска какой-нибудь иностранной державы, он быстро победит. Мы не будем провозглашать нашего человека королем в с е й страны — не стоит раньше времени дразнить горротцев. Они еще долго не будут принимать свежевывулупившееся королевство всерьез, им неинтересны и не нужны скудные окраинные земли, нищее захолустье, где прозябают овцеводы и ячменщики, а когда спохватятся, будет поздно... Как вам мой план?

— Отличный план, — признал Сварог. — И, пожалуй, имеет огромные шансы на успех...

И выругался про себя: почему же об этом плане не доложила разведка? Конспирация должна быть жутчайшая, если нет никаких разговоров об этом плане — а он не мог обойтись без долгих совещаний, обсуждений, разработок и расчетов! — не засекли и Золотые Обезьяны. Как и проморгали везшие золото в Эрлатан лоранские корабли, а попасть туда золото могло только морем. Что ж, у тех берегов шныряет сейчас, в обстановке военного времени, столько суденышек контрабандистов, что за всеми не уследишь, никто не ставил такой задачи...

Старательно обозначив самую беззаботную улыбку, Лавиния поинтересовалась:

— Я надеюсь, теперь, когда вы все знаете, вы не намерены отодвинуть меня в сторону и захватить все в свои руки? Даже при наличии богатейших запасов ценных металлов это было бы чересчур мелко для короля королей, которому не стоит уподобляться базарному воришке. Я не собираюсь вам льстить, вы в этом не нуждаетесь, но это и в самом деле чересчур мелко для вас — так купеческий приказчик, скупающий по деревням всякую мелочишку, подпаивает конкурента в придорожной корчме и, выведав его планы, спешит опередить...

— Вы правы, — сказал Сварог. — Это было бы слишком мелко. Слово чести, я не собираюсь перехватывать у вас эрлатанское предприятие...

— Благодарю, — на лице Лавинии все же промелькнуло облегчение.

— И я уверен: вы прекрасно понимаете, что это предприятие вам не поднять в одиночку.

— Понимаю прекрасно, — заверила Лавиния. — И на этот счет есть проработанный план. Мы с вами создаем то, что купцы называют «торговый дом на паях» — для вдумчивой эксплуатации Эрлатана. Получаем равные доли, все расходы и прибыль пополам. Подбросим нашему претенденту золота, оружия и прочего необходимого. Высадим там по полку. Собственно говоря, никто нам не мешает по примеру Горрота объявить Святой Земле войну и послать туда войска в нашей форме и под нашими знаменами, но это будет преждевременно. Наши солдаты, соответственно одетые, будут изображать авантюристов, слетевшихся в предвкушении хороших денег. Такое сто раз применялось. И внешние приличия будут соблюдены, нарушений законов никто не усмотрит. Святая Земля — изгой, давным-давно исключенный из Виглафского Ковенанта, и никто в Империи за нее не вступится. Рано замахиваться на в с ю страну, пока что достаточно и независимого королевства Эрлатан. Империя его быстро признает законным образом. Великолепный прецедент есть — Глан. Тогда в Виглафском Ковенанте Ронеро оказалось в одиночестве: даже те, кто в игре не участвовал, ничуть не возражали против того, что Равена лишится выхода к восходному морскому побережью. И Глан получил все права независимой державы. То же самое еще легче проделать с Эрлатаном, учитывая вдобавок ко всему, что у некоторых, — лукавый многозначительный взгляд, — огромные связи в Геральдической Коллегии, не первый год одобряющей все его новшества...

Влюбленный пингвин — трепач, подумал Сварог без особого раздражения. Кто еще мог ей такое слить?

— Конечно, первое время будем обходиться без договоров, — уверенно продолжала Лавиния. — Подобно тем же купцам, ведущим дела «на доверии». Никто ведь не заключает писаных договоров на подобные предприятия. Ну, а когда наш к о р о л е к будет утвержден

официально... и плотнейшим образом обставлен нашими людьми, заключим и писанный договор на совместную постройку рудников и все прочее. Я готова даже чуточку подвинуть доли в сторону увеличения вашей. И солдат вы можете послать быстрее, и золота с оружием давать больше, и торговый флот у вас сильнее, и под рукой Балонг с его свободными капиталами. Так что вы вправе претендовать на чуточку большую долю. Размеры вкладов обсудят потом наши с вами финансисты и купцы, торги — не дело венценосцев. Вы видите в моем плане какие-то недочеты, хотите что-то изменить или дополнить?

— Ни одного слова, ни единой буквы, — сказал Сварог. — Ваш план великолепен, он меня полностью устраивает, и я, со своей стороны, приложу все силы...

— Прекрасно! — Лавиния встала, а следом поднялся и Сварог. — Значит, на этом деловые переговоры успешно закончены?

— Конечно.

— Вот только остался еще один пустячок. Многие договоры, писанные и неписанные, завершаются пунктом о «непременном условии». У вас такое будет?

— Пожалуй, нет, — подумав, сказал Сварог.

— А вот у меня будет... — Лавиния вновь подошла к подоконнику, полезла в сумочку и извлекла еще один клетчатый носовой платок, уже другой расцветки. Продемонстрировала его Сварогу, держа кончиками пальцев в развернутом виде. — Мне совершенно не с руки этот флаг поднимать, так что будем считать, что его подняли вы...

Танцующей походкой подошла вплотную и засунула флажок Сварогу за борт кафтана на манер салфетки. Они были почти одного роста, так что ей не пришлось задирать голову, чтобы посмотреть Сварогу в глаза. Она и смотрела с невинным личиком ученицы строгого пансиона для благородных девиц. Правда, многие знают, что за книжки и гравюры втайне от воспитательниц гуляют по спальням старших пансионеров...

Он прекрасно знал, что это за флаг, который встречают одобрительным ревом солдаты победившей армии, а побежденный, соответственно, впадает в лютую

тоску. Правила ведения войн и осад с давних времен проработаны до мелочей. Если город (или крепость) будет после трех неудачных штурмов все же взят, полководец победителей поднимает именно такой флаг: в красно-бело-черно-сине-красную клетку. И город отдается войскам на разграбление на сутки, для чего есть сигналы начала и отбоя. Правда, незатейливое зверство былых времен, славных отсутствием всех и всяческих ограничений и запретов, ушло в прошлое, некоторый гуманизм присутствует: настрого запрещено увечить и убивать мирных жителей и насиловать несовершеннолетних, за чем обязательно следят полковые профосы и комендантские патрули, составленные из проштрафившихся, лишенных доли в добыче и в общем веселье и потому злых, как цепные кобели, солдатиков. Разрешено грести все, даже то, что прибито и приколочено, опустошать винные погреба и вольно обращаться с женским полом, не заморачиваясь его согласием...

— Грабить в данной ситуации нечего, — сказала Лавиния все с тем же невинным видом благодетельной пансионерки. — Винных погребов у меня с собой нет, так что выбор невелик. Я не буду вопить, кусаться и царапаться, наоборот... Я и мысли не допускаю, что не нравлюсь вам, к тому же я не уродина и не старуха. И это непременное условие, при выполнении которого пайщики торгового дома будут работать плодотворно, в самом сердечном согласии.

Ну, вот что тут можно сказать? Совершенно ничего. В конце концов, если уж в интересах дела не обойтись без непременного условия, все для блага государства... К тому же от него не требовали ничего противоестественного, перед самим собой можно признаться, что от очаровательной лоранской стервы у него и раньше зубы сводило, а уж теперь, после «Лазурной бухты»...

Положив ему на плечо узкую изящную ладонь, Лавиния спросила вкрадчиво:

— Я надеюсь, тебя не пугает число твоих предшественников? Не знаю всего, не такие у меня искусные

шпионы; но знаю парочку случаев, когда тебя такие пу-
стяки не останавливали...

И ведь говорила чистую правду, смешно было бы
утверждать, что это, дескать, было давно и с тех пор
многое переменилось.

— Я вижу, ты многое обо мне знаешь... — сказал Сва-
рог, пытаясь сохранить возможное в такой ситуации до-
стоинство.

— И стремлюсь узнать еще больше, елико возмож-
но... — ее улыбка, как женщины это умеют, была оча-
ровательно невинной. — У тебя в спальне. Не посчитай
за труд, перенести туда это великолепие, — она указала
на оба подноса и грациозной, решительной походкой
направилась к двери.

Вяло чертыхнувшись про себя, Сварог сказал, не по-
ворачивая голову, знал чувствительность микрофона:

— Интагар, не беспокойтесь, я на какое-то время про-
падаю в безвестности...

Коснулся указательным пальцем завивка булавки,
и «алмаз» мигнул алым — микрофон отключился. Пошел
к двери, на ходу небрежно поведя рукой в сторону подно-
сов — и оба исправно поплыли за ним на высоте пояса.

...Часа через два он (надо сказать, в чертовски приятной
усталости), пускал дым в потолок, не глядя на лежащую
рядом Лавинию. Не было ни раскаяния, ни сожаления,
и уж тем более недовольства. Наоборот — со всем, что
он испытал, он сталкивался и раньше, но в разное время
и с разными подругами, однако впервые это искусство сли-
лось в одной женщине. В общем, мужик бы его понял...

— На твоём мужественном лице читается лишь спокой-
ное умиротворение, — сказала Лавиния. — Ни тени непри-
язни, не говоря уж о вражде. Я правильно догадалась?

— Правильно, — сказал Сварог и вспомнил знаменитую
цепочку герцога Орка, символизировавшую его многочис-
ленные победы. — Я тебе понадобился для коллекции?

— Ничего подобного, — сказала Лавиния. — Я, зна-
ешь ли, коллекционерской страсти лишена совершенно.
Конечно, фаворит императрицы, он же славный король

королей — жемчужина коллекции, но я никогда такую не собирала, меня не вдохновляет пример славной королевы Норет, которая отрезала прядь волос у каждого из своих любовников, скалывала брошью и вешала на стену — а стена была высоченная и протяженная... Я такими глупостями не прельщаюсь.

Она не врала. Сварог поинтересовался с легоньким ехидством:

— Думаю, ты не вспылала ко мне романтическими чувствами?

— Разумеется, нет, я и не упомяну, когда вообще питала к кому-то романтические чувства... Покурил?

Лавиния склонилась над ним и прильнула к его губам долгим, крепким умелым поцелуем. Отстранившись, приподнявшись на локте, вкрадчиво спросила:

— Мне любопытно знать, когда вы с императрицей весело проводите ночи, она уже умеет...

— Это запретная тема, — твердо сказал Сварог. — Я никак не образец благонравия, но никогда не обсуждаю одну женщину с другой, заруби себе на носу...

— Блестяще! — воскликнула Лавиния без тени обиды. — Ты великолепно выдержал только что испытание, даже два...

— Это какие? — насторожился Сварог.

— Несложные, — безмятежно сказала Лавиния, блистая улыбкой. — ...Некоторые обожают в постели красочно расписывать свои прошлые подвиги. Но ты вел себя иначе. И я рискну заключить: по крайней мере, в отношениях с женщинами тебе свойственна некая старомодная порядочность.

— Ты когда-нибудь бросишь свои коварные штучки?

— Когда-нибудь, — задумчиво ответила Лавиния. — Когда я буду старой и дряхлой, и мне не останется других радостей, кроме послеобеденного сна и сладкой каши... Коварство, да, зато теперь я точно уверена, что по той самой старомодной порядочности ты не предпримешь ничего против женщины, которая была с тобой так близка. Не смущайся и не дуйся, это прекрасное качество в мужчинах.

Она не знала, что бывают исключения из правил — готарская ведьма Марута. Сварог ее убил своей рукой, не ощущая ни малейших угрызений совести. Правда, там все было иначе...

— В общем, у меня есть и коварство, и известное женское чутье, — сказала Лавиния что-то очень уж серьезно. — Теперь я совершенно уверена, что на тебя можно положиться в трудную минуту. Как сейчас... Речь не о том положении, в котором я оказалась из-за твоих мер против Лорана — с ними, я верю, покончено, мы будем сотрудничать, отчего будет взаимная выгода. И эрлатанский проект, и вытекающие отсюда неизбежные в будущем трения с Горротом отнимут годы и годы, так что тебе нечего опасаться, что я заскучаю. Скуки долго не будет. Я не об этом. То, о чем я хочу поговорить, касается совсем другого. Я оказалась в положении, для которого не могу подобрать слов. И не могу выпутаться самостоятельно. Не думала, что меня что-то способно испугать по-настоящему, но сейчас мне страшно, я не вижу возможности справиться своими силами...

— Что случилось? — тихо и серьезно спросил Сварог.

— Пока ничего, — ответила Лавиния, изо всех сил пытаясь казаться спокойной — но, безусловно, не была таковой. — Но от этого не легче. Ты знаешь о моем дворе достаточно, и для тебя не представляет секрета, кто такой маркиз Ганталь...

Еще бы ему не знать таких подробностей! Классический бедный дворянин из захолустья, приехавший в Андалу из своего убогого поместья искать счастья, в точности как д'Артаньян в Париж, разве что лошадь у него была получше, одежда не такая потрепанная, а кошелек немного поувесистее. А вот дальше начинаются отличия: у маркиза отыскан в столице дальний родственник, один из гофмейстеров Лавинии — и в отличие от многих порадел провинциалу. Устроил во дворце Лавинии на совершенно ничтожную, но неплохо оплачиваемую придворную должность, из тех, что как раз и занимали по протекции бедные дворяне: жалование приличное, во дворце стол и дом, мундир красивый, но никакого придворного чина,

даже самого низшего, и никаких карьерных перспектив. Многие на таких постах оставались десятилетиями, с них и сходили в могилу, но нисколько не жалели, что не поднялись выше, — все лучше, чем уныло сидеть в ветхом замке и выжимать гроши из пары-тройки убогих деревенек.

Другие, которых было гораздо меньше, все же из жалкого положения выламывались — молодые, видные собой, с подвешенным языком и живым умом. Исключительно через постель: становились любовниками, а то и мужьями щедрых придворных красоток (большей частью из разряда увядающих). Находились и такие, что сумели взлететь на самый верх, что в истории Земли, что Талара — оказывались в той постели, чей балдахин украшен королевским гербом. Именно это с маркизом и произошло: через месяц стал открытым фаворитом Лавинии, заняв вакантное место, пустовавшее уже около года. Прежний местоблюститель был пустоват и неосмотрителен: титулы и земли греб к себе так, что вызвал недовольствие некоторых важных персон — как и нескрываемым желанием заполнить местечко в Тайном Совете. Да вдобавок чуть ли не открыто изменял Лавинии с молоденькими фрейлинами. Лавиния попыталась его вразумить, но бесполезно. И через пару месяцев приткого фаворита проткнул мечом в ночном уличном поединке кто-то, скромно оставшийся неизвестным и тайной полиции. Сварог поленился выяснять, кто за этим стоял: тот член Тайного Совета, на чье кресло фаворит метил, или сама Лавиния, — такие пустяки его не интересовали...

Уже через месяц с небольшим дворец со скоростью лесного пожара облетела весть: маркиз — новый фаворит королевы. Такие новости становятся известны моментально — фаворит отнюдь не тайный любовник, между этими персонами, как говорят в Одессе, две большие разницы. Через несколько дней окончательно стало ясно, что это не сплетня, а доподлинная реальность.

Вот только фаворит оказался не вполне стандартный. В дворцовых интригах не участвовал, в государственные дела не лез, не получал орденов, титулов, земельных пожалований, к любым материальным благам был равно-

душен. Единственное, он стал камергером, но это определено было вызвано не его собственными стремлениями, а, если можно так выразиться, чисто бытовыми нуждами: в прежнем своем невеликом звании он не имел права присутствовать на балах, королевских приемах и прочих мероприятиях, не мог получить доступ в личные покои королевы. Несколько раз Сварог по королевской необходимости слушал, о чем голубки говорят в спальне, — как показывает исторический, а также собственный житейский опыт, умный и деятельный фаворит может получить большое влияние на государственные дела (не будем показывать пальцем в зеркало), — а Лоран оставался вероятным противником номер один.

Однако вскоре Сварог убедился, что маркиз не проявляет ни малейшего желания влезать в государственные — да и меньшие по масштабу дела — хотя бы мизинцем, ни разу не заикнулся, что питает такие желания. В конце концов, Сварог оставил на круглосуточном контроле одного из Золотых Обезьянов, обозначив дюжину ключевых слов, имевших прямое отношение к отношениям меж Сварогом и Лораном. Однако за все это время ни одно из них в ночных либо дневных разговорах не прозвучало.

Поневоле пришлось признать, что маркиз принадлежит к редчайшей разновидности гомо сапиенс: Фаворит Бескорыстный Обыкновенный. Прежде всего, на ум пришел отечественный аналог: Иван Шувалов — «ночной император» при Елизавете Петровне — не принял ни сотки земли, ни паршивенькой медальки, не говоря уж об орденах и титулах. Покровительствовал ученым и людям искусства, дружил с Ломоносовым, а когда подхалимы из Академии наук вознамерились отчеканить в его честь медаль, разломал оную и послал организаторов затейки по академической матушке. Парочку таких эпизодов можно отыскать в истории Талара и Сильваны. Белые тигры и алмазы величиной с кулак все же бывают на свете, хотя и крайне редко.

— И что там с маркизом? — спросил Сварог.

— Ты, извини за такое определение, был все же злом привычным: венценосный враг, и не более того. А вот маркиз... Собственно, я даже не могу назвать его злом, но от этого нисколько не легче — иногда как раз пугает именно непонятное...

— Рассказывай, раз уж начала, что в нем непонятно-го, — решительно сказал Сварог, давно уже привыкший бросаться на все непонятное, как кот на мышь.

Иногда непонятное становилось источником разного калибра пакостей, и относиться к нему следовало осторожно, как к проволочке в траве, которая могла тянуться и к растяжке.

— Ты знаешь в моем дворце Вишневую беседку?

— Не такой уж я всезнающий и всеведущий... — сказал Сварог.

Он говорил чистую правду: не было ровным счетом никакой необходимости вникать в такие мелочи. В восьмом департаменте и в девятом столе можно было быстро вывести висящий в воздухе огромный голографический макет любого королевского дворца Талара — где изображен с точным соблюдением масштаба каждый кустик, каждая скамейка в парке. Но зачем? Единственный раз он этим занимался не один год назад, когда Гаудин отправлял его в Ронеро к принцессе Делии — и пришлось вместе с Марой изучить дворец Конгера, что помогло потом, когда они отправились в культпоход в дворцовый зоопарк.

Лавиния прильнула к его плечу, засыпав грудь разметающимися роскошными волосами, прижалась теплой щекой. Куда-то моментально пропала умная, волевая, энергичная королева, мастерица интриг и темных дел, осталась девчонка, которой тревожно и страшно, и она согласно извечному женскому обыкновению прижимается к надежному и крепкому мужскому плечу. В другое время это было бы приятно для здорового мужского самолюбия, но сейчас не время поддаваться посторонним эмоциям: чтобы напугать Лавинию, требовалось что-то крайне серьезное и наверняка опасное.

— Все началось, как обычно, — тихо проговорила Лавиния почти ему на ухо. — Начался небольшой ремонт в моем крыле дворца, мне пришлось видаться с ним каждый день, я сразу почуяла мужской интерес ко мне — такое каждая женщина умеет с ранних лет. И очень быстро *началось*: видный парень, язык подвешен, неглуп, остроумен, а у меня тогда не было никого постоянного — так, случайные забавы... И как-то так получилось, что он стал фаворитом. Очень быстро выяснилось, что в дополнение к прочим достоинствам у него есть еще одно, крайне ценное для венценосных особ, позволяющее избежать многих шероховатостей: он совершенно бескорыстен, что среди придворных встречается крайне редко, тем более у фаворитов. Он совершенно *ничего* от меня не принимал, никаких подарков, разве что сущие безделушки. Конечно, пришлось сделать его камергером — исключительно житейского удобства ради, чтобы мог открыто получить доступ во все утолки дворца. Он все понял и нисколько не противился. А в остальном — бессребреник. Я не допускаю и мысли, что он в меня беззаветно влюбился по уши, сам он никогда ничего подобного не говорил — но какие-то чувства с его стороны, безусловно, присутствовали. Именно такие отношения меня вполне устраивали: хороший любовник, приятный собеседник, отличный танцор, который ни на что не претендует, не вмешивается в дворцовые интриги, не рвется к высоким постам, Недели две все обстояло просто прекрасно...

Она замолчала. Чтобы облегчить ей задачу, Сварог сказал уверенно:

— А потом произошло нечто... в корне изменившее предыдущие отношения, да? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться. Причем прежним отношениям это нисколько не пошло во вред — он и сейчас остается твоим фаворитом

— Даже не знаю, как сказать: случилось, произошло, стряслось. Мы время от времени проводили ночи в Вишневой беседке. Собственно, это не беседка, но так уж с давних пор повелось ее называть. Это небольшой

домик в парке, неподалеку от дворца, маленькая копия старинного замка, очень красивая и уютная. Лет двести назад ее возвел тогдашний король — и для встреч с женщинами, и для особо тайных совещаний с доверенными сановниками. С тех пор ее так и используют в этом качестве, я в том числе. Ни одной двери, туда ведет из моих личных покоев подземный ход уардов в двадцать, по нему имеют право входить для уборки и прочих надобностей особо доверенные камер-лакеи, а вокруг сплошная широкая полоса колючего кустарника, так что ни один высмотрень к окну не подберется, ничего не подслушает. Очень удобное место... И вот однажды, едва мы туда пришли, он сказал, что хочет поговорить со мной серьезно об очень важных вещах. И рассказал, что он — Тайный Мудрец... но в какие бы то ни было подробности вдаваться не будет — ему это настрого запрещено их правилами, и нарушение может стоить ему жизни. Признаться, я не особенно поверила — все рассказы о Тайных Мудрецах, я давно установила, числятся по разряду сказок и легенд, подтверждения ни разу не получили. О чем ему и сказала. Он усмехнулся, поднял руку — и посреди комнаты неведомо откуда возник самый настоящий мартыхан, сильванская лесная обезьяна, величиной с большую собаку. Я их видела на Сильване, многие богатые и знатные, в том числе цари, их держат. Добродушное, мирное, очень умное животное, быстро учится всяким трюкам, часто приучается носить одежду и выполнять несложные лакейские обязанности (Сварог все знал о сильванских мартыханах, но не стал ее перебивать, пусть разговорится). — Лавиния фыркнула. — Ну это несущественно, домашнее животное — но только на Сильване. На Таларе нет обезьян, и еще в старинные времена обнаружили, что у нас они почему-то быстро дохнут, так что купцы завозить их перестали. Ганталь сказал, чтобы я не боялась, — я и не боялась, привыкла к ним на Сильване. Взяла из вазы грушу, подошла к нему... Самый настоящий мартыхан, причем домашний — пахнет как дикий, с хорошо вымытой шерстью. Вскоре Ганталь одним движени-

ем пальца заставил его исчезнуть и сказал: он многое мог бы мне показать, самое доподлинное, но все это будут развлекалочки, а он хочет поговорить о серьезных вещах. Он давно уже мне сочувствует, прекрасно видит, как мне тяжело приходится с тех пор, как ты загнал нас в угол и взял за глотку, и хочет помочь. Правила Тайных Мудрецов запрещают ему вмешиваться с р а з м а х о м, но н е б о л ь ш у ю помощь он оказать может. Отвернулся к углу, и на пол как бы из ниоткуда полился звенящий ручеек золотых монет. Получилась куча мне по колено. Золотые денарии с моим профилем, самые настоящие на вид, на ощупь. Потом монеты исчезли, но одну я успела спрятать в рукав, а потом под скатерть... Вот так все и началось. Все золото, которое мы отправляем в Харлан — его, если можно так выразиться, работа, оно возникает из ниоткуда в особом подвале Казначейства, которым ведают трое доверенных людей. Так же обстоит с порохом и со свинцом. Все рассказы об огромных запасах, якобы сделанных моим покойным супругом, — ложь, распушенная, чтобы запутать иностранных шпионов. Ничего подобного не было и нет, никаких тайных складов. Если бы мы отправляли с в о и, в бочках очень быстро показалось бы дно. Это снова Ганталь. Снова особые помещения с верными людьми. Ради сохранения приличий, золото идет не в лоранской монете, а в монетах других стран... большей частью твоих, каюсь. Сера тоже возникает из ниоткуда, и ее увозят на пороховой завод... Короче говоря, всю нашу помощь Харлану обеспечивает Ганталь, и ты, я не сомневаюсь, ни о чем не подозревал... Извини, от волнения в горле пересохло...

Лавиния повернулась к столику, наполнила до краев высокий бокал «Горного ручья» и без особой нервозности выцедила его до доньшка. Спросила:

— Тебе налить?

— Келимаса вон в тот бокал, — сказал Сварог, с радостью убедившись, что его голос остался ровным.

Хватил одним глотком и закурил по примеру Лавинии. Какое-то время стояло молчание — нельзя

исключать, она давала Сварогу время обдумать нововость — ошеломительную, что говорить! — и привыкнуть к ней...

Мысли не скакали мартовскими зайцами — шли стройными рядами в определенном направлении. Он был ошеломлен, но не выбит из колеи — случались сюрпризы, ошарашивающие не в пример сильнее. Значит, вот так. От помощи Харлану Лоран не понес убытков и на медный грош. Все само собой бралось из воздуха загадочными трудами Ганталя.

— Этим его бескорыстная помощь и ограничилась?

— Не совсем, — загадочно улыбнулась Лавиния. — Был еще случай в открытом море, в Календы Квинтилия... Тебе это что-нибудь говорит?

Еще бы не говорило! Всего три недели назад в Лоран шел неприметный кораблик, на котором небогатый купец вез в Лоран товар, не охваченный «экономическими санкциями» Сварога, — шалатальские финики. Вот только в трюмах лежало не менее двадцати ластов* тайно купленного в Горроте вольфрамового концентрата — добавки которого не только укрепляют стальные клинки, но и позволяют делать резцы, раз в восемь повышающие скорость обработки металлов, а потому этакое, пользуясь терминами Земли, стратегическое сырье под санкции как раз попадало.

Сварог об этом узнал, навстречу шхуне вышли три пиратских корабля, по какому-то неизъяснимому капризу пиратской души живо заинтересовавшиеся жалким суденышком. Однако взять его на abordаж не успели — внезапно налетел шквал, корабли разбросало, один потерял одну мачту, второй все три, а третий вообще потонул, и команда спасалась на шлюпках. Находившуюся всего в десятке морских лиг шхуну шквал не зацепил, и она через несколько часов, как потом доложила морская разведка, преспокойно вошла в порт. Запрошенный на всякий случай консультант в лице маркиза Оклера пожал плечами: внезапные шквалы, бы-

* Ласт — примерно 50 кг.

стро налетающие и столь же быстро утихающие, в тех местах не такая уж редкость...

— Шквал — это тоже Ганталь?

— Ну да, — кивнула Лавиния. — Оказалось, он и такое умеет... И еще. Он может как-то наблюдать за тобой. Несколько раз мне это умение демонстрировал. Словно открывается огромное окно, мы смотрим и слушаем, как ты разговариваешь с разными людьми о тайных делах, направленных против нас. Это умение работает только в определенные дни и часы...

— И что же твой Ганталь после этого предпринял? — спросил Сварог, неприятно удивленный такими новостями.

— Ничего, — как ему показалось, разочарованно ответила Лавиния. — Он сразу предупредил, что не всемогущ. И предпринять что-то не может. Что можно предпринять после того, как мы узнали о твоём устном приказе кораблям Ганзы прекратить всякие связи с Лораном? — она бросила на Сварога лукавый взгляд из-под пышных ресниц. — Ты, может быть, разгневаешься, но я обещала полную откровенность... Однажды ночью мы наблюдали за интересной сценой в твоей малой спальне в Латеранском дворце, из чистого любопытства мне пришла в голову такая блажь, хотелось глянуть одним глазком, какова в постели затейница... Честное слово, это было только раз и давно. Возможно, ты не обидишься так уж смертельно? В конце концов, ты и до того меня с л у ш а л, так что ты первый начал...

Сварог легко подавил мимолетную вспышку гнева — рассуждая беспристрастно, Лавиния права, он первый начал... Спросил только:

— И что еще придумал твой маркиз?

— Больше ничего, — сказала Лавиния. — Был еще один случай... Мы с ним поехали к морскому берегу, он сказал, что хочет сделать мне сюрприз. И сделал... Мы оставили стражу у скал и вдвоем вышли на берег небольшой бухточки. Он вытянул руки — и у берега появился на воде военный фрегат, трехмачтовый, с тремя рядами пушечных палуб. Поднялось немного брызг,

корабль колыхнулся и замер. Откуда-то взялись сходни, мы поднялись на борт, я касалась фальшборта, мачты, поднялась на мостик. Это был не призрак, не наваждение, самый настоящий корабль, пахнущий смолой... Ганталь сказал, что может подарить мне целый флот, сколько моей душе угодно вымпелов. Сначала я жутко воодушевилась, а потом, когда обдумала все во дворце, с превеликой грустью отказалась от щедрого подарка. Трезвый рассудок победил. Даже если бы у меня появился флот, способный драться с твоим на равных, — а Ганталь говорил, что может это сделать, — это были бы т о л ь к о корабли. Такое количество экипажей для них невозможно подготовить быстро. Когда я села на трон, интересовалась многими делами, помню, что говорили адмиралы. Немало времени понадобится, чтобы обучить матросов парусному делу, канониров мастерской стрельбе из пушек, а офицеров — морскому бою. На военных пароходах нет парусов, но им тоже нужны канониры и офицеры, к тому же, пароходы до сих пор составляют четвертую часть военного флота согласно имперским законам. Пока мы обучали бы команды, твои эскадры могли бы сто раз напасть и потопить все корабли с неопытными командами.

— Уж это непременно, — ухмыльнулся Сварог. — Если бы я узнал, что у вас неведомо откуда появились л и ш н и е корабли в немалом количестве, я бы отправил своих моряков в гости. И вот что... Как это ты не подумала, что эти неизвестно откуда взявшиеся в большом количестве корабли не привлекут внимания Империи? Ты же знаешь, как на такое сотворение кораблей из воздуха посмотрят в Империи, имеешь некоторое представление об имперских наблюдательных средствах

— Вот т о г о как раз не следовало опасаться, — уверенно сказала Лавиния. — Еще тогда, в первый вечер, Ганталь меня заверил, что никакие имперские средства наблюдения нам не страшны, они ослепнут и оглохнут. И с кораблями будет так же, как и с нашими разговорами в Вишневой беседке. Я никому не верю на слово, и я не проверила... Два раза собирала в Вишневой беседке

членов Тайного Совета и обсуждала меры, которые следует принять, чтобы как-то противостоять твоим. Это была убедительная выдумка, в детали вдаваться не стоит, но оба раза ты просто обязан был отреагировать определенным образом, но этого не произошло. Значит, ни Империя, ни ты и в самом деле не можете подсмотреть и подслушать, что говорится в Вишневой беседке, ничего не знаете о деятельности Ганталя...

Ни в ее голосе, ни в улыбке не было и тени торжества, но Сварогу все равно стало неприятно: все обстояло так, как она говорила. И непонятно, запутывала ли эта неприятная деталь уже сформировавшуюся у него версию или попросту дополняла.

— Ты ведь умница и мастер интриги, — сказал Сварог. — Плохо верится, что ты после того, как он немного ошарашил тебя... чудесами не попыталась узнать о нем побольше.

— Конечно, попыталась. Очень скоро. Прежде всего, он самозванец. В провинции, откуда он якобы родом, нет не то что маркизов, но и простых дворян Ганталя. И во всем Лоране нет. Это нетрудно было проверить по гербовым книгам...

— В те времена люди не стыдились называть себя, как им больше нравилось... — припомнил Сварог фразочку из любимого романа, здесь неизвестного.

— Почему «те»? Такое и сейчас в ходу. Без веских причин никто, даже тайная полиция, не станет копаться в гербовых книгах...

И вновь она была права. Излюбленная легенда всевозможных авантюристов: происхождение из отдаленного захолустья. До сих пор под этой легендой прекрасно обитают в Латеране Канилла Дегро и Томи, ее используют Элкон и Бетта, ею пользовались Брашерио и Дали, и что там, в Саваджо Сварог с Яной выступали под личиной пусть не дворян, но жителей тамошнего медвежьего уголка, служившего объектом массы анекдотов...

— Я, если можно так выразиться, зашла с другого конца, — сказала Лавиния. — Обратилась к придворному магу, мне ведь разрешено его иметь как всякому та-

ларскому венценосцу, хотя в последние годы не все этому правилу следуют. Он старенький, начинал еще при дедушке моего покойного мужа, но ясность ума и умения сохранил. Он заверил что Ганталь не имеет ни малейшего отношения к ч е р н о м у — это меня немного успокоило, но не окончательно... Понимаешь, есть еще одно обстоятельство... То, что мы стали любовниками, произошло как-то очень уж быстро. Я женщина вольных нравов, к тому же и вдова, но никогда не делаю шаг на встречу так быстро. К тому же, признаюсь уж, я тогда как раз прикидывала, кого-то из двух имевшихся на примете, не считая Ганталя, кандидатов, — серьезный выбор, учитывая, что я намеревалась завести если не фаворита, то постоянного любовника. И тут — Ганталь... Позже я кое-что обдумала и пришла к выводу: я в него не влюблена, но тем не менее чувствую к нему какую-то странноватую привязанность, какой никогда раньше не испытывала. Нарочно уезжала от него на недельку на охоту или в морское путешествие — и всякий раз ощущала по нему какую-то странноватую скуку. И такого раньше никогда не было. Первым делом я подумала о приворотном зелье — сейчас почти вывелись умельцы его готовить, но, по слухам, не все... Когда я подробно рассказала магу о своих чувствах и ощущениях, он задумался надолго, а потом сказал: все известные ему и по книгам, и по жизненному опыту приворотные зелья действуют иначе. И подробно рассказал, как именно. Так что это не зелье, и, тем не менее, он на меня оказывает некое воздействие, непонятно какое. Он с некоторых пор стал меня тяготить: своей непонятностью, в первую очередь. Пусть он и не ч е р н ы й, все равно, кончиться может для меня плохо, точно знаю: кое-что из того, что он делает, преследуется не самыми легковесными законами Империи...

— Подожди, — сказал Сварог. — Есть же ниточка — тот гофмейстер, что ввел его во дворец...

— Неужели полагаешь, я об этом не подумала? — она улыбнулась п р е ж н е й холодной улыбкой мастерицы интриг. — Оборвалась ниточка. Гофмейстер умер через месяц после появления Ганталя во дворце, когда маркиз

еще не стал моим фаворитом. Ничего подозрительного в его смерти нет: в его годы крайне опасно было уделять столько времени молодым танцовщицам из Королевского балета, да еще горстями лопать пилюли, возвращающие мужскую силу и возбуждающие чувства. Медики считают, что столь печального финала следовало ожидать гораздо раньше. Так что нет ниточек... Вот и все, я тебе рассказала все, ты прекрасно знаешь, что я не вру...

Она не врала, Сварог курил, глубоко задумавшись. Рабочая версия у него уже сформировалась, многое, да почти все, в нее идеально укладывалось. Первая версия — не всегда самая правильная, но других нет, хоть ты тресни.

— Ну, и что ты обо всем этом думаешь? — спросила Лавиния явно напряженно.

— А что тут думать, прыгать надо, — усмехнулся Сварог.

— Не поняла...

— Это старая притча, я тебе потом объясню, сейчас не стоит тратить время... Лавиния, ты часом не будешь горевать, если внезапно останешься без фаворита?

— Нисколько, — сказала Лавиния решительно. — Он не самый лучший любовник на свете, да, наверное, такого и нет. Как и чем он на меня ни воздействовал бы, я по отношению к нему сохраняю трезвый рассудок и хладнокровие. А если учесть, что его штучки могут в недалеком будущем представлять для меня нешуточную угрозу... А фаворитов сыщется предостаточно, только пальчиком помани...

Разумеется, она все же не была откровенна до конца, чему не стоило удивляться. Сообразила острым умом, что «его штучки» ей нисколько не помогут, разве что позволят избежать расходов на харланскую заварушку — а вот «торговый дом на паях» со Сварогом принесет не в пример больше выгоды. Дорога королей, она самая... Так что маркиз хладнокровно списан в графу «неизбежные убытки» — в голове каждого толкового короля присутствует такая бухгалтерская книга, способная ужаснуть обычного бухгалтера, да и любого не отягощенного короной счастливец...

АТАКА!

Без особой спешки вылезши из мягчайшей постели, Сварог принялся одеваться — не так лихорадочно, как в прошлые годы при крике дневального «П-а-а-дъем», но все же не быстрее, чем полагается королю, если дело происходит в мирное время, в его собственной столице. Подгоняло знакомое нетерпение, предвкушение атаки — с самого начала, если не считать поиска зондов, были только разговоры — нужные, полезные, необходимые, но напрочь лишённые д е й с т в и я. Да и поиск зондов свелся к торчанью в кресле и методичному подсчету потерь. А вот теперь впереди было как раз действие...

Одевшись, он достал «портсигар» и включил, по условному рефлексу держа так, чтобы Лавиния не видела экрана.

Как он и ожидал, Канилла была в мундире с орденской колодкой, волосы заплетены в короткую толстую косу — при исполнении, конечно. Окно располагалось за ее спиной, а не сбоку, как в ее кабинете в девятом столе, и обои были хоть и знакомые, но не его родимой конторы: светло-синие, с маленькими золотыми замками, украшенные алыми стягами.

— Я так понимаю, ты в проекте «Изумрудные тропы»? — спросил он по-русски вящей предосторожности ради.

— Да! — ответила Канилла на том же наречии, ничуть не удивившись. — У меня здесь все по плану. Двести зондов готовы и уменьшены — половина стандартных, половина хелльстадских. Скоро начнут переправлять во дворец. Я присмотрю, как и было приказано. А потом пойду на Ту Сторону, руководить операцией.

— Та Сторона подождет, — сказал Сварог. — Пусть переправкой занимается лорд Брагерт, как и предусматривалось. Для тебя есть другое дело... Где граф? Сейчас меня интересует один-единственный граф...

— Во дворце, только что с ним связывалась.

— Отлично, — сказал Сварог. — Возьми парадный брагант канцелярии земных дел и вылетай в «Медвежью берлогу». Захвати оружие, полный набор — «подручную троицу», то же для него. Вы оба должны быть в мундирах Канцелярии земных дел, не обязательно высшего ранга — работать будем на земле. Я скоро приеду, ехать мне на лошадках, так что это займет какое-то время. Все остальное — на месте.

— Есть, командир, — сказала Канилла с заблестевшими глазами — прекрасно поняла, что к чему... сорви-голова, но надежный боевой товарищ, которому можно доверить спину. Она и Гаржак — вполне достаточно. Поскольку мы уже давно не юные мушкетеры с ветром в голове.

Он отдал короткий приказ коменданту девятого стола, нисколько не сомневаясь, что он будет моментально и в точности выполнен, выключил «портсигар» и убрал его в карман.

Лавиния, приподнявшись в постели, пытливым взглядом смотрела на него.

— Кажется, я догадываюсь, что ты собираешься делать... — сказала она без улыбки.

— Что тут еще можно сделать? — пожал плечами Сварог. — Одевайся, мы уезжаем...

Брагант неся на предельной скорости, Сварог еще раз просчитал нехитрый план и не нашел в нем изъянов. Иногда необходима как раз лихая кавалерийская атака, точнее говоря, молниеносный бросок на цель...

АТАКА!

Без особой спешки вылезши из мягчайшей постели, Сварог принялся одеваться — не так лихорадочно, как в прошлые годы при крике дневального «П-а-а-дъем», но все же не быстрее, чем полагается королю, если дело происходит в мирное время, в его собственной столице. Подгоняло знакомое нетерпение, предвкушение атаки — с самого начала, если не считать поиска зондов, были только разговоры — нужные, полезные, необходимые, но напрочь лишённые д е й с т в и я. Да и поиск зондов свелся к торчанью в кресле и методичному подсчету потерь. А вот теперь впереди было как раз действие...

Одевшись, он достал «портсигар» и включил, по условному рефлексу держа так, чтобы Лавиния не видела экрана.

Как он и ожидал, Канилла была в мундире с орденской колодкой, волосы заплетены в короткую толстую косу — при исполнении, конечно. Окно располагалось за ее спиной, а не сбоку, как в ее кабинете в девятом столе, и обои были хоть и знакомые, но не его родимой конторы: светло-синие, с маленькими золотыми замками, украшенные алыми стягами.

— Я так понимаю, ты в проекте «Изумрудные тропы»? — спросил он по-русски вящей предосторожности ради.

— Да! — ответила Канилла на том же наречии, ни чуть не удивившись. — У меня здесь все по плану. Двести зондов готовы и уменьшены — половина стандартных, половина хелльстадских. Скоро начнут переправлять во дворец. Я присмотрю, как и было приказано. А потом пойду на Ту Сторону, руководить операцией.

— Та Сторона подождет, — сказал Сварог. — Пусть переправкой занимается лорд Брагерт, как и предусматривалось. Для тебя есть другое дело... Где граф? Сейчас меня интересует один-единственный граф...

— Во дворце, только что с ним связывалась.

— Отлично, — сказал Сварог. — Возьми парадный брагант канцелярии земных дел и вылетай в «Медвежьё берлогу». Захвати оружие, полный набор — «подручную троицу», то же для него. Вы оба должны быть в мундирах Канцелярии земных дел, не обязательно высшего ранга — работать будем на земле. Я скоро приеду, ехать мне на лошадках, так что это займет какое-то время. Все остальное — на месте.

— Есть, командир, — сказала Канилла с заблестевшими глазами — прекрасно поняла, что к чему... сорвиголова, но надежный боевой товарищ, которому можно доверить спину. Она и Гаржак — вполне достаточно. Поскольку мы уже давно не юные мушкетеры с ветром в голове.

Он отдал короткий приказ коменданту девятого стола, нисколько не сомневаясь, что он будет моментально и в точности выполнен, выключил «портсигар» и убрал его в карман.

Лавиния, приподнявшись в постели, пытливым взглядом смотрела на него.

— Кажется, я догадываюсь, что ты собираешься делать... — сказала она без улыбки.

— Что тут еще можно сделать? — пожал плечами Сварог. — Одевайся, мы уезжаем...

Брагант несся на предельной скорости, Сварог еще раз просчитал нехитрый план и не нашел в нем изъянов. Иногда необходима как раз лихая кавалерийская атака, точнее говоря, молниеносный бросок на цель...

Версия стала у него складываться почти сразу, потому только оставалось продумать подробности, детали, план действий.

Маркиз Ганталь — несомненный лар. Все, что он демонстрировал Лавинии, все, что он делал... ну, почти все не выходит за пределы способностей обычного лара. Сотворить груды золота из ничего, создать из синего прозрачного воздуха боевой фрегат — любой Высокий Господин Небес на это способен, и даже на большее — артиллерийские батареи, охапки оружия... Вот особняк никому не по зубам, для этого требуется уже аппаратура...

Каверзное примечание мелким шрифтом: подобное масштабное вмешательство строго запрещено. Возьмись кто-то делать золото ведрами, денежная система понесет немаленький ущерб. Предположим, Сварог когда-то в Хелльстаде сотворил с полведра золотых монет для того лихого юного дворянина — но один раз не считается, и, что важнее, дело было в Хелльстаде, где имперские средства наблюдения бессильны. А пароходик «Принцесса» он создавал с разрешения Гаудина, для пользы дела.

И «приворотное заклинание» как нельзя лучше вписывается в картинку — собственно, это не приворотное зелье в полной мере, им можно, если подыскать слова, *п о д т о л к н у т ь*, но не заставить потерять голову. Но э т о заклинание засекречено, далеко не все сотрудники спецслужб знают о его существовании, разве что им это понадобится в интересах операции...

И самое тревожащее — это умение Ганталя, выражаясь суконным языком технарей, «заэкранировать» тайные беседы с Лавинией и ее доверенными сановниками даже от хелльстадских «глаз и ушей». И его умение наблюдать за Сварогом даже в те минуты... Сегодня он это использовал для утоления эротического любопытства Лавинии, а завтра? А то и позавчера — говорила же Лавиния, что маркиз ей показывал сверхтайное заседание Сварога со Старшинами Ганзы...

Наконец, силванский мартыхан. Вся магия ларов не позволяет им *с о з д а в а т ь* живые существа — только

переносить их из других мест. Это — единственное, что не вписывается в картину. Впрочем, мартыхан мог быть и перенесен — находятся люди, которые до сих пор привозят их на Талар, прекрасно зная, что зверюшка не прогянет и двух месяцев, — успеют похвалиться живой диковишкой...

Итак? Вот уже почти год под носом у Сварога преспокойно действует несомненный лар, правда, пока что свои способности использует исключительно для того, чтобы подбрасывать дровишки в невеликий костерчик харланской смуты... но если еще есть что-то, о чем Лавиния не знает... Кто сказал, что он с ней полностью откровенен?.. Кто сказал, что у него нет д р у г и х целей, уже не из разряда мелких пакостей? Брашерио лелеял замыслы не в пример грандиознее... тоже располагал возможностями блокировать любое наблюдение, правда, сам был не в состоянии подслушивать и подсматривать, но научно-технический прогресс, стервь такая, не стоит на месте. А Магистерииум до сих пор остается вещью в себе. Что же, за маркизом Ганталем стоит все то же гнездилище высоколобых фрондеров, или, по крайней мере, не он один?

В стройную версию не вписывалось одно: шквал, разметающий тогда корабли пиратской эскадры. Никаких заклинаний «на погоду» нет, в том числе и среди засе-кренных... Но и этому можно подыскать объяснение, достаточно вспомнить тот случай, когда горротцы устроили «рукотворный» марен. Если допустить, что и здесь они замешаны, версия обретае законченность. В конце концов, так и не нашли ни «автора» марена, ни «зажигательной» собаки — в Горроте еще таится по углам что-то неразоблаченное. Наконец, в этом мире возможны самые невероятные совпадения...

До Лоранской столицы оставались считанные минуты. И Сварог еще раз сказал себе (но нисколько не «убеждал себя!»), что поступает правильно. Не тот случай, чтобы вдумчиво разрабатывать проказника, опознавать его по «картотеке» Геральдичекой коллегии. Брать нужно немедленно, все в рамках закона, оснований для аре-

ста предостаточно — а потом проторенной дорожкой везти в Глан, где троица его старых знакомых быстро развяжет пленному язык исключительно мягкими, душевными средствами убеждения...

— Вон туда, — показала сидевшая рядом с ним Лавиния. — Где золоченая ограда.

Сварог направил брагант к единственному здешнему аэродрому, которому выпала высокая честь принимать имперские летательные аппараты — когда они приземлялись я в н о, влюбленный пингвин ради конспирации присылал за предметом воздыхания брагант-невидимку, садившийся в укромном уголке, где не было посторонних глаз.

Золоченая затейливая ограда высотой в человеческий рост окружала площадку, где могла приземлиться добрая дюжина брагантов — а вокруг степенно прохаживались полдюжины раззолоченных лентяев с буфами на плечах (лезвия позолочены, конечно). Никакой необходимости в них не имелось — почетная стража, три смены в сутки. Синекура. У Сварога в Латеранском дворце тоже было десятка два таких вот чисто почетных должностей — за них даже жалованья не полагалось, но почет был несказанный, за эти места интриговали и грызлись: хранитель Главного Королевского Шкафа, Смотритель Мышей, Глашатай Погоды... Все он и не помнил, по совести говоря, но терпел — они нисколько не мешали жить.

Брагант опустил на невысокий зеленый газон. Дуррацкий аппарат на взгляд любого насмешника наподобие Сварога и Каниллы, но как нельзя более уместный с точки зрения высокой бюрократии Канцелярии Земных дел, возведенной в степень искусства: лазурно-синий, весь в золотых геральдических пчелах, с гербами Канцелярии на дверцах и золотой императорской короной, вызывавшей у Сварога потаенный хохот — она была присобачена аккурат там, где у полицейских машин на Земле (и на Той Стороне до Шторма) помещалась мигалка или «матюгальник». Как будто всего этого дурного великолепия мало, в задней части браганта,

по обеим сторонам, помещались крылья вроде тех, что красовались на американских автомобилях пятидесятих годов — но это были именно что орлиные крылья, золотые, если кто не догадался. Вылезая из такой «Антилопы-гну», чувствуешь себя клоуном, но ничего не подделаешь — при виде этого транспортного средства любой дворцовый обитатель исполняется верноподданнической трепета, нет, прямо-таки в экстазе, и, к зависти прочих, неделю самое малое будет захлеб рассказывать, как лицеизреп своими глазами...

Той же цели служили и наряды, которые они на себя вынуждены были нацепить все трое: парадные мундиры Канцелярии Земных Дел, покрытые причудливым золотым шитьем и самоцветами так, что из-под них лишь кое-где проглядывали крохотные кусочки алой и голубой ткани, стоячие золототканые воротники, украшенные гербом Канцелярии на фоне двух перекрещенных перьев — знаки различия низшего класса, чьи обладатели в Канцелярии разносят по кабинетам бумаги. Не что вроде рядового гвардии — они на земле превосходят даже тамошние генеральские...

Трое привратников распахнули золоченые ворота, опять-таки украшенные гербом Канцелярии, занимавшим добрую половину ажурных створок, — и застыли соляными столбами, выпучив глаза до отведенных природой пределов — ну, разговоров будет на неделю... Остальные четверо тоже застыли дурацкими статуями.

Лавиния в мгновение ока стала самой собой, королевой Лорана — холодное, надменное лицо, совершенно невозмутимое, как будто это и не она собиралась вскоре предать верного любовника, оказавшего ей немалые услуги. Ну да, чего стоит услуга, которая уже оказана, — в особенности если на иные благоразумнее будет не рассчитывать...

В памяти сама собой всплыла цитата, он не помнил, откуда, но она вполне подходила, и Сварог тихо сказал: — Ребята, чище, авторитетнее...

И они двинулись по мощеной дорожке к личному крыльцу Лавинии, как это водилось среди таларских

королей, старательно скопированному с Золотого Крыльца Келл Инира, разве что не такому роскошному — везде субординация!.. Сварог подумал мельком, что формалиста и бюрократа высшей степени Диаммер-Сонирила могла хватить временная потеря речи: во-первых, служащие Канцелярии вплоть до истопников (которых там по понятным причинам не имеется) должны входить в королевский дворец исключительно через главный вход, а Лавиния, коли уж ее отвозят или привозят эти раззолоченные павлины, должна быть в парадной форме — то есть при мантии и короне (от этого, согласно незыблемым параграфам, не свободен Сварог, когда летает за облака в качестве земного короля). Но принца здесь нет, а если кто-то ушлый и сообразит, что налицо вопиющее нарушение этикетов-параграфов, вопросов ни своей королеве, ни ее спутникам задавать не осмелится. И в любом случае будет поздно...

Сварог, как обычно, ощутил несказанное облегчение, знакомое каждому военному человеку, что на Земле, что на Таларе. Будь это жестокий, молниеносный удар спецназа или лихая кавалерийская атака на ошетинившуюся мушкетрами пехоту, чувство это на миг пронзает одинаково — когда все *н а ч а л о с ь*, и ничего уже нельзя ни отменить, ни изменить...

А т а к а!

Роскошные коридоры, позолота, картины в вычурных рамах, бесценные ковры, высоченные вазы, люстры — обычная декорация королевского дворца... Личные покои Лавинии, поэтому празднующихся придворных тут нет, а раззолоченные ливрейные лакеи застывают в низких поклонах

Мушкетерская юность давно кончилась — и на ближних подступах к этому крылу дворца рассредоточились четыре браганта-невидимки с двумя десятками вооруженных до зубов спецназовцев, способных в два счета устроить маленький апокалипсис в отдельно взятом дворце. Сварог не опасался неожиданностей — но лучше пересолить, чем недосолить, благо некому смеяться

над перестраховщиком и некому оценивать предпринятые меры, кроме него самого.

Они, все трое, были вооружены крепко, в широких карманах у каждого — торч, шаур и талам, действующий и на ларов парализатор. Вполне достаточно для такой операции. А рукопашной владеют все трое, особенно Канилла, очаровательная машина смерти — что давно уже признал и Гаржак, не усмотревший в этом ни малейшего ущерба пресловутому мужскому самолюбию.

Очередной раззолоченный холуй распахнул перед ними створку не такой уж высокой резной двери. Как и ожидалось, это оказалась не такая уж большая комната: стол, полдюжины стульев, большой глобус Талара в углу, две картины, морская гладь при спокойной погоде с идущими на всех парусах кораблями, на полке — свитки карт. Нечто вроде зальчика для совещаний в узком кругу. На двух высоких стрельчатых окнах затейливые решетки. Лавиния прилежно выполнила его указания: позвать маркиза в комнату, где на окнах крепкие решетки. Так надежнее, если уж решил предусмотреть все — сами собой лары летать не умеют, но у хитроумного маркиза вполне может оказаться под одеждой стандартный пояс-антиграв, доступный, в общем, любому, ничуть не запретный. Порхнет в окно ласточкой... Спецназовцы, конечно, постараются его спеленать, но поди догадайся, что еще в заглазнике у высоколобых умников из Магистериума... Не нужно забывать, что никаких доказательств и улик против него, собственно, и нет, кроме слов Лавинии, а когда их еще запротоколируют по все правилам, и кто знает, какое алиби у беглеца может сыскаться...

Сварог посмотрел на часы. Четыре минуты с тех пор, как получивший приказание Лавинии лакей помчался хоть из-под земли раздобывать фаворита. Лавиния строго приказала не говорить маркизу, что он здесь (согласно тем же указаниям Сварога), но что, если лакей — его человек и скажет, что маркиза не просто срочно зовут туда-то, а что там сама королева, да еще в столь приме-

чательной компании? На месте маркиза Сварог моментально сложил бы в уме два и два — и пустился в бега, и тут уж вся надежда на спецназовцев. Но вдруг у него в запасе тот самый поганый сюрприз... скажем, брагант, спрятанный невидимкой на балконе, ключ от двери которого только у маркиза?

Или не стоит приписывать ему столь уж дьявольскую предусмотрительность?

Потом думать стало некогда — лакей распахнул дверь и поклонился, попуская в комнату человека в мундире лоранского камергера. Сварог опознал его моментально: в свое время распорядился для порядка запечатлеть нового фаворита королевы, а пока летел, вывел сию личность на экран «портсигара» и рассмотрел уже как следует — раньше не уделял ему особого внимания, очередной фаворит любвеобильной Лавинии Лоранской, не вызывающий никаких подозрений, — дело житейское... Лет тридцати, красив, но ничуть не томный смазливый хлыщ, должная доля мужественности присутствует — вполне во вкусе Лавинии, брезгующей томными женоподобными красавчиками...

Маркиз прошел несколько шагов и остановился посреди комнаты — такая его диспозиция Сварога полностью устраивала. Лицо у фаворита было совершенно спокойным — но легонькое удивление на нем все же мелькнуло: конечно, он должен был думать, что Лавиния сейчас пребывает в Латеране, и ее неожиданное появление любого удивило бы — в особенности, если он не видел, как садился брагант Канцелярии...

— Вы здесь, моя королева? — спросил маркиз совершенно спокойным голосом и не спеша оглядел Сварога и его спутников. — Эти высокие господа... И высокая дама...

Сварогу крайне не понравилось, что маркиз с л и ш к о м спокоен, это было неправильно. Его мысль, как у всякого умного человека, сейчас лихорадочно работает, но все равно, слишком уж он спокоен, так ведет себя человек... а, ладно! Не будем терять времени...

— Работаем, — сказал он громко.

Канилла, до того старательно делавшая вид, что разглядывает висевшую у двери картину, неуловимым кошачьим движением перетекла на пару шагов левее и оказалась между дверью и маркизом. Гаржак вскочил и замер в готовности. Оба стояли грамотно, так, чтобы не оказаться на линии огня друг друга и чтобы на нее не попали ни Сварог, ни Лавиния. Сварог тоже встал и распорядился:

— Маски снять!

Они все трое были в масках высшей степени защиты, какую не одолеть и лару, если только он не сотрудник спецслужб. И Сварог провел левой рукой перед лицом — как и Гаржак с Каниллой.

Маркиз остался спокойным, не сделал попытки выхватить оружие — если только у него было оружие. Сварог вмиг его прокачал — и не понял, что он видит... Нечто раньше ему не встречавшееся...

Совершенно ничего черного. Самый обыкновенный человек, вот только вокруг него, затейливо сплетаясь, словно бы неспешно кружили неширокие полосы неяркого золотистого света (или пламени?), охватившие словно бы коконом, позволявшим рассмотреть фигуру и лицо — но всех у меня и Сварога (а их было немало) не хватило, чтобы определить, с чем (с кем?) он столкнулся...

— Лорд Сварог? — преспокойно спросил маркиз. — Следовало ожидать... Лавиния, прелесть моя со змеиным сердцем, ты меня, как я догадываюсь, предала?

— Такая уж игра, где каждый сам за себя, — отрезала Лавиния, не шелохнувшись.

— Не будем разыгрывать мелодраму, мы не в провинциальном театре, — сказал Сварог, ощущая растущее смутное беспокойство. — Коли уж вы меня знаете, маркиз, нет нужды представляться или декламировать скучные юридические формулы. Вы арестованы.

Канилла и Гаржак с похвальной быстротой навели на маркиза парализаторы. Сварог тоже опустил руку

в карман и сжал рукоятку торча. Неправильное спокойствие, неправильная уверенность в себе...

Вокруг маркиза высоко встало золотистое сияние, словно бы язык неяркого пламени — видимое глазом! — сомкнулось сплошным острым куполом... В следующий миг на том месте, где только что стоял маркиз, скрестились два бледно-розовых луча парализатора и тут же погасли. Потому что маркиза там уже не было, ничего не было, кроме светло-коричневого паркета «елочкой», ничуть не пострадавшего от огня.

Канилла тем же неуловимым движением оказалась на том месте и, опустив руку с парализатором, растерянно вымолвила:

— Его... нет...

Стань маркиз невидимым, она бы это увидела. И Сва-рог тоже. Но не было в комнате маркиза. Только они четверо.

Стояла тяжелая тишина.

Лавиния громко, истерически рассмеялась и тут же умолкла, словно ей перехватило горло.

Красноярск, май 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Слышен звон кандалный... ..	5
Глава II. Король отдыхает	23
Глава III. Тяжкая доля воспитателя	41
Глава IV. Хитрости небесной механики	77
Глава V. Наш грустный массаракш	100
Глава VI. Снова о небесной механике	141
Глава VII. Нужно провести разведку боем... ..	167
Глава VIII. Пестрый флаг капитуляции	200
Глава IX. Атака!	276

Авторы стихов, упомянутых в романе:

Владимир Высоцкий,

Александр Галич,

Ольгерд Довмонт,

Роберт Рождественский,

Юз Алешковский.

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

**ВРЕМЕНА ЗВЕЗДОЧЕТОВ.
НАШ ГРУСТНЫЙ МАССАРАКИШ**

Роман

Ответственный за выпуск *В. В. Кузьмин*
Оформление обложки *Ю. А. Меньшиковой*
Верстка *Е. Э. Алексеевой*
Корректор *М. Д. Надёжина*
Цветоделение *Л. В. Поповой*

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

Подписано в печать 20.09.2023.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Palatino.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 18.
Тираж 5000 экз. Заказ №8933УДП.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ООО «Просвещение-Союз».
Российская Федерация, 127473, г. Москва,
ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, помещение 1Н.